

12+

Вл.Г. Фалеев

**Детство и школа (1932 - 1949) Стихи
разных лет**

Владимир Георгиевич Фалеев

Детство и школа. 1932— 1949. Стихи разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56443739

SelfPub; 2020

Аннотация

В первой части книги увлекательно и живо рассказывается о детстве и школьных годах автора, пришедшихся на довоенные и военные годы. Современному читателю будет интересно узнать о бомбежках Москвы, жизни в эвакуации и в Москве военного времени.. В одной из глав автор описывает учебу, отдых и приключения советских ребят в Берлине и послевоенной Германии. Во второй части любознательный читатель найдет не только стихотворения самого разного содержания ("внутренние монологи", лирика, эпиграммы и др.), но и авторские комментарии к ним. Живые, с легким юмором, написанные прозой комментарии дают некоторое представление о жизненном пути и личности автора. Книгу с удовольствием прочтут люди разных возрастов и вкусов.

Содержание

Часть первая	5
От автора	5
Глава первая. Раннее детство (1932–1939)	12
Глава вторая. Малая родина	60
Глава третья. Я иду в школу. Начало войны (1939 – сентябрь 1941 г.)	71
Глава четвертая. Эвакуация (сентябрь 1941 – август 1942)	94
Глава пятая. Возвращение в Москву. Военные годы (август 1942 – май 1945)	106
Глава шестая. Берлин (февраль 1946 – июль 1948)	147
Глава седьмая. Окончание школы (июль 1948 – август 1949 г.г.)	186
Краткое послесловие	207
Часть вторая	209
Глава первая, в которой автор говорит о Поэзии, вспоминает первые опыты стихосложения и рассказывает об обстоятельствах, их сопровождавших	209
Глава вторая, в которой автор знакомит читателя со своими «внутренними монологами»	232

Глава третья, в которой автор говорит о женщинах и любви искренно, серьезно, и немного шутливо	272
Глава четвертая, в которой автор вновь объясняется в любви – на этот раз к природе	302
Глава пятая, несколько более легкомысленная, нежели предыдущие	313
Глава шестая, в которой автор убедительно доказывает, что браки заключаются на небесах, и объясняет появление морковки в фамильном гербе	331
Глава седьмая, заключительная, в которой автор высказывает сочувствие всем родившимся 29 февраля, в том числе себе	377
Эпилог	383

Часть первая

Детство и школа

(1932–1949)

Памяти дочери моей Марины

От автора

В 2012 году издательство «Новые авторы» выпустило небольшим тиражом мою книжку «Мы уходим из сегодня в завтра». Она не предназначалась для продажи и была задумана как подарок моим родным и друзьям. В нее я включил стихи разных лет, сопроводив их краткими прозаическими комментариями. Это были воспоминания об отдельных периодах моей жизни, встречах с интересными людьми, некоторых событиях прошлых лет. Такое построение книги вызвало живой отклик читателей. Многие стали просить меня продолжить рассказы в прозе, и подготовить второе издание книги, пополнив ее новыми стихами. Моих друзей и знакомых особенно интересовали подробности моего детства, пришедшегося на предвоенные и военные годы. Об этом в книге я ничего не рассказал.

Положительная реакция читателей подсказала мне, что с

выбором тиража я ошибся. Кроме того, с учетом современных реалий для расширения их круга необходимо было бы иметь электронный вариант книги. Я задумался над подготовкой ее второго издания.

Однако, как часто это бывает, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Шли годы. Копились новые стихи, росло число моих новых знакомых, узнавших о книге и пожелавших ее получить. Даже работа над воспоминаниями о детских и школьных (военных и послевоенных) годах сильно затянулась. Серьезным поводом все же выполнить свое обещание стала славная дата – 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–45 г.г.

Сейчас эта тема стала особенно актуальной в связи с попытками некоторых западных «горе-историков», а то и обычных провокаторов, исказить факты, очернить СССР и принизить значение нашей победы над фашизмом. Безусловно, в дополнение к огромному накопленному массиву воспоминаний о военных годах, защите исторической правды могли бы помочь новые рассказы ветеранов. Увы, годы их не щадят. Живых участников боевых действий становится все меньше. Но дополнить литературу о годах Великой Отечественной войны новыми воспоминаниями о жизни тыла по силам тем, чье детство прошло в этот период времени. Так в предлагаемой читателю книге появился рассказ о моей семье, детских и школьных годах.

Сравнительно недавно в нашем информационном про-

странстве появился термин «дети войны». Законодательно он пока не утвержден, но в любом случае речь идет о жителях СССР, которые родились в период с 1928 по сентябрь 1945 года. В контексте сказанного выше интересны возможности «детей войны» – а автор как раз относится к этой группе населения – поделиться своими воспоминаниями. Хотелось бы только в этом аспекте внести некоторые уточнения в сам термин, обратив внимание на нечеткость его определения.

Если отталкиваться от дат рождения, правильнее было бы назвать нас «дети военного времени», и вот почему. С моей точки зрения подлинные «дети войны» это те, кто испытал на себе ее ужасы непосредственно. Побывав на оккупированных фашистами территориях, в немецком плену, спасаясь от бомбежек и артобстрелов. Истинные дети войны – ленинградские блокадники. Их рассказы и воспоминания были бы бесценным вкладом в память о войне с фашистской Германией.

Но себя и многих моих ровесников я могу отнести к другой категории. Мы в достаточно полной мере испытали все тяготы военного времени, а я, как москвич, застал и бомбежки столицы. Как раз в моих очерках рассказывается и об эвакуации, о тяжелых условиях быта военного времени, о постоянном недоедании в те годы. Это тоже дает мне право считать описание моих военных и предвоенных лет посильным вкладом в летопись нашей истории.

Будут ли они интересны – судить вам, друзья. Мне же только остается надеется на высказывание Александра Ивановича Герцена в четвертой части «Былого и дум»: «Для того, чтобы писать свои воспоминания, не надо быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, – для этого достаточно быть просто человеком, иметь что-нибудь для рассказа, и не только хотеть, но и сколько-нибудь уметь рассказывать».

Хочется добавить к этой цитате еще одну. Это строчка из очерка замечательного русского и советского писателя, моего любимого Константина Георгиевича Паустовского о «дяде Гиляе» – журналисте и знатоке московского быта, «короле репортеров» В. А. Гиляровском: «Каждому времени нужен свой летописец, не только в области исторических событий, но и летописец быта и уклада. Летопись быта с особой резкостью и зримостью приближает к нам прошлое».

Я тоже старался коснуться запомнившихся мне черточек советского быта довоенных и первых послевоенных лет, естественно со скидкой на возраст автора. В этих воспоминаниях нет вымысла. Полагаясь на свою память, я описал свои детские годы такими, какими они были.

Вторую часть книги открывают стихи, как уже печатавшиеся, так и новые, написанные в последние годы. Их автор – не поэт в буквальном смысле этого определения, и вообще человек, довольно далекий от литературного творчества. Тем не менее мои стихи отнюдь не хобби. Они стали частью моей

натуры и моей жизни.

Начиналось все с шуток и поздравлений. Постепенно осмысление событий, свидетелем которых был автор, переросло в потребность записывать свои впечатления в стихотворной форме. Я назвал их внутренними монологами. Добавлялись многочисленные поздравления друзьям и знакомым, эпиграммы, лирика, стихи, посвященные любимой жене Светлане. Многое я включил в часть вторую этого сборника.

Несколько слов о себе. По профессии я – инженер-градостроитель. Окончил факультет городского строительства и хозяйства Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева в 1954 году. Если Одесса дала миру плеяду знаменитых литераторов – Бабеля, Багрицкого, Катаева, Жванецкого, то МИСИ выпестовало свой ряд известных ныне лиц – Э.Кио, Л.Якубовича, Лиона Измайлова и других. В МИСИ учились Высоцкий и Хазанов. В начале эпохи КВН команда нашего института считалась одной из самых сильных. Однако это было уже позже моего пребывания в институте, и судьба не дала мне шанс начать сочинительство в ее рядах.

Вся моя последующая профессиональная деятельность была связана с градостроительством. Более 30 лет, до развала Союза, я трудился в ведущих профильных институтах – Гипрогор, ЦНИИП Градостроительства, Институте реконструкции исторических городов. Вместе с коллегами рабо-

тал над проектами планировки и застройки Владимира, Суздаля, Казани, Набережных Челнов, Пскова, Великого Новгорода, Дербента, Фрунзе и еще более десятка городов нашей страны и некоторых зарубежных стран – Ирана, Болгарии, Монголии. В составе делегаций участвовал в международных профессиональных конференциях (Женева, Париж, США). В 1984 году вышла моя книга «Организация градостроительного проектирования» (Москва, Стройиздат).

Убежден, постоянное общение с несомненно творческими натурами моих товарищей-архитекторов сыграло определенную роль в увлечении сочинительством. Особенно в Гипрогоре, где по тогдашним временам большой популярностью пользовались «капустники». Мы брали пример с самодеятельных ансамблей «Кохинор» и «Рейсшинка» института Моспроект и готовили свои номера к праздничным вечерам.

Последующие десятилетия были плотно заняты работой, личными делами, поездками. До стихов руки не доходили. Переломным оказался 1982 год (см. главу 6 части второй).

И, как это не удивительно, потребность делиться с окружающими своими мыслями в стихотворной форме проявилась у меня уже после выхода на пенсию!

Не могу не остановиться еще на одном, чрезвычайно важном для меня обстоятельстве. Выйдя в свет, эта книга оставит воспоминание не только обо мне. Я отдаю должное памяти тех, кого уже нет среди живых, и кому я обязан много-

му, прежде всего любви к труду, вере в добро и его главенству над злом. Тем, кто научил меня быть честным и любить свою родину.

Я кланяюсь своей бабушке Людмиле Константиновне, возившейся со мной малышом и школьником долгие годы. Маме и папе, Елене Васильевне Гусевой и Георгию Анатольевичу Фалееву, поставившим на ноги и давшим главное направление в жизни.

Воспоминания о детстве посвящены моей дочери Марине, так любившей мои стихи. Она ушла от нас трагически рано, после продолжительной болезни, не дождавшись выхода этой книги.

С признательностью вспоминаю школьного друга моего, Володара Лишевского, давшего мне первые уроки литературного труда.

Выражаю благодарность Владимиру Олеговичу Попову за интернет-поддержку рукописи книги.

Спасибо всем, кто был со мной рядом по длинному жизненному пути.

Глава первая. Раннее детство (1932–1939)

Однажды, уже будучи совсем взрослым, в разговоре с мамой я узнал, что родился несколько преждевременно. Что уж было тому причиной, мама не сказала. Тем не менее, вместо положенного апреля я поторопился увидеть Божий свет в феврале. Да не просто, а 29-го, год-то был високосным. По церковному календарю полагалось назвать меня Касьяном. Но в те годы церковь почетом не пользовалась, и имя родители выбрали по своему вкусу. Мне оно тоже нравится.

По гороскопу вышел я как бы «поздней Рыбой», но полагающиеся по срокам черты «Овена» также частично получил. Указанные обстоятельства, видимо, как-то сказались на моем характере.

От Рыб в нем, как утверждают составители гороскопов, душевная тонкость при развитом уме, сильном скептицизме и самоанализе. От Овнов – трудолюбие, но и вспыльчивость, агрессивность и ряд других, не очень приятных качеств. В целом, как утверждает моя жена Светлана, характер сложный. Впрочем, так говорят (даже не связывая характер со знаками зодиака) не менее 98 % всех жен своих мужей.

Появился я на свет в Москве, в Замоскворечье, роддоме на Шаболовке, что рядом с Шуховской телебашней. Оттуда папа привез нас в дом 11 по 2-му Спасоналивковскому пе-

реулку. Этот дом был моим все следующие 20 лет жизни.

Сейчас многие сами занимаются поисками предков, или заказывают специалистам составление своих родословных. Приходилось видеть у знакомых целые картины с изображением развесистых генеалогических древ, сучья которых порой украшали фамилии и имена весьма известных личностей. Так ли это на самом деле, или исполнители заказов тешили тщеславие клиентов – оставим на их совести. У других хранятся толстые альбомы с фотографиями, пожелтевшие письма и другие документы, говорящие об истории семьи. Военные ли годы тут виной, или другие повороты судьбы, но у меня ничего подобного не сохранилось, кроме отрывочных детских воспоминаний из рассказов бабушки и родителей. Будучи взрослым, я мог многое уточнить, однако по разным причинам этого не сделал. Вряд ли бы что-то дали и генеалогические изыскания. Слишком много времени прошло. Поэтому буду рассказывать по памяти о самых близких родственниках. Ну а что до генеалогии, согласитесь, важнее, каков ты сам в мыслях и поступках. Висящий на стене портрет пусть даже выдающегося предка тебе самому славы не прибавит. Хотя, чего греха таить, я и сам иногда скромненько так сообщаю: «А вот среди моих, дальних правда, родичей со стороны отца, были потомки самого Миклухо-Маклая...», и жду реакции собеседника. Если он заинтересуется, сообщу, что держал в руках подлинную по-

левую сумку путешественника и сделанные им фотографии туземцев. Как это случилось, расскажу дальше. А пока позвольте познакомить вас с моими родными.

Дедушка со стороны матери был из крестьян деревни Печины Нижегородской губернии. Знаю об этом со слов мамы. Это место находится где-то на юго-востоке нынешней области, но найти ее на карте мне пока не удалось. Надо думать, дед был достаточно смекалист, ибо сумел выучиться не только грамоте и арифметике. Получив специальное образование в Нижнем Новгороде, стал служить счетоводом, а затем и бухгалтером, позднее перебрался с семьей в Москву. На бабушке Елизавете Дмитриевне женился еще в Нижнем. Она родила ему четверых дочерей. Старшей была тетя Лида, вслед за ней в 1910 году родилась моя мама Елена Васильевна, позже еще две сестры – Зинаида и Юлия. Тетю Лиду в живых я не застал – она скончалась в 1931 году, теток Зину и Юлю помню очень хорошо.

После революции дед Василий работал старшим бухгалтером на фабрике в районе Б.Серпуховской улицы. От фабрики семье деда дали комнату на втором этаже неказистого строения во дворе нынешнего дома 42. Строение это сохранилось. Сейчас бы мы назвали «это» общежитием, тогда же, если не ошибаюсь, именовалось оно казармой.

Я помню дедушкино жилье очень хорошо, потому что мама с папой часто водили меня туда в гости. Я обожал, держа родителей за руки, высоко подпрыгивать над лужами и вы-

боинами в асфальте. Дорога к дому бабушки шла по нашему переулку, по Полянке, через Серпуховскую площадь. Путь, надо сказать, не близкий. Не с той ли далекой поры я полюбил дальние пешеходные прогулки? По дороге, как все малыши, я обожаю читать названия магазинов. С некоторыми связаны забавные воспоминания. До сих пор, а прошло уже более восьмидесяти лет, я не без опасения поглядываю через боковое стекло автомобиля на сохранившуюся вывеску «Стоматология» на одном из домов на Большой Серпуховке. Мимо него, смеясь, пробегали родители, в шутку пугая меня зубным врачом.

Комната второго этажа, где к этому времени обитали бабушка, бабушка и незамужняя тетя Зина (тетя Юля вышла замуж и ей дали крохотную комнатенку на первом этаже той же казармы), была одной из десятка таких же помещений, площадью метров по 15 каждое. Их объединял длинный коридор. В конце коридора находились общая кухня и примитивные «удобства». Горячей воды не было. Готовили на примусах и керосинках. Коммунальными квартирами в то время мало кого можно было удивить, но это было какое-то уж совсем «обобщественное» жилье. Хотя и был я тогда совсем уж маленьким, все же комнату эту запомнил хорошо. Голые, с дешевой побелкой стены, примитивная мебель, да скудный домашний скарб – вот так и жили многие тогда москвичи.

Жизнь человека, как хорошо известно, во времени неред-

ко развивается по спирали. В одной и той же точке пространства вы можете оказываться в разные годы, нередко через многие десятки лет. В своем рассказе я часто буду говорить об удивительном свойстве человеческой памяти – возвращаться в свое прошлое конкретного места. Это не то, что хорошо известно, как «дежавю» – впечатление, что ты уже был здесь, где на самом деле никогда не был. Нет. Речь о Тебе-Тогда и Тебе-Теперь, в том же самом месте. Иногда, повзрослев сам, ты встречаешь все сохранившимся словно много лет назад. Чаше же все меняется до неузнаваемости. «Господи, да ведь я проходил здесь двадцать лет тому назад! Надо же, а вот тут стоял...» и вы погружаетесь в воспоминания. На примере моей долгой жизни в Москве я сталкиваюсь с этим явлением постоянно.

Ныне я довольно часто проезжаю на машине мимо дедушкиного дома. Что там внутри, не знаю, но фасад тот же. Последний же раз сюда меня привела мама в начале октября 1941 года проститься с дедом. Он тяжело болел. Москву начинали бомбить немцы. Мы уезжали в эвакуацию, и было ясно, что прощание это – навсегда. Помню холодный лоб деда и бабушку, утиравшую слезы. Дедушка не дожил и до семидесяти, его не стало зимой, когда мы были в Чкалове. Бабушка Лиза ненадолго пережила мужа. Их могила находится на Даниловском кладбище, недалеко от места первого захоронения очень чтимой святой Матроны Московской.

Когда в 1982 году ушла из жизни моя мама, она легла к

своим родителям. Чуть позже в той же могиле был похоронен прах моих теток – сестер Зинаиды и Юлии. Их жизнь сложилась по-разному. Тетя Зина осталась незамужней. Тетя Юля незадолго до начала войны вышла замуж за военного, лейтенанта-танкиста. В семье родился сын, мой двоюродный брат Дима. После гибели мужа в 1942 году на фронте тетя Юля замуж так больше и не вышла, одна воспитывала сына, но прожила недолго. Какое-то время мы изредка встречались с Димой, но потом жизнь нас развела, и о его судьбе я ничего не знаю. На могиле Гусевых я поставил скромный памятник. Регулярно их всех навещаю.

Ну, а что же по папиной линии? Здесь конкретной информации у меня практически нет. О многом я сейчас догадываюсь, вспоминая обрывки разговоров взрослых и сопоставляя кое-какие факты. Если мамины предки были крестьяне, то папины однозначно дворяне.

Про своего дедушку с папиной стороны могу сказать немного. Звали его Анатолий Фалеев, был он военным инженером в чине полковника и работал на одном из заводов под Петербургом по артиллерийской части. Судьба его после революции мне неизвестна, да и бабушка ничего о нем не говорила, поскольку были они в разводе, и насколько теперь я понимаю, довольно давно. Папа тоже как-то не рассказывал мне о дедушке, видимо и ему было не очень приятно касаться этой темы.

Правда, довелось мне, уже будучи взрослым, во время командировок в Ленинград, заходить в гости к сводной сестре отца – тете Ляле (так она себя называла, будучи по паспорту все же Раисой, но Ляля более благозвучно). Тетя Ляля была дочерью моего дедушки во втором браке, том самом, что состоялся после развода с бабушкой Людмилой Константиновной. Но и тетка о своем отце ничего не рассказывала.

Когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство бабушки с дедушкой, закончившееся их свадьбой и рождением старшего брата моего папы, дяди Бори, и его самого, мне неизвестно. Знаю, что бабушка родилась и жила в Санкт-Петербурге, закончила вместе со своей сестрой Екатериной институт благородных девиц и, по-видимому, происходила из достаточно обеспеченной семьи. Сужу об этом по косвенным приметам – фотографиям сестер, сделанным в разных городах во время их путешествий по Европе.

Когда я был маленьким и болел, бабушка развлекала меня, давая смотреть толстенные альбомы с этими фотографиями и почтовыми карточками с видами Вены, Парижа и других городов. На многих фото красовались модно и богато одетые сестры Катя и Люда в огромных широкополых по той моде шляпах. Рассматривать открытки и фотографии было жутко интересно. Совершенно уверен, что моя страсть к путешествиям зародилась именно тогда!

По обрывкам разговоров родителей я знал, что бабушка второй раз вышла замуж и уехала из Санкт-Петербурга вме-

сте с сыновьями. Каким образом революционные вихри занесли их на Украину, история умалчивает. Но легендой теперь уже моей семьи был бабушкин рассказ о том, как ее младший сын Юра, окончив гимназию, работал в одном из украинских городов слесарем. Официальная версия гласила, что иметь рабочий стаж было нужно для продолжения образования. Но, довольно много общаясь с отцом в детстве, я видел, как он не только не чурается физического труда, но и просто любит все делать своими руками. А папина работа давала еще и средства к существованию – содержать себя и сына бабушке было сложно (старший брат отца Борис к тому времени уже жил отдельно). Но почему Юра, а не Георгий, как было записано у папы в паспорте? Не знаю, но бабушка иначе как Юрой моего папу не называла!

Одной из любимых моих игрушек был папин зеленый сундучок. В нем он хранил домашние инструменты: отвертки, плоскогубцы и прочее. Но особой гордостью папы был железный молоток. «Я сделал его сам!» – говорил отец, показывая мне, как он обрабатывал металл ручки и бойка в тисках. С детских лет я умел работать отверткой, напильниками и другими инструментами. Свои навыки и любовь к труду отец передал мне, за что я ему необыкновенно благодарен.

Я не осуждаю мужиков, не умеющих делать дома самые элементарные вещи – забить гвоздь, просверлить отверстие в стене дрелью, устроить освещение мойки на кухне. Я их просто жалею, детей их тоже. Это же так важно – не толь-

ко воспитать в своих детях уважение к любому физическому труду, но и научить делать в общем-то несложные вещи своими руками!

Интернет – это хорошо. Но когда твой ребенок кроме нажатия кнопок разных, извините за выражение, гаджетов ничего больше не умеет делать самостоятельно – это неправильно и, если хотите, ужасно. Не отсюда ли произрастает потребительское отношение ко всему?

Так не хочется, чтобы нынешнее – увы! неуважение к физическому труду отрицательно сказалось на формировании личностей подрастающего поколения. Еще один аспект – появление в таких семьях белоручек, а в более обеспеченных барчуков – «мажоров». Но эта тема требует специального анализа.

Я так и не узнал, когда и при каких обстоятельствах бабушка вернулась в свой родной город, где у нее оставалась сестра, моя двоюродная бабушка Катя. У той уже были за плечами и брак, и развод, и дочь Елена, и небольшая комнатка в коммунальной квартире на Первой линии Васильевского острова. Бабушка жила в семье сестры до момента моего рождения, когда папа попросил ее приехать в Москву помогать маме с маленьким Вовчиком. Оставалась с нами она долго, до момента моего поступления в институт, после чего вернулась в Ленинград. Виделись мы с бабушкой несколько раз, когда я приезжал туда по служебным делам. Познакомился с ее сестрой, тетей Катей, и ее дочерью, тетей Ле-

лей. Та была историком, кандидатом наук, отлично владела итальянским языком. Хорошо помню название ее диссертации: «История сеньории в Ферраре». Тетя Леля была «сливянкой» – фанаткой известного ленинградского тенора Сливинского (как у нас в Москве были «козловитянки» и «лемешистки» – поклонницы знаменитых оперных певцов Козловского и Лемешева), За чаем велись интересные разговоры о буднях ленинградской интеллигенции.

Любимой бабушки моей Людмилы Константиновны не стало в день полета Юрия Гагарина – 12 апреля 1961 года. Увы, так случилось, что на ее похороны я не попал. К счастью, на ее могиле однажды побывал. Переписка с тетей Лелей продолжалась какое-то время, потом постепенно становилась более редкой, пока не оборвалась...

В Ленинграде жили и несколько других наших дальних родственников, из которых личные встречи у меня были только с тетей Лизой. Так я называл одну из троюродных сестер папы. Здесь я немного отвлекусь.

Тетя Лиза, музейный работник, была замужем за Николаем Дмитриевичем Миклухо-Маклаем. Его отец доводился знаменитому этнографу и путешественнику Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю племянником. Как известно, Николай Николаевич после возвращения из последней экспедиции в Новую Гвинею прожил недолго. Он скончался в Петербурге в 1887 году, сорока одного года от роду. Его вдова Маргарита Робертсон, дочь премьер-министра австралий-

ского штата Новый Южный Уэльс, посвятив некоторое время разбору эпистолярного и научного наследия мужа, покинула Петербург и вместе с сыновьями вернулась в Австралию. Часть экспедиционных материалов мужа она передала в распоряжение Императорского Географического Общества. Судьба многих остальных вещей, привезенных Миклухо-Маклаем из Новой Гвинеи, оказалась в руках его сестры.

Возможно этим объясняется появление их части уже в наши дни в доме внучатого племянника путешественника Николая Дмитриевича Миклухо-Маклая, сотрудника Института Этнографии АН СССР.

Позвонив предварительно по телефону тете Лизе, с тортом и букетом подхожу к ее дому на углу 7-ой линии Васильевского острова и набережной Лейтенанта Шмидта. Ба! Вот это да! На фасаде дома, рядом с небольшим портиком с дорическими колоннами вижу мемориальную доску. Оказывается, здесь на втором этаже музей-квартира академика Ивана Петровича Павлова! Открыв дверь первого этажа с табличкой «Н.Д.Миклухо-Маклай», тетя Лиза смеется: «Народ замучил. Приходят в музей Павлова, а тут еще Миклухо-Маклай. Звонят, спрашивают, а у нас музея нет. Хотя кое-что тебе покажу».

В огромной и, судя по обстановке, густонаселенной коммунальной квартире, в которую превращен первый этаж старинного петербургского дома, тете с мужем выделена большая комната. К сожалению, Николая Дмитриевича в этот

день я не застал.

Тетя ушла на кухню с намерением вкусно меня покормить, а мне сказала: «Видишь этот шкаф? Поройся в нем, будет интересно». На нижней полке нахожу большую, из грубой кожи и довольно тяжелую сумку с ремнем. Перед глазами всплывает известная фотография – Миклухо-Маклай, через плечо сумка, а рядом туземец. «Что, если это...?»

«Ты не ошибся», – раздается голос вошедшей со сковородкой тети, – «это ЕГО сумка. Посмотри, что внутри».

Не знаю, приходилось ли вам, читатель, держать в руках подлинные предметы, имеющие историческую ценность. Именно касаться их, а не рассматривать через толстое стекло витрины музея. Впечатление необыкновенное! Тебя уносит медленное течение реки времени к хозяину раритета, обстановке, в которой он находился... В тот момент это был далекий берег Новой Гвинеи. Из сумки я вынимаю пачку дагерротипов, чуть потемневших от времени.

Хижины папуасов, какие-то обряды, толпа полуобнаженных женщин... Бережно кладу все в шкаф. «Теть, – говорю, – это ж все в музей же надо!». «Обязательно отдадим, никак не соберемся, жалко расставаться». Это был мой единственный визит в дом тети. Вышло так, что приезжая в Ленинград позже, я не застал в живых уже ни ее, ни Николая Дмитриевича. Надеюсь, все раритеты нашли свое место в ленинградских музеях.

К слову. Еще один случай подобного рода был у меня в

Тобольске, много лет спустя. Это была командировка по вопросу застройки новой части города для работников строившегося нефтеперерабатывающего завода. Любезные хозяева города устроили нам экскурсию в архив. Я держал в руках подлинный экземпляр следственного дела о покушении на Григория Распутина, с его закорючкой вместо подписи (старец, как известно, был неграмотный), а также пачку копий фотографий. На них был снят Николай Второй с двуручной пилой в руках возле поленницы дров. Снимки были сделаны незадолго до отправки семьи царя в Екатеринбург, где они приняли мученическую смерть в подвале дома Ипатова. Тот же трепет, то же волнение... Прошу простить меня за отступление, но мне казалось, что эти факты покажутся вам интересными.

Теперь о моем отце. В отличие от бабушки папа приехал не в Ленинград, а в Москву.

Имея за плечами рабочую профессию и среднее образование, он поступил в институт машиностроительного профиля. Думается, свою роль в этом решении сыграли гены его отца, военного инженера. По окончании института получил специальность инженера-механика и назначение на один из заводов.

Судя по тому, каким я помню отца в свои детские годы, он был веселым компанейским парнем, увлекался мотоциклом и игрой на гитаре. Маме в ту пору было всего двадцать.

После окончания школы она училась в техникуме. Встретились и познакомились мои родители в одной из компаний. Их отношения развивались достаточно бурно, и в 1930 году папа и мама поженились.

Вскоре после этого события папу направили на строящийся новый московский мясокомбинат, впоследствии получивший имя А. И. Микояна. Вероятно, отец хорошо зарекомендовал себя на предыдущем месте работы. Здесь его сразу назначили главным инженером ремонтно-механического завода мясокомбината.

Перед началом войны он вступил в партию, был уже директором завода, а вскоре его назначили главным инженером всего большого предприятия – московского мясокомбината им. Микояна. В этой должности отец проработал все военные годы. На нем, как одним из руководителей предприятия, лежала огромная ответственность за бесперебойное снабжение продукцией комбината действующей армии, населения Москвы, области, а главное – правительства Советского Союза. С последней задачей должен был справляться так называемый «кремлевский цех». В условиях войны эта ответственность была, что называется, «расстрельной».

За обеспечение четкой работы всего оборудования комбината и выполнение спецзаданий Правительства в 1944 году отец был награжден орденом Трудового Красного знамени. После окончания войны его направили на работу в Германию, а по возвращении не родину отец возглавил один из

главков Министерства мясной и молочной промышленности СССР. Последние годы жизни (папы не стало в апреле 1968 года) он трудился в Госплане СССР.

Не знаю в силу каких обстоятельств, но о своем брате отец не упоминал. Может быть, я просто не запомнил, но о нем, кажется, не говорила и бабушка.

Дядя Боря неожиданно появился в нашем доме в начале мая 1942 года, проездом откуда-то из одного из уральских городов на фронт. Высокий, в нескладной шинели, он рассказал, что он в чине лейтенанта, пехотинец, направлен в одну из частей Юго-Западного фронта. Как могли, мы его накормили, выслушали короткий рассказ о семье.

Известие о его гибели мы получили уже от его вдовы, спустя полгода. Отношений с ней у моих родителей так и не завязалось.

А что же мама? До моего рождения она окончила техникум, но дальнейшую учебу пришлось временно прервать. Даже когда ей в помощь из Ленинграда приехала бабушка Люда, мама не сразу вернулась к мысли об институте. И хотя она мечтала продолжать образование, видимо в силу каких-то обстоятельств несколько лет ей это не удавалось. Когда я касался этой темы уже взрослым, видно было, что маме неприятны мои расспросы. Все же в 1939 году, сдав экзамены, мама стала студенткой Московского геологоразведочного института. Хорошо помню ее восторг после первых лекций, знакомства с новыми друзьями-студентами, ощущение

ния перемен в жизни. Почему-то особенно мама восхищалась маленькой логарифмической линейкой. Линейку подарил ей папа. Теперь такие линейки можно увидеть лишь в музеях истории техники, а тогда... Это был как бы знак студента технического вуза! Я бережно храню мамину линейку.

Однако мамина жизнь повернулась по-иному. В начале второго курса она поняла, что ждет ребенка. Институт пришлось оставить. Брат мой Павел появился на свет в апреле 1941 года. А вскоре фашисты напали на нашу Родину. Началась война, изменившая жизнь всего народа. Маме так и не удалось получить высшее образование. Впрочем, это не мешало ей всю жизнь оставаться умной женщиной, живо интересующейся новостями культуры и много читающей. В следующих главах я расскажу, как мама со мной и новорожденным братом была в эвакуации, как вся наша семья два с половиной года прожила в Берлине. По возвращении в Москву мама воспитывала брата и оставалась хозяйкой квартиры в Спасоналивковском переулке еще долгих 16 лет. Павел, окончив школу и педагогический институт, в качестве военного переводчика отправился в Ирак. На заработанные там деньги он купил кооперативную квартиру. В то время я уже был женат и жил отдельно. Павел забрал маму на новую квартиру, где она прожила с ним до своей смерти в 1982 году. Сам он женился поздно, детей у него нет. Сейчас на пенсии.

Мой отец Георгий Анатольевич Фалеев (1908–1968)

С мамой Еленой Васильевной (1949)

Вот, собственно, основное, что я мог вспомнить о своих близких родственниках. Как видите, в моей родословной переплелись две линии – крестьянская и дворянская. Нет ничего удивительного в том, что благодаря такому происхождению я всю жизнь одинаково уютно чувствовал себя в обществе людей разных социальных слоев. Простых, что называется, работяг, и представителей высокой интеллигенции. Единственное, что в этом смысле одинаково претило мне в отношениях с людьми, независимо от их положения в обществе, это, если так можно выразится, «неоправданная» матерщина. Я – нормальный русский. Сгоряча, в запальчивости, но только в мужском обществе могу выругаться. Но чтобы просто так «разговаривать» нецензурно – извольте. Особенно огорчительно слышать мат из уст подростков, даже девочек-школьниц. Еще более неприятно, когда представители интеллигенции щеголяют нецензурной лексикой. Противно. А что до качеств личности, то по-настоящему хороших людей можно встретить на любой ступеньке общества. Как повезет.

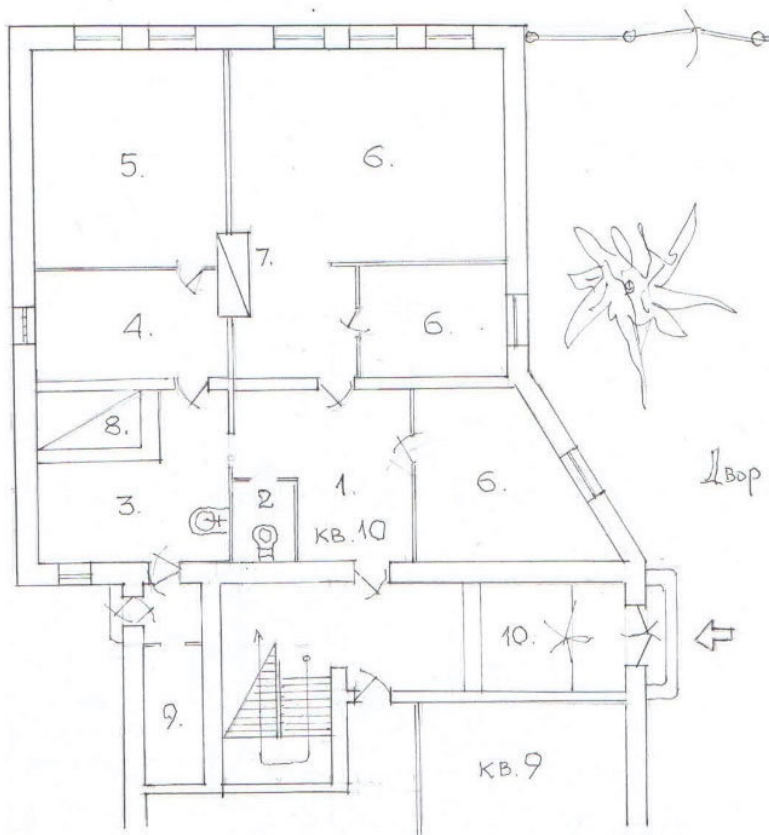
Рассказ о своей семье несколько затянулся. Пора вернуться к маленькому Вовчику.

Новорожденного привезли из роддома в коммунальную квартиру № 10 дома № 11 по 2-му Спасоналивковскому пе-

реулку. Описание своей малой Родины – ближайшей части Замоскворечья – я выделил в отдельную главу. Возможно, не всем будет интересно читать описание этого уголка Москвы и рассказ о его истории. Те же, кто решится на это, думаю, узнают кое-что любопытное и новое для себя. В этом мне помогли материалы из книг по истории московских улиц и интернет. Ну, и собственные воспоминания, конечно.

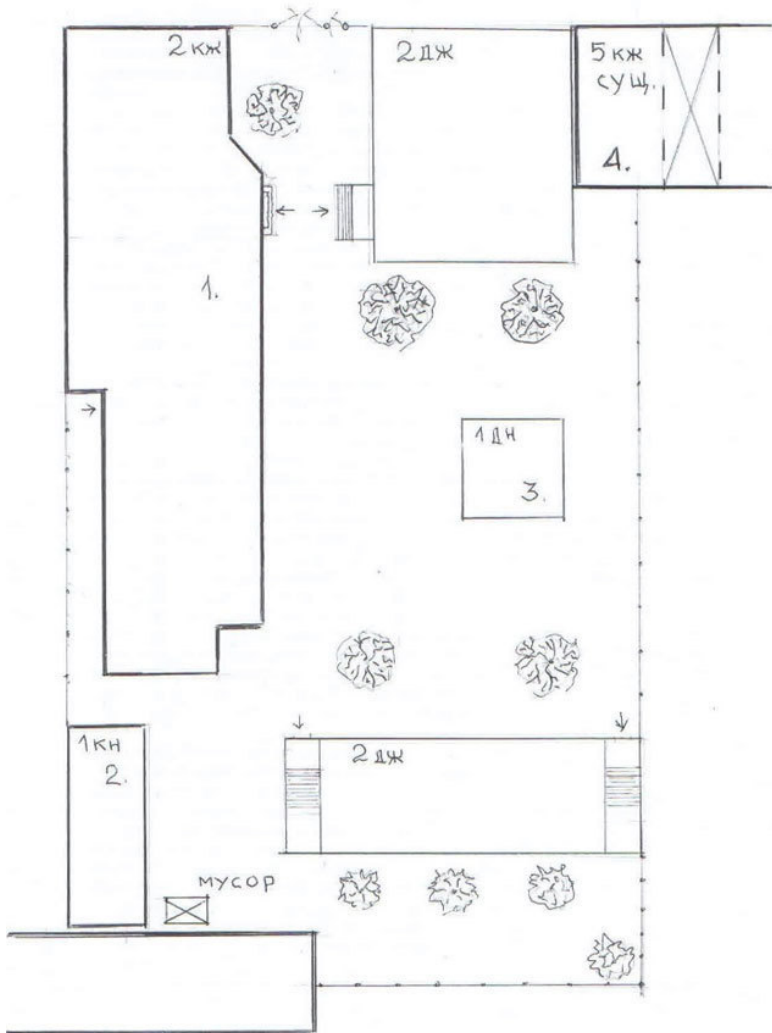
А пока давайте сузим географию моего повествования и попробуем познакомиться с нашими двором, домом и квартирой № 10 (см. рисунки).

2ой Спасо-Наликовский переулок

Кв.10: 1 – прихожая, 2 – туалет, 3 – кухня, 4 – комната бабушки, 5 – комната родителей, 6 – комнаты соседей, 7 – печка-голландка, 8 – русская печка, 9 – кладовка, 10 – «парадное» с тамбуром

2ой Спасоналивковский пер.

Двор: 1 – наш дом, 2 – сарай для дров, 3 – «сторожка», 4 – сохранившийся дом

Я постарался воспроизвести их по памяти. Сейчас не осталось ни двора, ни нашего дома, ни многих из соседних домов по 2-му Спасоналивковскому переулку... А был он по тем временам неплохим для Замоскворечья – района исторически мещанско-купеческого, с одноэтажной, в основном, деревянной застройкой... Однако наш дом был двухэтажным, из добротного кирпича, с толстыми стенами. Несколько необычный план дома объясняется тем, что архитектор старательно обошел росшее на участке большое дерево – интересный пример бережного отношения к зелени в те времена! Зато в «лихие девяностые» это дерево безжалостно уничтожили вместе с моим домом.

Сейчас понятие «двор» как-то потеряло свое значение. Масштабы жилых зданий, количество жильцов, особенности планировки внутридомовых территорий – все это делает наши дворы как бы немного безликими. Чего уж хотеть от двора, когда мы и соседей по лестничной площадке часто не знаем по имени! А в моем детстве «дворы» всегда был «своими». Это еще подчеркивалось обязательными заборами по периметру – наследию дореволюционного прошлого. Как правило, и не только у нас, в Замоскворечье, дворы были небольшими. И взрослые, и ребята в своих дворах все знали друг – друга по именам, дружили, ругались, веселились,

порой все выходили проводить кого-то в последний путь. Вот и наш двор дома № 11 был таким же.

Кроме нашего кирпичного, во дворе были еще два деревянных двухэтажных дома. Была, еще, как мы ее называли, «сторожка». Назначение ее ни тогда, ни тем более теперь я уже не укажу. Это нечто покосившееся, дощатое, стояло заколоченным, и игры наши проходили только возле него, внутрь мы попасть не могли. Был еще дровяной сарай, кирпичный, одноэтажный, с бетонными подвалами. Это сооружение было совершенно необходимым, поскольку все дома отапливались печами. Дрова завозились летом. У каждой семьи был свой отсек, возле которого потом происходил процесс пилки и колки дров.

Еще одна деталь – мусор и пищевые отходы. Это сейчас у нас мусоропроводы в домах и баки и контейнеры на отдельных, как правило, огороженных площадках, откуда отходы вывозятся специальным транспортом. Тогда же все сносились жильцами в ведрах и опрокидывалось в деревянный ящик, называвшийся «помойкой». Когда пахучее содержимое ящика грозило его переполнить, приезжал мужик на телеге и выгребал мусор вручную, чтобы, погрузив его, куда-то отвезти. Надо заметить, что в нашем дворе место «помойки» выбрано было достаточно удачно.

Никакого покрытия во дворе не было. Все наши игры проходили просто на земле. Летом в жару нас спасала тень от крон нескольких больших деревьев. На выходе в переулок

стояли тяжелые деревянные ворота и большая скрипучая калитка с запором. В этом дворе прошло мое детство.

На первом этаже кирпичного дома находились две квартиры – №№ 9 и 10 – наша. Скорее всего, до революции в кв.10 жил хозяин дома. Его я помню. Носил он необычную фамилию Балтрамейчик, звали его Алексей Осипович. Большевики его не тронули, только оставили его семье две комнаты в квартире 9, остальные заселили нуждающимися.

Квартиру 10 отдали двум семьям – Белобородовых и Фалеевых. Соседей было четверо: глава семьи Иван Константинович, бухгалтер, добряк, его жена, дочь – школьница Наташа, и бабушка, которую все звали «бабуней». Они занимали три комнаты, мы – две. Комнаты раньше были смежными, теперь же нас разделяла тоненькая перегородка с запертой дверью и общая печь-голландка. Окна комнат выходили в переулок.

Со двора в дом попадали через так называемое «парадное». Две ступени отделяли тамбур от площадки перед квартирами и лестницей на второй этаж. Место под лестничным маршем пустовало. Однажды я спросил отца: «Пап, а где твой мотоцикл?».

«Ну, мотоцикла уже нет, а вот где я его держал, я тебе покажу. Он достал старую фотографию. На ней красовался довольно большой мотоцикл «Цундапп», прислоненный к стене под той самой лестницей на второй этаж.

К себе в квартиру мы попадали через прихожую, двери из

которой вели на кухню с русской печкой, в туалет и в комнаты соседей. Между дверями на небольших вешалках висела наша и соседская верхняя одежда. Возле входа стоял большой сундук, покрытый половичком. Белобородовы привезли его из своего деревенского дома.

Из удобств в квартире был только туалет. Умывались все холодной водой над раковиной на кухне. Готовили на керосинках. Наши две ютились на деревянных ящиках возле входной двери в комнаты семьи Фалеевых. Здесь хлопотала моя бабушка, бывшая выпускница института благородных девиц. Около нее обычно крутился и я.

В этом месте хочется сделать небольшое отступление. По удивительному капризу истории жизнь людей двух разных, с интервалом в сто лет, поколений – бабушкиных и моих сверстников – оказалось поделенной на две разные части.

Выросшая в достатке, в семье с прислугой, путешествовавшая по Европе, модно одевавшаяся дама, а ныне бабушка Людмила Константиновна, пережив личную драму, революцию, отъезд на Украину и жившая до нынешнего времени у сестры в Ленинграде, оказалась востребованной своим сыном и его молодой женой в качестве няньки и кухарки! Я вот думаю сейчас: каково же было ей вынести подобную перемену!? Непростой быт, натянутые отношения с невесткой (скорее всего, брак сына бабушка считала мезальянсом), гонения на религию, а бабушка была очень верующей, – все

это делало ее жизнь, мягко говоря, весьма непростой.

И как же я благодарен бабушке, что несмотря на все сказанное, она оставалась доброй и ласковой ко мне, отдавая столько теплоты, и воспитывая во мне самые хорошие чувства... Тогда ведь я был совсем маленьким и не мог ощущать постоянную напряженность в отношениях между мамой и бабушкой, которую, как мог, пытался сглаживать папа. Однако меня эта напряженность, к счастью не касалась. И тогда, и позже бабушка была неизменно спокойна со мной, внимательна и заботлива. Старалась, как могла вкусно кормить, помогала с уроками, охотно отвечала на мои вопросы – а был я отчаянным «почемучкой»! Милая бабушка! Я в долгу перед тобой... Сейчас родственников в Санкт-Петербурге у меня не осталось. В городе на Неве с тех пор я побывал только много лет спустя, да и то проездом. Выкроить несколько часов, чтобы посетить могилу бабушки еще раз, увы, не удалось...

Жизнь моего поколения, которое ныне называют «детьми войны», тоже оказалась поделенной на две очень непохожие части. В Советском Союзе и после его развала. Лично я ощущаю эту огромную разницу не столько в бытовом, сколько в идеологическом плане. Но это, как говорится, совсем другая история, которой я обязательно коснусь позже, и более обстоятельно. Пропасть между нашим советским прошлым и нынешним «рыночным» настоящим образовалась не только из-за смены общественно-политического строя в России.

Информационная революция в мире, интернет и многие другие факторы психологически невероятно отдалили нас от нашего детства. Но оно осталось внутри нас.

Рассказывая о нем, я хочу, чтобы и вы немного побывали в этих годах жизни Советского Союза.

Поэтому давайте вернемся в начало тридцатых годов XX века. Из кухни можно было попасть в маленькую кладовку. Она была за стеной лестницы на второй этаж дома. Дверь из кладовки вела во двор, это был так называемый «черный ход». Через него мы выносили мусор и приносили дрова для голландок. Русскую печь не топили – дров не напасешься!

На ее лежанке складывали посуду и еще какие-то кухонные вещи. Между большим полотном открытой двери на кухню и русской печкой оставался довольно узкий проход к двери наших комнат.

Соседская «бабуня» жила в отдельной комнате с окнами во двор. Она была очень старенькая, ходила с трудом. Трехлетний хулиган Вовчик прятался за створкой кухонной двери, и когда бабуня ковыляла мимо, выскакивал с криком, пугая бедную старушку и показывая ей свой крохотный кулачок.

«Еще раз выскочишь, накажу», – пригрозила мне моя бабушка. Меня это лишь раззадорило, и я продолжал свои проделки. Методы воспитания у моей бабушки были свои. Она сшила тряпочный мешочек и показала его мне.

«Будешь дразнить бабуню, надену на руку!»

Когда в очередной раз я напугал соседку, бабушка схватила меня и попыталась засунуть мой кулачок в этот мешочек. Силы были неравны. Как я не выворачивался, не визжал, на руке у меня оказался противный мешок. Слезы не помогали. Поревев с часик, я был прощен, но сдаваться не собирался. Прошло несколько дней. Подкараулив старушку, когда она, ничего не подозревая тихонько шла на кухню, я опять выскочил из-за двери. Только на этот раз не махал кулачком, а высунул язык и громко замычал! Бабуне чуть плохо не стало!

Наказание не заставило себя долго ждать. Моя бабушка в приступе педагогической ярости схватила со стола баночку горчицы. Можете себе представить, как я крутился и брыкался!. Язык я успел спрятать, но губы, щеки и кончик носа были крепко вымазаны противной желтой дрянью.

«Запомнишь надолго», – крикнула бабушка Люда. Кто знает, может быть трюк с горчицей относился к бабушкиному опыту института благородных девиц? Но она оказалась права. Горчицу я не пробовал лет до сорока. Не то, что не пробовал, видеть ее не мог! А старушку соседку я оставил в покое. Вот вам и педагогика.

Но пройдем кухню и откроем дверь в наши комнаты. Первая, проходная, была небольшой, метров десять, и полутемной. Ее особенностью было окно. Вместо стекол в раму были вставлены ромбовидные полые стеклянные блоки. Свет они пропускали плохо, зато рассмотреть что-либо сквозь них было невозможно. Это было очень кстати.

Окно находилось низко и выходило в узкий промежуток между нашим и соседним домами. А в этот промежуток предприимчивый сосед-сапожник рядом с нашим окном воткнул свою «мастерскую» размером с носовой платок, которая однако пользовалась популярностью у обитателей близлежащих домов.

В комнате стояли бабушкин диван, небольшой обеденный стол и моя железная кровать с высокими перильцами. Не знаю, каким невероятным образом, но почему-то даже сейчас помню сладковатый вкус краски этих перил. Привстав на цыпочки, я грыз их, когда у меня резались зубы. В этой комнатушке прошло мое раннее детство.

Еще одно, чудом сохранившееся воспоминание. Над входной дверью из кухни висела литография. Это была копия картины Гвидо Рени «Голова Христа». Возможно, бабушке она заменяла отсутствующие иконы. Я часто и подолгу вглядывался в удивительное изображение Спасителя, пытаюсь понять, открыты или закрыты глаза Иисуса, так искусно они были написаны художником. Картину эту я немного побаивался.

Хотя стол возле дивана был небольшим, за ним собиралась вся наша семья – другого места для завтраков, обедов и ужинов не было. Особенно торжественно отмечались праздники. Не только революционные, но и пасха и масленица. Здесь сословные различия между мамой и бабушкой стирались, и они обе увлеченно занимались готовкой.

Миная проходную, попадаем в комнату родителей. Она была ненамного больше, но светлее. Здесь стояли их кровать, шкаф, топилась печка-голландка. Два довольно высоких окна выходили в переулок. Позже, когда я вырос из детской кроватки, папа соорудил для меня топчан – две крестовины из брусьев, связанных продольными досками, а между ними натянутое полотно. Топчан втиснули в комнату ближе к подоконнику. На этом топчане я спал довольно долго, все военные годы.

Теснота не служила помехой и общению родителей с друзьями. Сюда к ним в гости приходили папины приятели со своими инструментами – гитарой и мандолиной. Папа в свое время брал уроки у известного гитариста Иванова-Крамского, и отлично владел инструментом. Иногда, надев на палец медную трубочку, он превращал гитару в «гавайскую», скользя насадкой по струнам. Хотя мне больше нравилась его игра на обычной, семиструнной.

Звуки струнного трио я обожал. Но и тогда, когда отец играл один, я слушал его с восторгом. Папа, перебирая струны, любил напевать старинные романсы: «Калитку», «Не уезжай, ты мой голубчик», «И вдаль бредет усталый караван»... Став постарше, я уже потихоньку подпевал: «Так иногда, в томительной пустыне, мелькают образы далеких чудных стран, но это призраки, и снова небо сине, и вдаль бредет усталый караван...»

На всю жизнь во мне осталась огромная любовь к музы-

ке, к пению. Мы со Светой, моей женой, удивительным образом помним мелодии и слова множества песен: народных, довоенных, военной поры и советских 50–80 годов. С удовольствием слушаем их, иногда тихонечко подпевая. А один раз, отдыхая на турбазе на Днестре (кстати, в год чернобыльской аварии!) мы устроили небольшой концерт а-капелла на балконе своего номера. Это было попурри из всех, что мы вспоминали, песен. Увлечшись, тихонько, как нам казалось, пели до часу ночи. Зато утром в столовой за завтраком нас не только не ругали, но даже благодарили за этот ностальгический «концерт».

А от бабушки Люды перенял я любовь к классической музыке. До сих пор вспоминаю, как она наслаждалась своей любимой увертюрой к опере «Сорока-воровка», ариями из «Кармен» и «Севильского цирюльника», «Блохой» в исполнении Шаляпина... У нас дома сейчас отличные диски с записями моих любимых Моцарта, Шопена, Бизе...

Воспоминания мои о дошкольных годах отрывочны. Вот на полке шкафа фотография: карапуз в матроске и фуражке стоит на пне. «Вовка-капитан». Это парк имения Останкино. Ездили туда, где сейчас телецентр, на трамваях, с пересадками. Возле пруда был дачный поселок, в котором жили наши знакомые. Теперь здесь улица Академика Королева и телебашня...

На лето сами снимали дачу. Память почему-то подсказывает: Хотьково. Это надо же!

У нас сейчас свой участок в садоводческом товариществе недалеко от Хотьково. Когда я проезжаю мимо Хотьковского женского монастыря, что-то шевелится в мозгу – «точно, здесь, только 80 лет назад»... Спираль» жизни... В этом месте все осталось, как было.

Выезд «на дачу» папа обставлял серьезно. Посуда и разный нужный инвентарь складывался в деревянные ящики, паковались тюки, укладывались чемоданы. Я смотрел и запоминал движения его рук, аккуратно и компактно распределяющих вещи по местам.

Вероятно, у всех так. Но у меня точно все это из детства. И музыка, и любовь к песне, и страсть к путешествиям, навык к паковке вещей – учился у родителей и бабушки. Позже, в годы войны, к ним добавятся умение пилить и колоть дрова, и копать землю.

Простите, но я еще раз коснусь больной для меня темы. Я глубоко убежден в том, что обстановка в семье должна воспитывать в ребенке, мальчике и девочке, неважно, любовь и уважение к труду, прежде всего к физическому.

Не смейтесь. Все хорошо: робототехника, интернет, посудомоечные машины и «муж на час», но – и это главное – человек не должен отрываться от того, что собственно и сделало его человеком. От труда. От уважения к людям труда.

Сейчас время, когда этого почему-то нет. Не оттого ли бал правят жадность, нажива, страсть к легкой добыче денег, даже путем жульничества и обмана. Потребитель не хочет

думать, кто и как произвел такие желанные для него вещи. Давай! Сегодня и сейчас! Не оттого ли мы получили социально-несправедливое общество с колоссальной разницей в уровнях жизни и доходов?

Великие умы человечества мечтали, что машины освободят людей от тяжелого физического труда и позволят больше заниматься трудом творческим, наукой, искусством, спортом, наконец. Но – полезной, развивающей интеллект и чувство прекрасного деятельностью, а не компьютерными играми. Но пока еще этого нет, пока очень много профессий связано с ручным трудом, общество не имеет права относиться к такому труду неуважительно, или вообще не упоминать о нем. Перекосы в воспитании и небрежение к труду в средствах массовой информации вносят свою лепту в резкое социальное неравенство в нынешней России. Для меня лично советский лозунг «Труд есть дело чести, доблести и героизма» никогда не утратит своей актуальности.

Цибановы жили на Житной. Теперь на месте их двухэтажного домика громоздится нечто стеклобетонное в стиле «хай-тек». А тогда был уютный дворик, маленькая комнатка, диван со слониками на верхней полке, вкусный чай с пирожными. Молодые родители были заняты своими разговорами, а мне давали смотреть картинки и читать книжки.

Другая семья знакомых папы и мамы жила в крохотном домишке в Казанском переулке. Как и у многих тогда, квар-

тира у них была коммунальной. Войдя с улицы, нужно было долго пробираться в полутьме по узкому темному коридору. На стенах висели велосипеды и детские ванночки. Почему-то мне запомнился висевший над соседской дверью портрет смуглого солдата в красной феске с кремневым ружьем за плечами. Теперь я знаю, что это был зуав – солдат французского Иностранного легиона. Мимо него я проходил, изо всех сил вцепившись в папину руку, так было страшно...

Зато как было здорово навещать бабушку с дедушкой!

– Во-о-вчик! – В мамином голосе слышатся веселые нотки. – Собирайся, идем к бабушке!

– А папа?

– И папа с нами! – Сегодня выходной. Конец июня. Жарко. Я быстро надеваю сандалики. Моя правая рука в руке мамы, левая – папы. Замечательно! Можно будет прыгать.

По команде «Раз!» родители подхватывают, я взлетаю, и – через трещину в асфальте, над ямкой, долго-долго не опускаясь (Эти полеты мне будут сниться всю жизнь...)

Тяжелая калитка выпускает нас со двора. Мы идем по нашему переулку в сторону Полянки. Нагретый воздух дрожит над крупными булыжниками мостовой. Из щелей между камнями воробьи выклеивают остатки навоза. У закрытых плотно ворот стоят, покосившись, большие, похожие на головки зеленого сыра гранитные тумбы. К ним извозчики привязывали лошадей, ожидая седоков. Из-под ворот белеют полосы тополиного пуха... Пахнет нагретым камнем и ли-

повым цветом. Мне 4 года. Лето 1936 года.

В кино идут «Веселые ребята», из черной тарелки репродуктора гремит мелодия марша «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» В Москве появилось метро, СССР всюду строит социализм. Ильф и Петров уже вывели «в свет» своего Остапа Бендера, готовились к поездке в Америку и начали писать сценарий фильма «Цирк».

Вот и дом 5. Низкие окна полуподвала.

– Папа, а кто здесь живет?

– Сапожник, Петрович. Он твои ботиночки недавно чинил.

Папа тогда не знал, что дом этот знаменит не Петровичем. Недавно, готовя материалы для книги, я узнал, что здесь жил знаменитый русский художник В. М. Васнецов. Достоверно известно, что именно здесь в 1884–85 г.г. он работал над эскизами декораций и костюмов к опере Римского-Корсакова «Снегурочка». Ныне этот и соседние дома куплены ушлыми нуворищами и превращены в офисы. Подробнее об этом в следующей главе.

Мы идем дальше, по Большой Полянке, пересекаем Серпуховскую площадь с паутиной трамвайных путей. Там, где сейчас на углу Люсиновской уютно устроился «Макдональдс», начинается Большая Серпуховская улица. До бабушкиного дома рукой подать. Только вот проскочить страшную вывеску «Зубной врач»... Вот и знакомый дом, я его уже описывал. А встречала нас бабушка так, как только

умеют любящие внуков бабушки! Пока она хлопотала с угощением, меня занимала тетя Зина. Из библиотеки, где работала, она приносила книги с картинками, читала мне их и интересно рассказывала разные истории.

Следующим летом папа решил отвезти нас с мамой на море. Путевки достать было трудно, отправились «дикарями». Выбор пал на Лазаревское, недалеко от Сочи. Сняли маленькую хибару, но солнце и море компенсировали молодой семье все неудобства. Тут-то и произошел случай, запомнившийся мне, как принято говорить, на всю оставшуюся жизнь.

Утреннее солнце еще не успело сильно нагреть камушки пляжа. Голой попкой малец Вовка удобно устроился на серой гальке. Народу на пляже было немного, только рядом с папой Юрой, мамой Леной и Вовкой сидела такая же молодая семья. Соседи обстоятельно раскладывали на салфеточке принесенную с собой еду. До нас доносился приятный запах домашних котлет с чесночком. Я был увлечен своей игрой с камушками и не обращал на соседей никакого внимания.

Вовкины, то есть мои, родители очень любили плавать. Как вы понимаете, все, что я сейчас рассказываю, много позже описываемой истории поведала мне мама. Хотя, где-то далеко-далеко в глубинах моего сознания, все же смутно видится эта картинка...

Папе с мамой плавать поодиночке не хотелось. Это было

неинтересно. Но и оставлять ребенка одного было страшно-вато – мало ли что...

– А давай попросим соседей присмотреть за Вовкой, – предложила мама, – они удобно устроились, никуда не денутся!

– Но мы их не знаем, – засомневался отец, хотя было ясно, что ему тоже ужасно хочется поплавать.

– Заодно и познакомимся, – продолжала мама, – они с виду ничего себе, молодые и симпатичные. Мама тоже была молода, а опыт, известное дело, приходит позже.

Солнышко поднималось все выше, его блики играли на лениво плескавшихся волнах и звали окунуться...

Папа Юра не выдержал. Он подошел к соседям и попросил присмотреть за малышом, старательно складывавшим горку плоских камушков. За мной, значит.

«А шо», сказал, прожевывая котлету, загорелый соседский папа, «угу!» – что, очевидно означало согласие «присмотреть».

«Мы быстро», – обрадовано сказал папа. Сунув мне какую-то игрушку, в чем вообще-то не было никакой необходимости, так как я был полностью поглощен галькой, родители помчались к воде. Черное море приняло их стройные тела, и они довольно быстро поплыли в сторону Турции. Надо заметить, что плавали родители очень даже неплохо, и удалились от берега довольно далеко. Ах, молодые годы...

Что было дальше, мама вспоминала не без ужаса.

Увлеченные котлетами соседи даже и не заметили, как доверенное их попечению дитя поднялось и, не обнаружив поблизости маму и папу, неторопливо зашагало в сторону моря. Войдя в воду по грудь, я уверенно, будто проделывал такое не однажды, оттолкнулся от дна Черного моря и... поплыл навстречу родителям! Поплыл! Метра три осилил!

Не увидев сына на берегу, мама издала вполне естественный вопль и рванула к берегу.

Ее скорости позавидовал бы знаменитый Тарзан – олимпийский чемпион по плаванию Джонни Вайсмюллер. В три взмаха она оказалась возле меня!

Поцелуи, тисканье, перемежавшееся незаслуженными, с моей точки зрения, шлепками – все это было уже позже, когда родители подхватили свое чадо и выволокли оное на берег.

Соседи виновато оправдывались, дожевывая свои котлеты, но их уже не слушали.

Вовка поплыл! Самостоятельно!

Вот так я и научился плавать. А могло быть хуже... Испуг, оставшаяся на всю жизнь боязнь воды, а то и вовсе... Но Провидению угодно было не только оставить меня в живых, но и сохранить любовь к воде и плаванию в самых разных водоемах. От океанов и Байкала до крохотных русских речушек и бассейнов при отелях.

– Когда я стал постарше, папа стал брать меня с собой в баню (до этого мыли меня в тазике на кухне, когда соседей

не было дома). Ближайшими к нам были Донские бани, что в конце Шаболовки, возле Донского монастыря и кладбища при крематории, а позже – Университета Дружбы народов. Их снесли совсем недавно, в 2015 году. Теперь на их месте огромный жилой дом. А тогда баня была очень востребованным учреждением – централизованное горячее водоснабжение в домах отсутствовало. Как известно, для русского человека посещение бани всегда было событием. Сходить в баньку, попариться, попить пивка, постричься и побриться – целый набор удовольствий. В Москве бань было много, от шикарных Сандуновских до простых районных. Донские были обычными банями, но как же они были популярны!

Для меня походы с отцом в баню были двойным удовольствием. Работал папа много, виделись мы с ним не часто, а уж поговорить доводилось не всегда. Шли пешком. От дома через Калужскую площадь, вдоль всей Шаболовки, мимо Шуховской телебашни до самых бань. Весь путь порядка четырех, а то и более километров. Еще одна тренировка для детских ножек, но, главное, возможность задать папе массу самых разных вопросов.

Сейчас часто езжу по Шаболовке, и перед глазами отчетливо встает эта картина: зима, мы тепло одеты, тащим бельишко на перемену, полотенца, мыло, мочалки... И говорим, говорим... Папа инженер, интересно объясняет устройство паровой машины, почему не падает самолет... А в бане папа и помыться поможет, и в парикмахерскую отведет. По-

чему-то запомнился казавшийся тогда странным текст: «Кто стригся до бани, после бани бриться вне очереди». Да что тогда, до войны! Много позже, в пятидесятые годы, уже будучи студентом, я ездил мыться в душевые и бани, только теперь уже самостоятельно, в центр Москвы. В нашей квартире удобств по-прежнему не было.

Зимой родители иногда выбирались походить на лыжах, а еще они очень любили кататься на коньках. Ближайший к нам каток находился в ЦПКиО – Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Свою дружбу с парком и катком я опишу дальше, а пока скажу, что у папы были редкие по тому времени коньки – беговые «норвеги», или «ножи», так их еще называли. Отец отлично чувствовал себя на льду, но от мамы далеко старался не убежать – у нее коньки были попроще, скорее всего «снегурочки».

В военные годы родителям было уже не до коньков, и папины «норвеги» достались мне. Это случилось позже.

А вот с бабушкой я, уже шестилетний пацан, ходил на Калужскую площадь за керосином и разными продуктами.

Калужская площадь! Тогда еще уголок старой, дореволюционной Москвы, что вошел в мою жизнь навсегда. Здесь зародилась моя любовь ко всем уголкам моего родного города, с его Кремлем, Воробьевыми горами, Красной площадью, и тысячью других близких и памятных мне мест, о которых я буду писать в своей книжке! Думаю, что и будущий

выбор профессии градостроителя тоже был подсознательно определен прогулками по Москве, и в частности походами на Калужскую площадь и прилегающие к ней улицы.

В ту пору она еще оправдывала свое народное прозвище «сковорода» за круглую в плане форму. В площадь вливались восемь (!) улиц. По периметру застроена она была двух-трехэтажными домами с магазинами в первых. В интернете можно легко найти фото, дающие представление об облике Калужской площади тех лет. Именно такой я ее и запомнил. Булочная на углу Житной, магазин со странным названием «Цекавшири» – что-то означавшее грузинский потребсоюз – на углу Мытной и большой рыбный на том месте, где сейчас вход на станцию метро «Октябрьская» кольцевой линии.

В его огромных, как мне казалось, витринах стояли полки с напоминавшими египетские пирамиды горками банок «СНАТКА». Так назывались знаменитые камчатские крабовые консервы. А рядом... Большие эмалированные тазы, размером с хорошую банную шайку, до верха полные черной икры... Все это было доступно и, вероятно, не очень дорого. В самом магазине вкусно пахло рыбой и морем. Здесь бабушка часто покупала любимую папину навагу, которую дома поджаривала с вкусной рыжеватой корочкой.

Были на площади и промтоварные магазины, но почему-то больше запомнились мои походы с бабушкой в керосиновую лавку. До сих пор ноздри щекочет сладковато-пригорный, чуть резковатый запах керосина. Был тогда он при-

вычным, без керосина ведь никуда!

Керосиновая лавка помещалась в группе других магазинов, занимавших треугольный в плане кварталчик на углу Житной и Большой Якиманки. Рядом с кинотеатром «Авангард». Ладно, что соседствовала с керосиновой скобяная лавка, но никого не смущало, что за той располагалась и булочная! Слово «скобяной» теперь вышло из обихода, а товар-то этот – гвозди, крючки, ведра, лопаты – тоже был ох как нужен!

За керосином ходили с бачками. В лавке стояла большая железная бочка, за бочку цеплялась кружка на длинной ручке, емкостью обычно в литр. В горлышко бачка, отвинтив пробку, продавец вставлял воронку и наливал керосин. особо не страшась его пролить. Меня почему-то завораживал этот нехитрый процесс. Бабушка брала литра четыре, чтобы не очень тяжело было тащить, и мы отправлялись домой. Шли мимо здания отделения милиции № 2, стоявшего на углу перекрытого ныне Казанского переуллка. Напротив, на другой стороне Житной улицы, находился НИКФИ – Научно-исследовательский кино-фото институт. Он занимал дом бывшей кинофабрики Ханжонкова, первого русского кинопромышленника. Сейчас здесь съезд с Житной в тоннель под площадью.

По Казанскому переулку, мимо сохранившегося и поныне здания б. туберкулезного диспансера, поворачивали в свой, 2-ой Спасоналивковский. Мимо дома № 13, куда меня «во-

дили» в частную детскую группу. В группе была девочка Аля, дочка руководительницы. Я был к ней равнодушен (это в шесть-то лет!), что очевидно уже тогда определило мою прошедшее через всю дальнейшую жизнь повышенное внимание к женскому полу.

Но вот мы и дома. В нарушение всех мыслимых противопожарных требований бачок с керосином спокойно установлен рядом с горящими керосинками. Ничего, обходилось.

Бабушка готовила вкусно. Возможно, этому хорошо учили в институте благородных девиц, а может, бабушка была талантлива от природы. Всего меню не помню, но вот на масленицу и на пасху стол у бабушки и мамы получался необыкновенно вкусным. Надо заметить, что до войны продовольственное снабжение Москвы было очень приличным.

Высокие стопки горячих блинов источали потрясающий аромат. Рядом стоял горшочек с растопленным сливочным маслом, из которого торчало гусиное перо. Им смазывали маслом блины в тарелках, следом поливая сметаной. Даже при достаточно скромном бюджете нашей семьи, мы позволяли себе и немного красной и черной икорки, и красной рыбки.

Пасху же бабушка делала собственноручно, пользуясь специальными дощечками с вырезанными на них буквами Х и В, что означало «Христос воскрес». Пасха с изюмом и корицей получалась в виде пирамидки и была такой вкус-

ной, что это впечатление осталось у меня надолго. Ну, и яйца крашеные, конечно.

Мое дошкольное детство ничем особенным больше не отличалось. Тогда центром наших игр были дворы. До войны, как я уже говорил, участки около жилых домов были огорожены заборами. Каждый двор считался «нашим», а все соседские – «чужими». Между дворами были или дружеские отношения, или вражда. К первым можно было ходить спокойно, играть с ними. С ребятами из других часто случались драки. Поэтому мы, особенно малышня, за ворота своих дворов ходили только с родителями. Тот двор моего детства казался мне таким огромным! И хотя его сейчас уже нет, я все же могу косвенно представить размеры двора дома № 11 по немногим сохранившимся постройкам – он был небольшим. Я изобразил его на рисунке.

В центре двора находилась какая-то странная одноэтажная деревянная постройка, мы называли ее «сторожка». Все наши подвижные малышковые игры проходили возле нее. Одного меня стали «выпускать» во двор лет с пяти. Летом мы играли в «салки», прятки, «классики». лапту. Позже, уже школьниками, в «отмерялы». Двор был земляной, на нем было удобно чертить линии разметок для разных игр. На крыши домов вели пожарные лестницы. Залезать на них, конечно, строго запрещалось, но повисеть на нижних железных перекладинах было большим удовольствием.

К счастью для жильцов футболом мы тогда не увлекались, стекло оконных не били. Зимой устраивали снежные горки, катались с них на санках. Лыжи и коньки – это было уже позже.

В 1939 году мне исполнилось семь лет. Во дворе дома № 5 нашего переулочка стояла школа № 557, куда меня и определили в первый класс.

Глава вторая. Малая родина

Мы все любим свою великую Родину и мечтаем видеть Россию великой державой. Фундамент патриотизма – знание истории своей страны, внимание не только к нашему общему прошлому, но и к истории дорогого для каждого человека места, его «малой родины», места, где он родился.

У каждого своя «малая родина». Это может быть деревня, поселок, небольшой городок. А как быть тем, кто родился в большом городе? В Москве, например, как я? Тогда надо называть район и улицу. Моя «малая родина» – Замоскворечье, Большая Полянка, 2-ой Спасоналивковский переулок. Если чуть шире, то сюда надо добавить и Большую Ордынку (в годы войны я ходил туда в школу), и Якиманку, и Житную – там жили мои школьные товарищи. А Калужская (ныне Октябрьская) площадь, изменившаяся до неузнаваемости, с памятником Ленину и зданиями МВД и Госбанка? Сколько в детстве хожено по ней!

Я понимаю, что не москвичам трудно будет представить себе те места, которые будут описаны далее. И далеко не всем читателям это будет интересно. Но, рассказывая о своих детских и школьных годах, я не могу не говорить об уголках Москвы, где они протекали. Попробую все же заинтересовать вас их историей. Чтобы легче было ориентироваться в расположении мест моей «малой родины», предлагаю по-

смотреть на схему в интернете. На ней изображена часть Замоскворечья и основные элементы планировки этого древнейшего района Москвы.

Замоскворечье расположено к югу от Кремля в обширной излучине Москвы-реки. С плоским рельефом, некогда частично заболоченное, оно находилось на важном стратегическом направлении – южном. В период доминирования Золотой Орды по дороге, шедшей от Кремля на юг, везли собранную дань. У дороги жили «ордынцы» – сборщики дани. Здесь же располагались и торговцы со своими товарами из Орды. По одной из версий нынешняя улица по ним и получила свое современное название – Большая Ордынка.

Вообще, все названия замоскворецких улиц и переулков (кстати, переулок первоначально – это поперечная улочка, соединяющая две главные) происходят либо от наименования находившихся там церквей, либо связаны с названиями ремесленных слобод (Гончарная, Кадашевская) или мест проживания отдельных групп населения.

На тогдашней южной окраине Замоскворечья располагались склады зерна – «жита».

Неподалеку находилось место, куда пригоняли на продажу скот. Отсюда сохранившиеся названия улиц: Житная, Коровий Вал. Нынешняя Мытная улица – от слова «мыта», т. е. таможенная пошлина. На этом месте стояла государева таможня.

А вот название хорошо известной даже не москвичам

Якиманки (ныне она, как продолжение Ленинского проспекта, ведет прямо в центр, к Кремлю) связано с церковью Благовещения в Кадашах, а, точнее, с одним из ее приделов – Иоакима и Анны. Произносимое скороговоркой название было искажено и превратилось в «Якиманку». А кадаши – это мастера по изготовлению бочек и кадушек.

Ну, а что же кроется за названием двух Спасоналивковских переулков? Откуда оно появилось?

Эту загадку, о чем я не без интереса узнал недавно, пытались разгадать не только русские историки. Многие иноземные путешественники – Герберштейн, Олеарий и другие, описывая Москву, не обходили своим вниманием поселение на правом берегу Москвы-реки со странным названием Наливки. Историки указывают на существование нескольких версий. Одну из них дает С. М. Соловьев. В своей «Истории России» он пишет: «В первой половине XVI в. великий князь Василий III выстроил для своих телохранителей («пищальников») в Москве за рекой целый город Нали (Наливки), от слова «наливай», поскольку им одним дозволено было мед и пиво пить когда хотят, и они удалены за реку, чтобы не заражали своим примером других».

Другая гипотеза также относит слободу Наливки ко времени Василия III, однако предполагает расселение здесь иноземцев, находившихся на княжеской службе. Дабы не вводить в смущение русский люд не всегда им понятными нравами иноземцев, тех старались селить в местах удаленных

и свободных от коренных жителей. Царь разрешил разместившимся тут иностранцам завести кабак с продажей вина – большая редкость по тем временам.

При Иване IV Грозном, который своим указом поместил здесь многочисленное войско стрельцов, закрепляется название «Наливки». Предположительно, приходившие к проживавшим здесь иностранцам стрельцы говаривали: «Налей-ка!». Плохо понимая русский, те понимали это как обычное приветствие и отвечали тем же. Часть историков вообще полагают, что иностранцы все Замоскворечье называли «Налейки»! Прошло время, наемное войско было отсюда удалено, название стало забываться. Однако уже в XVII в. оно вновь возрождается. Как бы то ни было, с 1642 года в патриарших окладных книгах встречается первое упоминание о церкви Спаса-Преображения, что в Наливках.

Храм был возведен стараниями проживавших здесь стрельцов и был поначалу деревянным. При Петре I, после расправы над стрельцами, их земли в Замоскворечье стали отходить к купцам и ремесленникам, а позднее – к дворянам. В 1713 году уже новые прихожане храма получили разрешение на строительство каменной церкви. За год удалось возвести каменный «Скорбященский» придел, однако дальнейшие работы пришлось остановить – вышел указ Петра I о запрещении каменного строительства в Москве (строился Петербург!). Завершить возведение каменного храма Спаса, что в Наливках, удалось лишь в 1728 году.

История этого храма, возвышавшегося на пересечении двух переулков (ныне это Казанский и 1-ый Спасоналивковский). оборвалась за несколько лет до моего рождения, в 1929 году. Он был снесен, чтобы освободить площадку для строительства двух жилых домов кооператива «Замоскворецкий рабочий» (они сохранились и поныне). В одном из этих домов жил мой школьный товарищ с необычным именем Гега. О наших с ним путешествиях по Москве я еще расскажу.

Замоскворечье конца восемнадцатого – первой половины девятнадцатого века – это огромные кварталы, сплошь застроенные мещанскими и купеческими домишками. Они в основном деревянные, одноэтажные, с мезонинами. Участки при домах большие, зеленые, со всякими надворными постройками. Имело Замоскворечье тогда (да и позже) облик провинциального захолустья. Впечатление В. Г.Белинского: «Там окна занавешаны занавесками, ворота на запор, при ударе в них раздается сердитый лай цепной собаки, все мертво, или лучше сказать, сонно...».

Такой вот неказистый домик стоял на углу Полянки и 1-го Спасоналивковского переулка (ныне дом 44). В 1856 году в него переехал после смерти жены известный художник В. А.Тропинин. Прожил он в нем недолго. После кончины жены уже мало что могло его утешить, даже пение любимых канареек. Умер художник спустя два года. А в моем 2-м Спасоналивковском переулке в доме № 5 жил другой знаменитый

русский художник, Виктор Васнецов. Достоверно известно, что именно здесь в 1884–85 г.г. он работал над эскизами декораций и костюмов к опере Римского-Корсакова «Снегурочка».

Был период, когда многие переулки Замоскворечья именовались не как в старину – по названиям церквей или ремесленных слобод, а по фамилиям владельцев стоявших там домов. И мой родной переулок, оказывается, какое-то время назывался Шапкиным, или Шапочным. Нынешнее название вернулось к нему в начале XX века.

Несколько слов еще об одном важном не только для меня, но и для всех москвичей месте – Калужской площади. У нее долгая и славная история. Интересующиеся могут ознакомиться с ней в интернете, я упомяну лишь о некогда бывших здесь воротах Калужской заставы, остроге, торговых рядах, хранилищах зерна и т. д. Через Калужскую площадь 7 октября 1812 года отступала наполеоновская армия, бесславно покидая Москву...

В 1882 году практически в пределах площади, на месте церкви XVII века, был построен на народные средства храм Иконы Казанской Божьей Матери. Он стал архитектурно-историческим мемориалом, памятником освобождения Болгарии от османского владычества в ходе русско-турецкой войны 1877–1888 г.г. Закрытый в 1927 году храм уцелел, лишившись, правда, колокольни и приделов. Он использовался под архив, а в 1935 году его приспособили под киноте-

атр «Авангард». Исчезли красивейшее мраморное убранство интерьеров, иконостас и глава храма.

Могу лично подтвердить высказывавшееся тогда мнение многих москвичей – кинотеатр оказался неудачный. Неуютный, с плохой акустикой. Оскверненный храм напоминал о себе унылыми голыми стенами и еще чем-то неуловимо-церковным. Будучи уже постарше, я смотрел здесь с друзьями фильмы «Чапаев», «Истребители», «Подкидыш» с Раневской и Пляттом, «Трактористы» с Петром Алейниковым и Николаем Крючковым.

Судьба храма окончательно решилась в 1972 году. Его «губителем» можно условно считать президента Никсона. Ждали его визита в Москву. Путь в Кремль отныне всегда пролегает через Калужскую площадь. Бесформенную глыбу храма тогдашние власти города посчитали «бельмом в глазу» и ночью, не привлекая внимания, взорвали. Теперь прямохонько на его месте громоздятся безликие здания МВД и Минюста. Словно в оправдание расправы с храмом, уже в последние годы на углу Большой Якиманки и Житной улицы было возведено скромное здание одноименной часовни. Увы! Сколько раз я не проходил мимо, дверь ее неизменно была закрыта. Изящная, но к сожалению, мало посещаемая.

А что же с самой площадью? Сейчас она так изменилась, что ее и площадью-то назвать трудно. Пешеходные кусочки остались лишь у входа в метро, встроенного в здание гостиницы «Варшава», да у поставленного в 1985 году памятника

В. И. Ленину. Так, транспортный узел, не более, к тому же не до конца продуманный. А жаль. При более удачном архитектурно-планировочном решении она могла бы стать одной из красивейших на Садовом кольце, с видом на Крымский мост, Парк Горького и дальнюю перспективу Москва-Сити.

Какова же судьба моего переулка? В том виде, каким я его помнил с детства, он сохранялся долгие годы. Только где-то в шестидесятые, кажется, годы на месте разрушенного бомбой дома 10 появился безликий панельный жилой дом. Он существует до сих пор. Булыжную мостовую заменили асфальтом. Но главные перемены ждали 2-ой Спасоналивковский в эпоху рыночной экономики. Бывший объектом атаки немецкого аса подземный завод благополучно превратился в офисный центр. Новые законы о частной собственности и возможность продавать и покупать все и вся изменили его статус. Некогда если не захолустное, но очень скромное место на карте Москвы вдруг оказалось чрезвычайно престижным из-за близости к центру и к самому Кремлю! Первыми этим воспользовались некие личности, купившие ряд домов от 11 до 19, что на углу Казанского переулка. Все они были безжалостно снесены. Проявив завидную предприимчивость, новые хозяева построили на месте моего дома здание фитнес-клуба, а остальную часть земли отдали под другие объекты. Так погибло сердце моей «малой родины». Сохранились несколько домов ближе к Большой Полянке, в том числе тот, где творил художник Васнецов. В них

разместились офисы представительств Тюменской области и Ханты-Мансийского национального округа в Москве. Теперь мой тихий переулочек забит автомобилями так, что не то что припарковаться – проехать почти невозможно!

В восстановленном после бомбежки крыле дома 50 по Б.Полянке, сменяя друг друга, поселились банки. Но самое необыкновенное произошло буквально в последние годы с группой домов, что на углу, образуемом 1-м и 2-м Спассолиновскими переулками. Откройте, читатель, интернет. Найдите рекламу элитной недвижимости под названием «Полянка 44» и приценитесь хотя бы к одной из квартир. Пример уродливой действительности «рынка» у вас перед глазами. Как вам цена квартиры в сотню миллионов рублей? В этот жилой комплекс с крохотным внутренним двориком вошел и бывший подземный завод – дом 6 (я о нем расскажу в следующей главе). Теснота, минимум зелени, неудобное положение с точки зрения транспортной доступности, но зато – близость аж к Кремлю! Ах, о tempora, о mores! На серии фотографий в интернете можно увидеть настоящее моей «малой родины». Время от времени я проезжаю по своему переулочку на машине или с грустью, не спеша, хожу пешком...

Несколько слов о судьбе всего Замоскворечья. Принимая участие в разработке генеральных планов многих исторических городов, я привык к разработке в их составе схем охран-

ных зон памятников истории и архитектуры. В нашем случае таким памятником следовало бы считать Замоскворечье, и вот почему. Во многих европейских городах бережно сохранены исторические центры с их планировкой и застройкой. В Москве таким центром был и остается Кремль. Но историкам хорошо известно, что к ансамблю Кремля относилась и часть территории за Москвой-рекой (сады и др.) К сожалению, никаких попыток избежать утраты многих архитектурных акцентов этой части Замоскворечья не предпринималось. Более того, при составлении т. наз. «сталинского» генерального плана Москвы 1935 года намечалась прокладка по историческим частям Замоскворечья новой магистрали – для замыкания Бульварного кольца. По красным линиям будущей магистрали успели выстроить здания Радиокomiteта возле нынешнего вестибюля станции метро Новокузнецкая и известный Дом писателей в Лаврушинском переулке напротив здания Третьяковской галереи. Война помешала этим замыслам. Остались спасены многие храмы и исторические здания, формировавшие облик этой части старой Москвы. Но в последнее время в тихих переулках и тесных дворах Замоскворечья стали появляться, как бородавки на здоровом теле совершенно чужеродные по архитектуре и функциям здания офисов. Очень жаль. Остается надеяться, что новое руководство города покончит с этой порочной практикой точечной застройки и поручит специалистам разработку комплексного проекта охранных зон объектов,

определяющих исторический облик Замоскворечья. Сколько интереснейших экскурсий можно будет провести по этой части Москвы!

У читателя может возникнуть вполне законный вопрос: «А к чему столь длинное описание места рождения автора?» Отвечаю. Каждому должна быть небезразлична история своей «Малой родины». Также, как и история своего рода, фамилии. Не потому ли сейчас нам так остро недостает настоящего, а не «квасного», патриотизма, что мы забываем замечательную пословицу, которую Расул Гамзатов сделал эпиграфом к книге «Мой Дагестан»: «Если ты выстрелишь в свое прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки»? И безуспешные поиски «национальной» идеи не есть ли следствие неуважительного отношения к славному прошлому России?

Пусть каждый вспомнит свое прошлое, покопается в нем поглубже, тогда может из этой мозаики сложится картина Великой Страны. Какие прекрасные слова из песни: «С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре...» Далекое близкое детство...

Глава третья. Я иду в школу. Начало войны (1939 – сентябрь 1941 г.)

Здание средней школы № 557, где мне предстояло отгрызть первый кусок гранита науки, сохранилось и поныне. Типовое сооружение красного кирпича стоит в квартале между нашим переулком и Житной улицей. В годы Великой Отечественной войны в школе помещался госпиталь, потом опять учились дети, теперь – факультет культуры и искусства учреждения, спрятавшегося под аббревиатурой ПМОК.

Не правда ли, страсть к аббревиатурам и сокращениям у нас какая-то болезненная и постоянная. Что в революционные годы (ПЕРСИМФАНС – Первый симфонический ансамбль), что позже, в советское время (ОСОАВИАХИМ, ГТО и т. д.). Вот и теперь, особенно в официальных документах, встречаешь такие словесные перлы, что оторопь берет. Как вам – «МРО № 7 УБЭиПК ГУ МВД РФ по Ростовской области?» Так что ПМОК еще ничего, хотя и непонятно.

В отличие от многих продвинутых соотечественников, к стыду своему, имя первой своей учительницы не помню. Вела она с нами занятия по всем предметам. Все и было интересно, занимался я с удовольствием. Особо благодарен я своему первому педагогу за отличное преподавание русского языка и полученную в результате практически безукоризненную грамотность. Конечно, этому помогло еще и чтение.

Книг у нас в семье было много. Читать я начал довольно рано, и к первому классу читал бегло. Брал книги в школьной библиотеке, и как все мальчишки предпочитал путешествия и приключения.

Жизнь идет вперед, и не всегда ясно, насколько технический прогресс способствует интеллектуальному развитию общества. Колоссальный рывок информационного мира XXI века и появление «всемирной паутины» принципиально изменили отношение к чтению моих нынешних сверстников.

А тогда из всех средств познания мира, не считая черных тарелок громкоговорителей, для нас, малышей, были только разговоры со взрослыми, дома и в школе, и, конечно, книги. Ну и немножко кино, но только когда мы стали постарше.

Не буду цитировать великих. Не стану повторять мудрые изречения о пользе чтения. Ибо то, что мы наблюдаем сегодня, в начале XXI века, как нельзя убедительней подтверждает их мысли. Интернет – величайшее изобретение человечества, но при одном, очень важном условии. Как и всеми другими прорывами в области технического прогресса, и, в частности, информатики, им нужно уметь пользоваться. Доказательство тому – вопиющее надругательство над родным языком и грамотностью в так называемых «социальных сетях». По одной простой причине. Нынешние школьники мало и плохо читают.

Не знаю, может быть я ворчу по-стариковски. Но мне ка-

жется, что никто не в состоянии получить то удивительно сильное эмоциональное впечатление от любого из литературных шедевров, каковое постигнет вас при чтении печатного текста добротной изданной книги. Возможно, время меня поправит и электронные книги вытеснят печатные. Но верить в это не хочется, а думать неприятно.

А что же мы, пацаны 30-х годов? Все время, остававшееся от школы, приготовления уроков и гуляния во дворе, мы – я и мои сверстники – читали. Брали книги друг у друга, записывались в библиотеки и читальные залы, читали вечерами и ночами, пряча книжки под подушкой. Отбивались от пиратов на таинственном острове Жюль Верна, скакали вместе с мушкетерами Александра Дюма за подвесками королевы, следили за приключениями всадника без головы Майн Рида. А детские книжки тех лет – стихи Маршака, Чуковского, Агнии Барто – знали наизусть.

Друзья наши книги – культурный фундамент нации. Дикое засорение родного языка чужеродными словечками – прямое следствие небрежения к его истокам и шедеврам. Так же, как и вопиющая безграмотность устной речи и, особенно, переписки в социальных сетях. Еще одна печальная особенность нынешнего интеллектуального пространства – практически полное забвение русского фольклора. Мы, дети тридцатых годов, жили в атмосфере народных песен, сказок, пословиц и поговорок. Весь богатейший пласт народной сло-

весной мудрости сейчас, увы, исчезает. Все это не что иное, как агрессия в отношении духовного стержня национальной идентичности – русского языка. Народная песня практически исчезла из телевизионного эфира.

Его замусорили иноязычные произведения. Дошло до того, что в конкурсе «Голос. Дети» очаровательная малышка старается, вытаращив глазенки, петь на английском языке! А спросить ее, знает ли она «Одеяло убежало...», «Наша Таня горько плачет...», «Муху-цокотуху?» Ужасно! Зачем мы юное поколение практически сознательно отваживаем от исторических корней русской идентичности? Не поступаемся ли мы своей национальной гордостью? Еще раз повторю. Россия обречена идти своей дорогой. Отличной от дороги англосаксонского мира. Уже сейчас очень многие, в том числе и на Западе, начинают сомневаться в целесообразности «глобализации» матушки-Земли. Очень надеюсь, что принимаемые сейчас поправки к Конституции РФ выправят эти перекосы. Вернут уважение к нашему «великому и могучему», и наши молодые журналисты перестанут щеголять лайфхаками, краундсорсингами и прочими фастфудами. В мое время это справедливо звали низкопоклонством.

Каникулы после первого класса я проводил дома. Играл во дворе с мальчишками и девчонками в «салки», «стой!» (это когда после броска мяча вверх все разбегаются, а тот, кто «водит», ловит мяч, кричит «стой!», все замира-

ют, а он старается попасть мячом в любого, чтобы его «выбить»), и конечно в прятки! У нас, первоклашек, была своя дружная компания. До войны все дворы были огорожены. Заборы исчезли позже, в войну, когда их разобрали на дрова. Поэтому родители спокойно выпускали играть во двор даже малышей. Посторонние во дворы практически не заходили, да к тому же тогда преступлений против детей практически не было в силу большой строгости наказаний. Да и нравственный климат тогда был иным. Слово «педофилия» в лексиконе советских людей отсутствовало.

В мае 1941 года я отличником окончил второй класс. Папа решил сделать мне подарок. За хорошую работу его премировали путевкой для сына в знаменитый пионерлагерь Артек. Смена в лагере начиналась в середине июня.

Мама, папа и бабушка, волнуясь и споря, собирали Вовчику чемодан. Главным «укладывающим» выступал папа. Именно от его аккуратной манеры я научился паковать вещи на всю свою взрослую жизнь. А попутешествовать по белу свету довелось немало. Отряд малышей (мне было 9 лет) выстроился на перроне Курского вокзала. Родители волновались больше нас. А мы уже мечтали о Крыме, море и Артеке!

Почему-то дорогу из Москвы до Симферополя, да и сам лагерь я почти не запомнил. Мы приехали в Артек числа 19 июня, едва успели разместиться в палатах и только-только стали привыкать к распорядку. Даже купаться в море нас еще не водили. И вдруг вожатые забежали: «Война!» 22-го фаши-

сты напали на СССР.

Всех ребят первой смены нужно было срочно эвакуировать. Паники не было, но тревога взрослых передалась и нам. Почему-то вспоминаю, как нас быстро-быстро посадили в вагоны поезда в Симферополе, сунув наскоро каждому какую-то еду на дорогу. Слава Богу, состав наш по дороге в Москву не бомбили. Перепуганные вожатые особо за нами не следили, в результате мы объедались выданной нам сгущенкой, конечно не понимая, что теперь мы ее долго-долго не увидим и не попробуем. Так для меня закончился, не начавшись, Артек.

Москва встретила нас притихшей и сразу насторожившейся. В военкоматах срочно шел призыв, стояли очереди – многие приходили туда добровольно.

Отец был мобилизован по месту работы. На нем, как и на других руководителях комбината, лежала большая ответственность за снабжение Москвы, армии и правительства страны продукцией. И это в условиях военного времени, с нарушенными поставками сырья, дефицита электроэнергии и топлива. Чтобы обеспечить строжайшую дисциплину (за воровство расстреливали), работу в три смены и контроль за возможными диверсиями, на комбинате и на других крупных предприятиях Москвы руководство было обязано не покидать свои рабочие места круглосуточно. Отпускали домой редко и ненадолго. Хорошо еще папа смог встретить меня на Курском вокзале и отвести домой. Мама была целиком

занята грудным ребенком, моим братиком Павлом. Война диктовала свои правила жизни. По городу пошли слухи о возможных бомбардировках. На улицах и скверах появились группы девушек в военной форме. На привязи у них шевелились большие серебристые «рыбы» – аэростаты воздушного заграждения. Кое-где рыли окопы и устанавливали зенитки. Москва готовилась к воздушным налетам фашистов.

Во дворах жилых домов жители копали так называемые «щели», так окрестил народ двухметровой глубины окопчики с легкими перекрытиями-накатами из бревнышек. Кое-кто посмеивался, оказалось – напрасно, у нас эта щель людей спасла.

Еще очень полезными оказались наклейки крест на крест из бумажных полосок на окнах. Выбитое взрывной волной стекло не разлетается на опасные осколки. Сильная воздушная волна выдавливает стекло как бы целиком, или крупными, менее травмоопасными, частями.

Пока еще оставались в семьях запасы муки, разводили мучной клейстер, которым и мазали вырезанные в основном из газет полосы. Их лепили на окна. А сами окна тщательно завешивали шторами, или приспособливали что-нибудь другое, тоже светонепроницаемое. По улицам ходили патрули и смотрели, нет ли где щелок, пропускающих свет. За нарушение штрафовали. Этим Москва защищала себя от прицельного бомбометания во время ночных немецких налетов. Я

тоже помогал маме и бабушке, разрезая на полоски газетные листы. Самодельной кистью из ниток мы их мазали мучным клеем и приклеивали к стеклам.

Спешно велись работы по маскировке наиболее важных зданий. Кремлевские звезды укрыли брезентом, золотые купола соборов закрасили в камуфляжные тона. Мавзолей Ленина был закрыт щитами, здесь, и для маскировки других правительственных зданий, использовались маскировочные сетки. На Москве-реке установили платформы с макетами зданий. Асфальт улиц и дорожек скверов был разрисован под крыши домов и кроны деревьев. Все это должно было сбивать с толку немецких пилотов, сбрасывающих на город осветительные ракеты.

Конечно, всего этого я тогда видеть не мог – у нас в переулке все было пока тихо. Разве что во дворе напротив вырыли щель. Но об этом чуть позже.

Первый налет немецких бомбардировщиков на Москву состоялся ровно через месяц после начала войны – 22 июля. Четырьмя колоннами двести двадцать тяжелых машин на высоте от двух до трех километров пять часов бомбили столицу. Следующей ночью их было уже больше. Сейчас об этом как-то не принято вспоминать, но тогда москвичам пришлось нелегко.

Прорываясь сквозь плотный огонь зениток, ускользя из перекрестий лучей прожекторов, отражая атаки наших истребителей, фашисты все же смогли нанести ряд хоть и не

очень серьезных, но чувствительных ударов по Москве. Пострадал метромост, станция метро Арбатская, одна бомба взорвалась возле Никольской башни Кремля, другая – у Дома Правительства. Взрывной волной был опрокинут памятник Тимирязеву у Никитских ворот. Погибли первые москвичи.

О налетах предупреждали гудки сирен и сообщения по радио. «Внимание, внимание! Граждане, воздушная тревога!», и так несколько раз подряд. Кто-то, схватив детей, бежал в убежища. Там, где были вырыты «щели», прятались в них. Самым надежным укрытием был метрополитен. После объявления о воздушной тревоге все эскалаторы на каждой из станций начинали работать на спуск. В первую очередь, конечно, вниз пропускали женщин с детьми, стариков и инвалидов. С платформ по приставным лесенкам они спускались на рельсы и уходили в тоннели. Понято, что электричество от токопроводящих шин отключалось. Иногда матери с детьми и старики оставались ночевать на полу станций на заранее заготовленных матрасах. Но станций метро тогда было немного. Риск пострадать во время налетов оставался большим.

Конечно, наибольшая опасность возникала от прямых попаданий авиабомб, их осколков и рушащихся от взрывов построек. Но не исключалась возможность поражений осколками зенитных снарядов, такой плотный заградительный огонь велся по немецким самолетам. Очевидец, британский жур-

налист, позже вспоминал: «Шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. Десятки прожекторов освещали небо. В Лондоне мне не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного».

Только за месяц налетов в Москве погибли 740 человек, раненых было более 3500. За все время воздушных атак на столицу (последний налет случился в июне 43-го) погибли свыше 2000 москвичей, почти 6000 человек были ранены.

Сейчас, к сожалению, о подвиге жителей Москвы в первые месяцы войны почти не вспоминают. А жаль. Паники не было совсем. Люди продолжали работать, ухаживали за поступавшими в московские госпитали ранеными, заботились о детях и стариках. Суровость времени передалась всем. Город притих, но было ясно, что Москва выстоит.

В небе над городом висели аэростаты воздушного заграждения. Темно-бордовое вечернее небо резали белые полосы прожекторных лучей. В их перекрестие зенитчики ловили немецкие самолеты и били по ним плотным огнем. Надо сказать, что отличная организация противовоздушной обороны Москвы не позволила фашистам нанести городу хоть сколько ни будь заметный урон! Не пострадал Кремль, крупные промышленные предприятия, исторические и культурные памятники Москвы. Враг просчитался!

Между тем обстановка на фронтах Великой отечественной войны оставалась крайне тяжелой. Наши войска вели оборонительные бои, неся тяжелые потери. Немцы упорно

рвались к Москве. С северо-запада вели наступление на столицу отборные немецкие части.

Много лет спустя, когда мы поженились со Светланой, я узнал о гибели ее отца как раз на этом направлении, в районе деревни Хлебаниха одного из районов Калининской области (теперь городу Калинин возвращено его историческое название – Тверь). В их семье сохранилась «похоронка» – так называли приходившие с фронтов извещения о гибели родственников.

Светлана рассказала, что ее отец, работавший инженером на Московском метрополитене и имевший бронь, т. е. освобождение от призыва на фронт, добровольно отправился в военкомат. По своей военной специальности пулеметчика был направлен на Калининский фронт. Он погиб 30 июля 1941 года, прикрывая огнем отход солдат своей части. В «похоронке» значилось место его захоронения в братской могиле.

Узнав, что попытки разыскать могилу отца до сих пор не удались, я предложил продолжить поиски места его гибели, тем более что в это время поднялось общественное движение по поискам павших на войне солдат. С особой теплотой и надеждой на мое предложение откликнулась Светина мама, моя теща. Мы написали письма в областные военкоматы Калинина и Пскова – теперь деревня Хлебаниха по административному делению оказалась в Псковской области. Какие замечательные люди оказались в этих организациях! Низкий

им поклон. Скоро пришел ответ: пулеметчик Грозовский Семен Самойлович похоронен в братской могиле, что в селе Усмынь Куньинского района, что недалеко от Великих Лук. Внимательные сотрудники военкомата объяснили, как туда добраться из Москвы.

Коротко скажу: нам со Светой и ее мамой дважды удалось посетить это место, проехав на машине более 500 километров через Волоколамск и Великие Луки в село Усмынь. От трассы Москва-Рига еще около 50 километров туда ведет грейдер. Между зеленых холмов удивительно красивого ледникового ландшафта этой части России лежит большое чистое озеро. На его берегу установлен памятник советскому солдату, рядом – братское захоронение. Благодаря усилиям работавших здесь поисковых отрядов, ряд фамилий лежащих в общей могиле бойцов был подтвержден документально, и теперь на отдельном могильном холмике установлена табличка: «Красноармеец Грозовский Семен Самойлович». Местные жители ухаживают за памятником. Приехав в Усмынь в день Победы в 1987 году, мы, как почетные гости были приглашены на торжественное собрание. Меня, родственника участника войны, попросили выступить. Хотя к тому времени был уже опыт чтения лекций и многих выступлений на разных собраниях, я волновался. С платформы грузовика рассказал о своем, увы! незнакомом мне солдате, его подвиге, о боях за Москву. Шел дождь, с озера дул ветерок, но люди стояли молча и слушали. В очередной раз мы убе-

дились, насколько свят День Победы для нас, русских людей. Здесь, на Смоленщине, она прошла особенно жестоко. А в 2015 году мы записали красноармейца Грозовского С. С. в состав Бессмертного полка.

Но вернемся в московское лето 1941 года. Мы, мальчишки, и в это время оставались детьми. Конечно, после сигналов воздушной тревоги все сидели по квартирам – свою «щель» в нашем дворе жители вырыть не успели. Зато, как только звучал сигнал «отбоя», мы неслись что есть духа на улицу искать осколки зенитных снарядов. Самым интересным было подбирать еще теплые, с зазубренными острыми краями, куски металла на крыше.

«Граждане! Угроза воздушного нападения миновала!» – доносится из черной тарелки репродуктора. «Ма-ам! Можно во двор?» «Смотри, только больше никуда!», мама наклоняется, чтобы успокоить новорожденного.

Во дворе уже Генка Лазарев из одиннадцатой квартиры. Он старше и командует: «Айда к нам!». К нам, это значит вскарабкаться на пожарную лестницу сзади нашего дома, и юркнуть в слуховое окно чердака. Затем выбраться наружу на нагретые за день железные листы крыши и осторожно, чтобы не громыхать, переползать по ним в поисках осколков. «Нашел» – тихо шипит Генка, протягивая мне горячий кусок оболочки зенитного снаряда, еще кисло пахнувший порохом... Конечно, от родителей мы их прятали, но со вре-

менем эти реальные следы войны куда-то запропастились. Жаль, сейчас это был бы такой сувенир!

Вот на фоне такой, более чем тревожной обстановки в городе, на семейном совете во время одного из редких приездов папы домой, было решено отправить маму со мной и новорожденным братиком на дачу. В этом районе Подмосквья, в Белых Столбах по Павелецкой железной дороге, жили наши знакомые. Их дом стоял километрах в трех от станции, недалеко от овражка, за которым зеленел лиственный лес.

Электрички тогда не ходили. Добирались мы до Белых Столбов на пригородном поезде, под посвист паровозного гудка. Нам отвели небольшую комнатку, окно которой смотрело на недалекий лесок. Стоял жаркий август. Погода располагала к отдыху, такому еще недавно мирному и беззаботному. Однако война была все ближе к Москве, и постоянно о себе напоминала.

Однажды, совсем неожиданно, на дачу приехал папа. Я-то не помню, но мама потом рассказывала, что он был бледен и сильно встревожен. По словам отца, наш дом № 11 по 2-му Спасоналивковскому переулку чудом уцелел.

Во время недавнего ночного налета фашистов на Москву две бомбы были сброшены на наш район. Одна из них уничтожила дом № 10, что прямо напротив нашего, вторая разрушила часть здания Москворецкого райсовета на углу переуллка и Большой Полянки.

Это была так называемая «вилка» – летчик целил в объ-

ект, находившийся посередине.

Мы, мальчишки, еще до войны выходя в переулок, часто слышали доносившиеся как бы из-под земли звуки, похожие на пулеметные очереди. Здание, откуда они раздавались – дом № 6 – вовсе не было похоже на жилое. Всегда наглухо закрытые высокие двери-ворота, отсутствие окон на фасаде, закрытый двор – все говорило о том, что это какой-то секретный объект. Еще до войны ползли слухи: «военный завод подземный, должно быть...» Тем более, что объект время от времени сам выдавал себя доносившимися из-под земли странными звуками. Они напоминали короткие пулеметные очереди.

Слухами хорошо воспользовались немецкие шпионы. По их наводке бомбили прицельно. Но пилот промахнулся. Вместо завода был полностью разрушен двухэтажный жилой дом № 10 и угловая часть административного здания райисполкома на Большой Полянке (сейчас дом 50/1).

К счастью, жители разрушенного дома (он стоял в 10–12 метрах напротив нашего) не пострадали. Их спасла та самая «щель», которую они вырыли у себя во дворе! Тряхнуло порядочно, оглушило, но обошлось. Жертв не было, оставшихся без крова над головой куда-то расселили. Но от дома ничего не осталось. В 70-х г.г. на его месте построили тоже жилой, но уже панельный дом, что стоит и поныне.

Разбитая часть здания райсовета на Полянке долго стояла в руинах, напоминая о войне. Позже ее восстановили. В де-

вяностей здесь размещался недоброй памяти банк Столичный. Тот самый, что погряз в финансовых аферах в лихих 90-х. По иронии судьбы (опять «спираль времени»!) наша фирма была клиентом этого банка, и мне несколько раз пришлось посещать его, а заодно и свои родные места. Судьбе было угодно привести меня в наш дом накануне его сноса.

Как оказалось, к тому времени дом уже был расселен. Жутко смотрелись выбитые окна и двери. Двор был пуст, Почувствовав неладное, я поднялся по знакомым ступенькам в подъезд. Дверь в квартиру 10 не была заперта, и я вошел. «Господи! Что творят время и люди!», подумал я, увидев полный разгром. Конечно, никаких вещей уже не было, а из моей детской спальни доносились голоса. По содержанию нескольких фраз я догадался, что это строители. Они обсуждали предстоящую «казнь» моего дома. На миг сжалось сердце, будто хоронил близкого человека... Не спросив ни слова, я повернулся и ушел, попрощавшись со своим детством навсегда. Как оказалось позже, какие-то лихие нувориши купили, скорее всего за бесценок, наш дом, чтобы на его месте построить фитнес-центр.

А тогда, после бомбежки, дом уцелел. Прочные стены добротной кладки в три кирпича выдержали. Однако все его квартиры, оказавшиеся прямо напротив места взрыва 250-кг немецкой бомбы, пострадали. Окна вылетели вместе с рамами и оклеенными крест-накрест стеклами. К счастью, никто из жильцов не пострадал. По рассказу папы, осколки, проле-

тев все пять метров комнаты родителей, почти насквозь пробили деревянную четырехдюймовой толщины перегородку, глубоко застряв в дубовых досках. Хорошо еще, что папе удалось очень быстро заказать и закрыть пустые оконные проемы железными решетками, и только потом вставить рамы с остеклением. Вернувшись с дачи, я долго рассматривал углубления от осколков в перегородке. Туда целиком влезали пальцы моих рук. Эти дыры позже мы заклеили обоями.

Рассказав о бомбежке, папа сказал: «Пожалуй, не помещает на всякий случай вырыть такое же земляное укрытие, то бишь «щель», и у вас здесь в огороде, а ты мне поможешь».

Вооружившись лопатами, начали копать. Земля была сухая, глинистая, поддавалась с трудом. Возились мы с нашим «укрытием» долго, но дело сделали. Получился небольшой окопчик, который папа наскоро прикрыл попавшими под руку досками. Спускаться туда можно было по земляным ступенькам. И вот что интересно! Казалось бы, мне, девятилетнему мальчишке, изрядно помучившемуся с лопатой, рытье земли должно было бы стать противным надолго. Так нет, наоборот, процесс копки земли мне почему-то так понравился, что я совсем не против, если и сейчас меня просят выкопать какую-нибудь яму!

Папа уехал. Но, ведь как в воду глядел! Через несколько дней был очередной налет немцев на Москву. Завыли вдалеке сирены воздушной тревоги. Их пронзительные звуки,

хоть и приглушенно, были слышны даже у нас, в Белых Столбах. Тревожными всполохами замечались в вечернем московском небе лучи прожекторов. Те самые «рыбы» – аэростаты воздушного заграждения, поднятые на высоту свыше двух километров, мешали опускаться фашистским летчикам для прицельного бомбометания. Их самолеты заходили в воздушное пространство над городом выше, где их ловили яркие лучи прожекторов.

В этот раз один из фашистов, чтобы ускользнуть от лучей, резко сманеврировал и отвернул от Москвы в южном направлении. Как потом оказалось, отбомбиться он не успел. Его стал преследовать наш истребитель. Все это мы узнали позже. Пилот ушедшего от огня зениток «Юнкерса» заметил погоню. Чтобы оторваться от преследования и прибавить в скорости, он стал беспорядочно избавляться от бомбового груза. Случилось так, что местом, где немец сбросил последние бомбы, оказался наш лесок. Тот самый, на который выходили окна дачи.

Мама имела привычку оставлять коляску с новорожденным под окном. Окно было приоткрыто – жара стояла даже вечером. Свежий воздух с ароматом приближающейся осени легко проникал в комнату. Когда мама услышала надрывной рев самолетных моторов и треск пулеметных очередей нашего истребителя, преследовавшего фашиста, она схватила меня и побежала в огород, к нашей «щели». Ту самую, что

вырыли мы с отцом. Сунув меня в окопчик, сама кинулась к коляске.

Все произошло мгновенно. Раздался грохот взрыва. К счастью, немецкая бомба угодила в небольшой овражек. Кроны деревьев и рельеф смягчили удар воздушной волны. Мама успела упасть на пол, толкнув коляску к окну. Осколки стекол из приоткрытой рамы пролетели над ней и поверх коляски с ребенком. Домик хорошенько тряхнуло, у меня в окопчике со стен посыпалась сухая глина, но мы все, слава Богу, остались целы и невредимы!

Гул самолетных моторов уже начал стихать, когда в отдалении раздался еще один тяжелый взрыв. Потом наступила тишина. Убедившись, что со мной тоже все в порядке, мама немного успокоилась. Мы собрали с пола комнаты осколки стекол, прикрыли и завесили окно. Четырехмесячный братик спал, как ни в чем не бывало.

И все же дача получила повреждения, особенно наша комната. Последствия бомбежки сделали наше пребывание там невозможным. Отца отпустили с комбината на полдня, чтобы вывезти нас в Москву. К этому времени ему удалось найти мастера, чтобы остеклить рамы нашего дома, поврежденные взрывом бомбы. Это оказалось очень кстати, поскольку погода стала портиться. Приближалась осень.

По радио передали о подвиге советского летчика Виктора Талалихина – одного из первых в то время пилотов, совершивших воздушный таран. Диктор рассказывал, что, пресле-

дую немецкий бомбардировщик, наш «ястребок» израсходовал весь боезапас, а фашист удирал. Виктор, будучи раненым в руку, догнал «Юнкерс» и решил обрубить ему пропеллером хвост. Чувствуя, что раненная рука не дает выполнить этот маневр, Талалихин просто врезался своим самолетом в машину противника.

Самолет врага камнем рухнул вниз и со взрывом врезался в землю. Наш пилот катапультировался и благополучно раскрыл парашют. Подробности воздушного боя не сообщались, но мы почему-то подумали: «А не в районе ли нашей дачи это случилось?» Теперь достоверно известно, что это произошло в районе Домодедово, а, значит, Виктор Талалихин совершил свой таран, за который получил звание Героя Советского Союза, действительно недалеко от нас. Еще одно любопытное совпадение: Герой-летчик до обучения в летной школе работал на мясокомбинате им. Микояна, там же, где и мой отец!

Советские войска отступали. Откуда тогда мне, пацану, было знать, что немецкие передовые части уже вплотную подходили к Москве. Начиналась эвакуация. Из города вывозили промышленные предприятия, музеи, уезжали театры с актерами и декорациями, крупные НИИ и учреждения. Эшелоны уходили на восток, увозя людей и оборудование. Москва готовилась к обороне. Война была на пороге.

Отец почти не приходил домой, настолько серьезной была обстановка на комбинате.

В конце сентября ему все же удалось на несколько часов вырваться к нам. После того, как родители и бабушка закончили разговор, я увидел заплаканные глаза мамы. «Сынок», – сказала она, «мы решили, что нам нужно уехать.» Обстановка не позволяла долго раздумывать. Папа и бабушка оставались в Москве. Он – на работе, бабушка – сторожить квартиру. А нам предстояло отправиться в эвакуацию.

Мама написала письмо своему дальнему родственнику в город Чкалов, так тогда назывался Оренбург. Дядя Боря, так его называла мама, полный тезка известного в те годы актера Бориса Щукина, тоже был драматическим артистом. Вместе с женой он служил в труппе областного драмтеатра в Чкалове. Маме ответили: «Приезжайте, поможем». Отъезд папа наметил на конец сентября. Обстановка на фронтах складывалась не в нашу пользу. Немцы рвались к Москве.

Все коренные москвичи знают дату 16 октября 1941 года. Никогда так близко фашисты не приближались к городской черте. С колоколен сел ближнего Подмосковья они пытались в бинокли разглядывать Кремль, смакую свой парад на Красной площади. В эти два дня – 16 и 17 – в Москве действительно началась паника. Я не хочу здесь описывать то, чему не мог быть свидетелем, и потому, что в эти дни был в Чкалове, и по причине малого возраста. Долгие годы многие материалы о московских событиях тех нескольких жутких дней были засекречены. Сейчас кое-что можно найти в свободном доступе. Работая над своими воспоминани-

ями, я наткнулся на любопытную информацию. Она имеет самое непосредственное отношение к папе – главному инженеру московского мясокомбината имени А. И.Микояна.

В № 9 (180) журнала «Спецназ России», вышедшем в сентябре 2011 года, автор Андрей Кудряшов опубликовал статью «Паника в Москве». Подробно и объективно он описывает примеры многих, скажем прямо неприятных, если не позорных, случаев поведения людей и отдельных руководителей предприятий и учреждений 16 и 17 октября в Москве. Я не буду пересказывать содержание статьи, кроме одного абзаца.

«16 октября в 7 часов утра», – пишет А.Кудряшов, – «рабочие колбасного завода Московского мясокомбината имени А. И.Микояна, уходя из цехов в отпуск, растащили до 5 тонн изделий. Беспорядки были прекращены С ПОМОЩЬЮ ПАРТАКТИВА (выделено мною, В. Ф.), сторожевой охраны комбината и бойцов истребительного батальона. Директор холодильника Левин арестован, руководитель комбината с работы снят».

Никогда папа не рассказывал мне об этом случае. Судя по тому, что он продолжал исполнять свои обязанности, а впоследствии за отличную работу был награжден орденом Трудового Красного Знамени, я не сомневаюсь, что он непосредственно входил в состав того самого партактива. Вот так, много лет спустя после его ухода из жизни, я получил возможность еще раз гордиться своим отцом.

А тогда, в октябре 41-го, партийному и советскому руководству Москвы и СССР, опираясь на коммунистов и просто честных советских людей, удалось очень быстро и решительно взять под контроль ситуацию в городе. И хотя немцы продолжали свои попытки прорваться к Москве, они были остановлены. Выступление по радио маршала Жукова окончательно успокоило москвичей. Ход дальнейших событий хорошо известен.

Немецкие войска были отброшены от столицы.

В память о защитниках Москвы в разных местах города сохранены сооруженные в эти трагические дни ДОТы и другие оборонительные сооружения. Одно из них стоит у нас, на Новоясеневском проспекте, другое на улице Обручева, недалеко от станции метро «Калужская». На Ленинградском шоссе в Химках сооружен монумент в виде противотанковых «ежей» – сваренных из стальных швеллеров конструкций. Много памятных объектов обороне Москвы сохранены и в других районах. В День Победы к ним возлагают венки, чувствуя погибших защитников столицы и ветеранов войны. Память о войне священна. А Москва заслуженно носит имя города-героя.

Мы не застали самые тяжелые дни обороны Москвы. Папа посадил нас в поезд 30 сентября 1941 года. На вагоне была табличка «Москва-Чкалов».

Глава четвертая. Эвакуация (сентябрь 1941 – август 1942)

Дорогу в Чкалов (так тогда назывался город Оренбург) я помню смутно. Вагоны поезда были переполнены женщинами с детьми и стариками. Состав тащился, останавливаясь, чтобы пропускать воинские эшелоны. Только через трое суток, к вечеру, на перрон вокзала в Чкалове вышла мама, неся на одной руке моего новорожденного. Другой она тащила здоровенный чемодан. Какой-то узел с трудом волочил сзади и я.

Дорогая мама! Как же тебе было трудно и страшно оказаться в твой едва 31 год, с двумя детьми, в далеком незнакомом городе. Только сейчас я могу лишь попытаться представить себе твое состояние...

Все, что было потом, а прожили мы в Чкалове почти год, вспоминается, конечно, лишь частично. Какие-то эпизоды впоследствии рассказывала мне мама, но кое-что прочно врезалось в мою детскую память. Об этом я и хочу рассказать.

Дядя Боря, плотный, небольшого роста, с участливым лицом, привез нас к себе домой. Добротный кирпичный дом стоял на одной из главных улиц города, Советской, недалеко от здания драмтеатра им. Горького. На четвертом этаже (лифта, кажется, не было) находилась их двухкомнатная

квартира. Нам отвели проходную комнату, за нами, «уплотнившись», остались хозяева. Только сейчас я могу представить, насколько наше появление нарушило мирок их привычной довоенной жизни. Но, надо отметить с благодарностью, и дядя Боря и его жена тетя Вера, как могли старались помогать моей маме.

В годы войны семьи, эвакуированные из мест боевых действий, как правило, подсалялись к родственникам, а чаще и к вовсе незнакомым людям, жившим в тыловых городах. Называлось это «уплотнение». Многим доставалось еще сложнее, чем нам.

Из удобств в квартире были водопровод, канализация и центральное отопление – по меркам военного времени роскошь неслыханная. Хотя с наступлением зимы оказалось, что уголь в котельной сильно сэкономили. В доме было здорово прохладно. Одевали на себя все, что смогли захватить из Москвы, кое-какие вещи дали нам родственники.

Привыкшим к жизни в коммунальных квартирах многолюдие было не в диковинку, но при «уплотнении» условия жизни, конечно, становились еще более тяжелыми. Однако, ни у нас, ни у дяди с женой выбора не было. В войну поменялось многое. А такие качества русского народа, как сердечность и сострадание проявлялись гораздо ярче.

Вообще сейчас, спустя почти семьдесят лет после той зимы, трудно представить себе, каково доставалось бедной моей маме. Как она ухитрялась готовить еду, стирать наши

пожитки и белье, мыть посуду и убираться? Горячую воду грели на примусах, сильно экономя керосин. Мыла было в обрез, его, как и продукты, выдавали по карточкам.

У меня перед глазами картина: мама подмывает братика, просто подставляя его попку под струю холодной воды из крана на кухне. Младенец кричал в голос, однако, как ни удивительно, ни разу не простудился!

Меня определили в третий класс школы, и я начал ходить пешком на уроки, туда и обратно, и не очень близко, один. Маме с грудничком было не до меня. Делать уроки приходилось на кухоньке. В проходной комнате места хватало лишь на диван да раскладушку. Оформили нам продуктовые карточки, которые, как говорили тогда, надо было «отovarивать».

За хлебом мама часто посылала меня. Булочная была в доме напротив, там же на Советской. Что такое «карточки»? Лист плотной бумаги, на котором напечатаны клеточки с числами и нормой выдачи продукта, в данном случае хлеба. Полагалось 400 грамм на иждивенца в день. На нашу семью эвакуированных – чуть больше килограмма черного, не очень хорошего качества, хлеба.

Наступила зима. Закутанный во все теплое мамой, сжимая в кулачке хлебные карточки (потерять их – трагедия!), иду в булочную. Плотная очередь принимает меня в свое ворчливое тело, сжимает, двигает к продавщице.

«Давай, пацан, твоя очередь»! Тетка нарезает наши пор-

ции, протягивает мне: «Держи крепче!»

Несу хлеб домой, там мама уже приготовила скудный обед. Нам было бы совсем голодно, если бы папа не сумел «прикрепить» нас (еще одно выражение военных лет) к столовой городского мясокомбината. О. это было что-то!

Тут я должен сделать небольшое отступление. С тех пор прошло много лет, целая жизнь. Чтобы восстановить в памяти наши с мамой походы за едой на мясокомбинат, мне пришлось воспользоваться интернетом и открыть план Оренбурга (историческое название было возвращено городу в 1957 году). Ба! Вот они, знакомые улицы, театр, наш дом, река Урал, вокзал... Внимательно, и теперь уже профессионально, взглядываюсь в план центра города. Наверное, в наши дни многое здесь изменилось, но это сейчас, а тогда, зимой 41-го...

Морозный ветер прихватывает уши. Улицы темные, фонари не горят, лишь белеют сугробы в свете полной луны. Мы идем по Советской мимо драмтеатра, сворачиваем возле памятника Ленину в сторону вокзала. Вот силуэт караван-сарая, темнеет башня мечети. Путь неблизкий. Мне немного страшно, но город пуст, никого. Мама крепко держит меня за руку. Какой-никакой, а защитник. Мне 10 лет. Оставляя вокзал справа, осторожно оглядываясь, но не отпуская меня, мама перебирается через рельсы. Вот и мясокомбинат.

Крикливая тетка в столовой наливает в нашу кастрюлю

несколько половников жидкой пшенной каши на воде. Больше нам не положено, но и на этом спасибо, будет не так голодно! Мама тщательно укутывает кастрюлю в принесенную с собой старую шубейку, и мы пускаемся в обратный путь. Маме тяжело, я это вижу.

«Мам!», прошу я дать мне понести шубу с кастрюлей. Мама боится, как бы я ее не уронил, но усталость берет свое. Ташу тяжеленную ношу, сколько могу. Скорей бы добрести до дома. Обратный путь длится долго-долго...

Голодно было не только нам. В школе мы, мальчишки, рассказывали друг-другу, где можно раздобыть жмых. Жмых – это спрессованные остатки подсолнечной шелухи после отжима масла. Иногда нам удавалось подбирать этот жмых на улицах, и мы сосали его, чтобы заглушить чувство голода. Еду в школу никто не приносил. В коридоре стоял только бак с кипяченой водой. Школа помещалась в небольшом здании. В классах было очень холодно. Обычно учительница разрешала нам сидеть в пальто и шубейках, засунув руки в рукава. Диктанты писали, предварительно согрев пальцы дыханием.

Улицы города чистили плохо, отчего по обочинам уже к середине зимы образовались внушительные сугробы. Грузовиков в городе было мало, и основным транспортом служили сани. Они лихо катили по укатанному снегу, развозя седоков и поклажу.

Любимым занятием нашей школьной мелкоты (и меня то-

же, конечно) было прицепиться к саням, а иногда и к грузовику, чтобы лихо скользить за ними на подошвах валенок. Для этого полагалось соорудить крючок из куска проволоки.

Уловив момент, когда лошадь замедляла ход, надо было незаметно для возницы прицепиться крючком к задку саней и присесть пониже, чтобы тебя не заметили. Лошадь набирала скорость, и только ветер свистел в ушах! Главное искусство было в том, чтобы вовремя и незаметно отцепиться. Сколько помню, все эти штуки, слава Богу, ни разу не кончились какими-нибудь травмами. А вот я однажды попал в другую историю.

Возница розвальней заметил, как я забросил свой крючок за его санки, и решил проучить мальчишку. Резко набрав скорость, он понесся по улицам. Время от времени он выкрикивал какие-то, тогда мне еще не известные слова из русского фольклора. Да так, что мне только и оставалось, что из всех сил стараться удержать равновесие и не упасть, чтобы не расшибиться. Сумерничало, а сани все неслись и неслись в какую-то незнакомую мне часть города. Жалко было бросать крючок, да и скорость не позволяла. Когда я все же улучил момент и на одном из поворотов отцепился, было уже совсем темно. Спас меня здоровенный сугроб, к счастью не очень жесткий.

Долго я брел по занесенным снегом пустым улочкам, пока каким-то чудом не добрался до своей милой Советской. Повезло. Дома меня тоже особенно не ругали: бедная мама

все силы отдавала возне с малышом и на меня ей их уже не хватало. Оглядываясь назад, на те военные годы, удивляешься, сколько может выдержать человек! Недоедали, боролись с холодом, теснотой и неудобством жизни в проходной комнате, зная, что стесняем хоть и родственников, но все же уже немолодых усталых людей. И чудо: маленький мой брат ни разу ничем не болел, рос нормальным горластым пацаном. А что теперь? Все есть, а дети слабенькие и не очень здоровые...

Зима подходила к концу. Учился я с удовольствием, отметки были хорошими, хоть этим мама могла быть довольна. Иногда дядя брал меня с собой в театр. Не помню, репетиции это были, или спектакли, но впечатлений никаких у меня от театра не осталось. Заметьте – на всю жизнь. Я стесняюсь говорить о своем равнодушии к театру. Согласитесь, это стыдно для интеллигентного человека, но так уж вышло.

У каждого из нас есть какие-то свои личные предпочтения. Сейчас выбор гораздо больше, и оттого один увлекается кино, другого не оторвешь от телевизора или компьютерных игр, а третий – завзятый театрал. Я люблю музыку. Больше классическую.

Мы с моей женой Светланой обожаем песни – русские, советские, хорошие современные.

А вот на спектакли драматических театров почти не ходим.

Недавно прочитал, что в это же время в эвакуации в Чка-

лове был с родителями Мстислав Ростропович. Ему тогда исполнилось 14 лет, он занимался виолончелью в музыкальном училище, которое ныне носит его имя. Вот он-то наверняка с удовольствием посещал театр. И стал всемирной знаменитостью. Делайте выводы.

После разгрома немцев под Москвой дела на фронте пошли лучше. В столицу потихоньку стали возвращаться предприятия и люди. Отец к тому времени уже хорошо отремонтировал нашу, поврежденную бомбой, комнату, и решил, что пора семье, что называется, воссоединится. Стали готовиться к возвращению и мы. Но прежде я расскажу об одном случае, который мог окончиться для меня вовсе не так благополучно.

Третий свой класс я без проблем окончил с пятерками. Город сбросил с себя зимний наряд, зазеленели деревья, погода, как и полагается в зоне континентального климата, резко сменилась на жару. К середине июля вода в Урале согрелась так, что можно стало купаться. Школьные мои товарищи нашли местечко на берегу, куда не раз ходили плавать. Звали и меня, но все как-то не получалось.

Но в тот памятный день я упросил маму, и отправился к друзьям. Я уже говорил, как доставалось тогда моей маме: заботы о малыше, тяжелый быт, беспокойство об оставленном в Москве муже... Я хорошо понимаю, что был как бы на втором плане. Не чувствовал этого тогда, и не осуждаю, не дай Бог, маму и теперь. Мама, занятая домашними хлопота-

ми, махнула рукой: «Иди, только возвращайся не поздно!»

Дом наш на Советской стоял всего в нескольких кварталах от берега Урала, поэтому я особенно не озадачивался формой одежды. День был очень жарким. Прямо из дома в одних трусишках я так и отправился к приятелям. Место, которое они выбрали для купания, находилось правее створа пешеходного моста на другой берег реки. Сам мост был наплавным, его ежегодно либо разводили перед паводком, либо паводок его сносил.

В тот день восстановлен он еще не был. Рассматривая сейчас план Оренбурга, я не только обнаружил мост на том же месте, но и увидел вместо деревянного фото красавца вантового белоснежного моста. Я увидел, что на нем установлен памятный знак границы между Европой и Азией (что, впрочем, не признается Русским Географическим Обществом, которое считает Оренбург полностью европейским городом).

Ныне этот участок берега Урала благоустроен, на нижней террасе проложены рельсы и установлен оригинальный павильон детской железной дороги. А тогда была просто песчаная отмель, где и устроились ниже стоявшей на берегу церкви мои приятели. Мы искупались. Ребята, поиграв во что-то на берегу, сказали, что им пора идти домой. Я остался. Тут-то все и произошло. Видно, Провидению угодно было в этот раз (как, впрочем, и в нескольких других случаях) оставить меня в живых.

Войдя в воду, я поплыл, и как-то незаметно оказался далеко от берега. А когда оглянулся назад, вдруг испугался, что не смогу вернуться обратно. Неожиданно для себя рванул из не слишком больших своих силенок не назад, а на другую сторону реки. Надо сказать, что к этому времени я чувствовал себя на воде уже довольно уверенно. Спасибо папе, который постоянно, когда мы бывали на подмосковных водоемах, учил меня плавать. Но через несколько минут я испугался уже всерьез, и было чему. Кричать о помощи было бесполезно – на берегу уже никого не было... Заметьте, мне было всего 10 лет!

В такие моменты чувства обостряются до предела. Хорошо помню до сих пор, что в голове пронеслись обрывки кадров из кинофильма «Чапаев» – он плывет, в него стреляют, он тонет... Надо сказать, что течение в Урале довольно сильное, и меня стало заметно сносить вниз. Вдруг я заметил, что река тащит меня мимо небольшого мыса, за которым справа виднелся достаточно широкий залив. В голове мелькнуло: «Пронесет мимо, сил не хватит, точно утону».

Не знаю уж как, но мне удалось буквально метров в пяти от оконечности мыска, судорожно барахтаясь, выползти на берег (я нашел это место в интернете на фото). Радоваться спасению долго не пришлось. До меня дошло, что я оказался на ДРУГОМ берегу Урала, и как теперь мне добираться домой (моста-то нет!) – неясно. Маленький, дрожащий от страха и холода мальчишка стоял на полоске песка и не знал,

что делать дальше.

Вдруг, откуда ни возьмись, показалась шедшая вдоль берега лодка с двумя мужиками. «Дяденьки!» – закричал я – «пожалуйста, перевезите меня на тот берег! Ну, пожалуйста!».

Обросший черным волосом детина, посмотрев на тощего, синего от холода, пацаненка скорее из любопытства, чем из жалости, спросил: «А ты как-то вообще сюда попал, малый?»

Услышав в ответ, что переплыл с того берега, заржал и крикнул: «Ну, если ты такой, что переплыл, плыви сам обратно!». Детина был заметно выпивши. Лодка ушла вниз по течению.

Я остался один. Что делать, я не знал. Подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, чтобы согреться, я вдруг вспомнил, что с берега на берег, перевозя людей, ходит баржа с буксиром. И что пристань той переправы находится на другой стороне чуть не утопившего меня залива. О том, что на мне ничего кроме трусов нет, и денег нет тоже, я не думал. Побежал, чтобы заодно и не замерзнуть окончательно, вдоль берега залива. Через полчаса уже прятался в кустах недалеко от причала переправы.

Теперь нужно было ждать, пока достаточно стемнеет, чтобы незаметно проникнуть на баржу. Увидят, ни за что не поверят моему рассказу, выгонят, и что я буду тогда делать? В этот момент я не думал о маме, не думал, что меня уже столько часов нет дома, все мысли были только о том, как

пробраться на переправу. На мое счастье стало темнеть. Прошло около часа. Отмахиваясь от комаров и приплясывая от холода и страха, я прислушивался к звукам, доносившимся от недалекого причала.

Когда прогудел отправление буксир, я как можно быстрее и незаметнее кинулся к барже и успел нырнуть в открытую крышку трюмного люка. Забился за толстый шпангоут и затаился. Слава богу, меня не заметили. Обошлось. В трюме плескалась вода, хорошо помню. Но главное – я плыл на свой берег.

Повезло и там. Незаметно юркнув из трюма, я что есть мочи помчался домой. Сильно мама меня не ругала – что-то случилось с животиком брата, и она была занята им. Обошлось парой подзатыльников.

Вот такая случилась история, хотите верьте, хотите нет, но в 10 лет я переплыл Урал. О чем потом не раз не без гордости рассказывал при разных ситуациях.

Через полмесяца дядя с тетей провожали нас в Москву.

Вспоминая сейчас эту далекое время зимы 1942 года в эвакуации, я подумал, что было бы интересно побывать Оренбурге-Чкалове и пройтись по нашей Советской и набережной Урала. Но уже не пытаться его переплывать. А то, что город заметно изменился в лучшую сторону, я убедился и не посещая его, по снимкам в интернете.

Глава пятая. Возвращение в Москву. Военные годы (август 1942 – май 1945)

В годы войны пассажирские поезда ходили не быстро. Путь до Москвы из Чкалова занял больше трех суток. В общем вагоне народ вообще как-то быстро знакомится. А тут у всех одна боль – война. Стараются помогать соседям, особенно у кого дети. А у мамы – годовалый, да я еще. Добрая душа у нас, русских. Всегда была, да и будет, хотя сейчас иногда об этом задумываешься настороженно. Новое время, новые песни...

На вокзале нас встречал папа. Объятия, слезы, поцелуи. Дома ждет бабушка. Держится молодцом, ей еще столько придется с нами заниматься!

Уже по дороге с вокзала стало заметно, как посуровела Москва. Редкие прохожие, одинокие трамваи, заклеенные крест-накрест окна домов и какая-то настороженность во круг. В далеком тыловом Чкалове этого не чувствовалось.

Интенсивные бомбежки Москвы прекратились еще раньше, и ко времени нашего возвращения только отдельные немецкие самолеты-разведчики рисковали прорываться в московское небо. Но пережитое крепко держало москвичей в напряжении. Военная обстановка сказывалась во многом. Часто отключали электричество, скудные продуктовые пайки отпускали по карточкам, в город привозили с фронтов на

излечение много раненых.

В квартире нашей ничего не изменилось. Соседи никуда не уезжали, отношения наши, как и прежде оставались очень дружелюбными. А вот двор изменился. На дрова пошли забор и ворота со стороны переулка, исчезла «сторожка» – она тоже ушла на топливо.

Зато приятели мои все оказались на месте. Генка Лазарев, Зинка из 16 квартиры, Игорь «генерал» (бедняга из-за какой-то болезни носил корсет на шее и всегда ходил с неестественно прямой спиной, отсюда и необидное прозвище). Встретили очень приветливо. Рукопожатия, вопросы: «Ну, как ты?», «Молодец, что вернулся быстро!», «Расскажи, как там?». Сами мои друзья Москву не покидали, потому слушали мои рассказы с интересом. В ответ на мои расспросы они и сообщили мне, что наша 557-ая школа отведена под госпиталь, поэтому наш класс целиком определили в школу (номера ее не помню) на улице Пятницкой. Школа стояла во дворе дома 46, что по четной стороне улицы.

Дни московского лета прошли как-то быстро, незаметно подошел сентябрь.

Конечно, первый раз идем в новую школу вместе с мамой. Но сопровождать меня каждый день ей очень трудно, у нее на руках маленький Павел. Бабушке с ним не справиться, она будет в основном помогать маме по хозяйству и, конечно, основное время посвящать мне. Познакомившись с учительницей, мама оставляет меня в школе и уходит. Отныне мне

предстоит посещать свой 4-в самостоятельно. Как и кружки в Доме Пионеров, библиотеку и разные другие места. С друзьями.

Путь от дома до школы на Пятницкой не близок. Надо идти через Полянку по Погорельскому переулку, затем по Ордынке мимо нынешнего посольства Израиля, направо по большому Ордынскому переулку и налево до школы – думаю, километров больше двух будет. Вот где пригодились первые мои опыты пешей ходьбы, что с родителями к бабушке на Серпуховку, что с отцом в баню, или в Чкалове по разным местам города. Но вскоре я придумал, как это расстояние можно немного сократить.

До войны все дворы отгораживались от соседей деревянными заборами. Эта традиция шла еще с тех пор, как Замоскворечье было тихим мещанским и купеческим районом Москвы с одно-двухэтажными домами и тихими зелеными двориками. До войны здесь мало что изменилось. Сталинский план реконструкции столицы этой части города не успел коснуться.

С началом войны и приходом зимы одними из первых жертв холодов пали заборы. Центральным отоплением в Замоскворечье были оборудованы только немногие многоэтажные дома, да общественные здания, остальные обогревались печами. Во дворах стояли дровяные сараи, запасы в которых периодически пополнялись заботливыми хозяе-

вами. Военная пора сильно осложнила заготовку дров. Все коммунальные службы города много работали на помощь фронту. Транспорта не хватало. Под руку попали заборы и всякие второстепенные постройки из дерева. Их тоже разбирали. Зима была суровой, многих это выручало от холода в жилищах.

С исчезновением заборов дворы стали «проходными». Путь до школы можно было сделать более коротким, двигаясь зигзагами по этим самым проходным дворам. Сначала я немного побаивался местных мальчишек: кто знает, как им понравится, что через их двор шляется какой-то чужак с портфелем. Но обошлось. А время в пути сократилось. К тому же было даже интересно заглядывать в незнакомые дворы и открывать для себя разные интересные здания.

Легче стало, когда в соседнем классе появился новый ученик. Выяснилось, что живет он в домах рабочего кооператива, что на углу 1-го Спасоналивковского и Казанского переулков, совсем рядом со мной. Начали ходить в школу и обратно вместе. Сдружились.

Звали его необычно – Гега. Возможно, армянское или азербайджанское имя. Но это не имело для меня никакого значения.

У нас в семье никогда не было национализма и, не дай бог, антисемитизма. И тогда, маленьким, и потом, взрослым, я всегда придерживался одного правила: национальность не имеет никакого значения! Да, могут быть (и есть!) какие-то

особые народные привычки, обычаи, люди исповедуют разные религии, но главное не в этом. Главное – в содержании самой человеческой личности. Какой тот, кого ты встретил на жизненном пути? Жадный или щедрый, злой, завистливый или добрый, открытый?

С годами, накопив жизненного опыта, каждый из нас учится быстрее понимать, с кем тебя свела судьба. По молодости иногда подсказывает интуиция. Иногда ты ошибаешься. Но это потом. А пока, встретившись с незнакомцем, улыбнись и протяни руку. Это позже по его (или ее) реакции и поступкам, будет более или менее ясно, кем оказался твой новый знакомый. Станете ли вы друзьями, приятелями, просто знакомыми, либо разойдетесь, а бывает, и возненавидите друг – друга. Но ни в какой мере на это не должна влиять национальность твоего визави. Это даже не совсем то, что ныне модно называть толерантностью. Это полное отсутствие расизма в мыслях и поступках.

С Гегой мы обменивались книжками, обсуждали прочитанное и уроки. Но главным в нашем знакомстве оказалось то, что мы оба увлеклись прогулками по Москве. Выяснилось это позже, ближе к лету.

А пока в свои права вступала зима. Утром в школу мы стали ходить уже затемно.

Возвращались тоже в сумерках. В домах было темно. Немцы Москву так сильно уже не бомбили, и периодические отключения электричества были связаны не с проблемами све-

то маскировки, просто сэкономили. В такие моменты нас выручали коптилки.

Это были нехитрые устройства из небольших консервных баночек. Вместо крышек они накрывались плоскими железными дисками с трубочками, через которые проходил фитилек. В баночку наливали керосин. Огонек горящего фитилька едва освещал комнату в радиусе метра полтора от светильника. Но другого ничего не было, даже спички приходилось расходовать аккуратно.

При коптилке я делал уроки за столом в бабушкиной комнате. Сюда же бабушка приносила мне нехитрую еду. Несмотря на постоянные замечания, за едой я приспособился еще и читать. Один из таких случаев запомнился мне надолго!

Устраивался я так. Ставил книгу за коптилкой, поближе, чтобы свет падал на страницу. Чтобы комфорт был полным, перед собой устраивал тарелку. Время было голодное, продукты выдавались по карточкам, сладостей вообще никаких. В тот раз бабушка угощала меня вареной свеклой – вместо сладкого. Читал я роман мало вспоминаемого ныне писателя Виссариона Саянова «Небо и земля». Это была книга о летчиках.

Много позже, уже взрослым, я наткнулся на злую эпиграмму: «Прочел читатель наново большой роман Золя. Потом прочел Саянова – небо и земля!». Но тогда мне было интересно и я, перелистывая страницу за страницей и напря-

гая зрение от дрожащего огонька коптилки, увлекся. Стояла полная тишина. Бабушка возилась на кухне возле керосинки. Мама дремала возле спящего малыша. Из-за моей спины с картины над дверью, полузакрыв глаза, на огонек смотрел Иисус. Читая и жуя, я незаметно проглотил большую тарелку этой самой свеклы.

Последствия для моего голодного организма были печальными. Мне стало очень плохо. Подобно горчице, коей я был в наказание измазан бабушкой в свои 3 года, я и свеклу вареную по этой причине долго-долго не то, чтобы есть, видеть не мог!

К сожалению, чтение за коптилкой сильно ослабило мое и без того неважное, по наследству от мамы, зрение. Вскоре пришлось выписать очки...

Тепло в нашей и соседских комнатах поддерживала печка-голландка. Спасибо мастеру-печнику, выложена она была отлично, нагревалась быстро и хорошо держала тепло. Но все равно дров уходило порядочно. Топки были сделаны с обеих сторон, мы и соседи топили по очереди. И у них, и у нас были свои отделения в общем дровяном сарае во дворе. (Любопытно упомянуть, что ныне снесенный сарай стоял на том самом месте, где сейчас находится здание Министерства юстиции РФ).

До войны во двор нашего дома по заказу привозили заготовки будущих дров – чурбаки метра полтора длиной. Лучшими считались березовые. Они горели жарче, да и сохли

быстрее, не то, что осиновые. В годы войны достать дрова стало проблемой. Выручили нас знакомые из соседнего дома. Им как-то удалось раздобыть машину, привезли себе и нам. К этому времени военная обстановка изменилась к лучшему, непосредственная угроза Москве миновала, и отец уже был освобожден от суточного дежурства на комбинате. Своим помощником «по дровам» в этот раз он взял меня.

Сваленные в кучу возле дровяного сарая полутораметровые чурбаки надо было распилить, затем расколоть на поленья и аккуратно сложить. Здесь же у папы хранился нужный инструмент: двуручная пила, колуны, топоры и сколоченная из брусков подставка-кóзлы. Пишу, и боюсь, далеко не все нынешние городские мальчишки знают все мною перечисленное, или чем колун отличается от топора. Время неумолимо... А мне предстояло это освоить, папе одному было не справиться.

Первый чурбан улегся на кóзлы, и папа решив меня подбодрить, устроил небольшой «музыкальный момент». Выгнув пилу дугой, стал водить по ней палочкой, меняя изгиб полотна и извлекая звуки разного тона, чем-то напоминающие гавайскую гитару. Получилось так здорово, что я заслушался. «Ну вот», – сказал папа, – послушали увертюру, начинаем оперу». С этими словами он показал мне, как надо держать пилу, и работа началась. Сначала было непривычно и трудно, но постепенно я освоился. Помогало сознание, что я уже по-настоящему могу помочь отцу, и что, конечно,

потом не упусти случай похвалиться перед ребятами. Вкусно запахло свежими опилками. Полотно пилы не хотело слушаться, выгибалось, папа помогал мне, тянув пилу на себя. Постепенно дело пошло лучше. А тут еще сосед поддержал: «Молодец, парень, хорошо отцу подсобил!».

Когда возле нас образовалась гора напиленных чурбаков, папа сделал перерыв. Он не курил, и эту паузу использовал, чтобы посвятить меня в премудрости колки. Показал, как надо устанавливать чурбаки друг на друга, как держать колун, и для чего нам пригодятся клинья.

Самый большой и тяжелый чурбан ставился на пол. На него помещался отпиленный нами от бревна толстый кряж. «Смотри, Вовчик! Видишь, трещина пошла по чурбаку? Надо стараться попасть в нее. И не бей никогда поперек сучка!» (NB. Совет может пригодиться туристам).

Отец брал колун и со всего маха всаживал его в сучковатое дерево. Если с первого удара оно не поддавалось, приходилось повторять удары. Иногда колун, войдя глубоко в кряж, застревал в нем. Тут мы пытались обухом топора вбивать в щель клин и таким образом освободить застрявший колун. Я, со своими слабыми силенками, мог только наблюдать за этими операциями и учиться правильно выбирать места ударов.

Со временем папа стал поручать мне раскалывать топором небольшие поленья. Это была моя первая школа колки дров, впоследствии пригодившаяся неоднократно. До сих

пор люблю пилить и колоть дрова. Отличное упражнение для всех мышц. А заряд бодрости-то какой получаешь!

Грудю вкусно пахнувших поленьев мы аккуратно складывали у задней стены нашего отсека сарая. Я подавал, папа как-то особо ловко размещал их, добиваясь устойчивости поленицы. Теперь, когда нужно будет топить печку, мы принесем несколько охапок дров через наш «черный ход» и сложим на полу в комнате возле печки. Я почищу поддувало, мама выдвинет вьюшку (знаете, что это такое?), положит в топку поленья, разожжет, и спустя некоторое время нагреются изразцы и тепло пойдет в комнату...

А еще можно будет прижаться к печке животом и щекой, и греться, греться...

Только вот однажды, не досмотрел я за маленьким братом. Задел он ножкой за одно из лежащих у печки поленьев, да и упал лбом на другое! Рассек кожу до крови. Досталось мне тогда от мамы с бабушкой, что называется, по полной! А вообще я с удовольствием играл с братиком. Помню, что одним из наших развлечений было такое. Я укладывал стул на пол ножками назад. Усаживал Павлика между ножками, как бы в кабину, а сам дудел, изображая автомобиль...

Здесь я опять сделаю небольшое отступление. Наверное, именно тогда я остро и на всю жизнь понял, как важно любить труд, испытывать чувство гордости за дело рук своих, за пользу, которую приносишь своей работой. То, о чем я говорю, не похвальба. Любовь к созидательному труду долж-

на быть свойственна любому нормальному homo sapiens. Конечно, во все времена были и будут иные личности – лентяи, а то и откровенные тунеядцы, когда больше, когда меньше.

Все мы, советские мальчишки и девчонки, воспитывались вместе со всем нашим народом в безусловном и искреннем уважении к труду. Девиз «труд есть дело чести, доблести и геройства» не был для нас пустым звуком. СССР жил в обстановке трудового энтузиазма, порожденного успехами социалистического строительства первых пятилеток.

Труд славился в песнях и кинофильмах, ударников и героев труда награждали. Это не было пропагандой. Потребность в труде – и физическом и интеллектуальном – была естественным состоянием подавляющей части советских людей. Что уж говорить о военном времени! А тунеядцев клеймили позором, а потом и вовсе стали наказывать по статье уголовного кодекса.

Вспоминая сейчас о трудовом энтузиазме в советские годы, невольно сравниваешь отношение к труду тогда и в настоящее время. И сравнение это – далеко не в пользу нынешней поры. К сожалению, о советском периоде истории России сейчас вспоминают больше в отрицательном контексте. Да, что было, то было. Но забывать наши успехи – глубокая ошибка. А они были бы невозможны без труда всего народа. И войну мы бы не выиграли. Нынешнее школьное воспитание, средства массовой информации, общество в целом будто бы забыли о том, что производительный труд есть начало

всех начал. Валовый национальный продукт создается не из воздуха банковскими операциями, не в кабинетах чиновников и псевдоэффективных менеджеров.

Конечно, производительность труда обеспечивается широким внедрением новых технологий, современных машин и роботов, при снижении доли ручного физического труда. Но само уважение к понятию «труд» должно быть по-прежнему очень высоким.

У меня все же есть надежда, что в нашем обществе «дикого капитализма» мы к этому должны непременно вернуться. Без этого России трудно будет занять достойное место среди ведущих держав мира.

Я позволил себе это отступление потому, что с самых юных лет уважал и ценил труд. И всю жизнь строил на добросовестном отношении к своим трудовым обязанностям, будь это институт, работа в градостроительстве или дома, в семье. Вероятно, поэтому одним из главных критериев оценки встречавшихся мне по жизни людей считаю их отношение к труду. Но я отвлекся.

Шла война, и это накладывало свой отпечаток на быт всех москвичей. Чаше все же дров на отопление не хватало, и в наших комнатках было довольно холодно. Как-то я простудился и лежал с температурой на своем топчане в комнате родителей. В те годы нынешние кровати-раскладушки еще не изобрели, и на ночь я раскладывал собственноручно ско-

лоченный отцом топчан.

Болезнь было скучно, и чтобы развлечь меня, бабушка приносила большой в кожаном переплете альбом с открытками. Я уже упоминал, что они с сестрой, будучи молодыми, путешествовали по Европе. Было невероятно интересно разглядывать виды разных городов – Вены, Парижа, не помню еще каких европейских столиц. Открытки были глянцевые, красочные, с подписями на незнакомых языках. Однако на мои расспросы бабушка отмалчивалась. Тогда такая информация была бы совершенно излишней. Она могла бы навести беду на нашу семью. И кто мог тогда представить, что по прошествии полувека ее внук будет разгуливать по этим городам! Школьником вместе с семьей почти три года провел в Берлине. Взрослым, работая в проектных институтах градостроительного профиля, я еще в советские годы несколько раз бывал в командировках в европейских столицах – Париже, Женеве, Софии. Довелось побывать и за океаном. Вместе с делегацией я участвовал в конференции в Вашингтоне, посетил Сан-Франциско и несколько других городов Соединенных Штатов. А уж о путешествиях наших со Светланой по миру и говорить нечего!

После выздоровления я попросил у родителей разрешения записаться в бассейн. Еще свежи были картины покорения реки Урал, и хотелось научиться плавать более уверенно. Папа помог найти группу в бассейне автозавода имени Сталина. «Но ездить будешь сам», – сказал он. Зима выда-

лась морозной. Занятия начинались очень рано, по «первой воде», как говорил наш тренер. Бабушка будила меня часов в шесть утра. Вставать ужасно не хотелось, но раз вызвался, надо было держать слово. Собрав в чемоданчик вещички, полусонный, я плелся по темному переулку до трамвая, чтобы потом на метро добираться до «Автозаводской». Вот уж взаправду: «охота пуще неволи».

В бассейне нас встречало гладкое зеркало спокойной после ночи воды, которое мы быстро баламутили своими упражнениями. Здесь я освоил первые приемы стиля брасс. И так и остался верен брассу на всю жизнь. Чтобы закончить с темой обучения плаванию, скажу, что летом наша группа занималась тренировками на Москве-реке возле нынешнего Театра эстрады. Женщина-тренер, внимательно всмотревшись в мой «брасс», безапелляционно вынесла приговор: «Тебе заниматься спортивным плаванием бесполезно, ты «бочишь». Когда я спросил, что значит «бочить», она пояснила: «Ноги работают не симметрично». Меня отчислили. Было обидно. И все же какие-то навыки спортивного плавания у меня сохранились. Все последующие годы я успешно «бочил» на реках, озерах и морях, но уже как любитель.

А вот разница в работе ног подвела меня еще раз, уже на занятиях по спортивной гимнастике. Это случилось на втором курсе института. Нормативы третьего разряда я выполнил, а при разучивании сальто меня стало «закручивать». От

несимметричности работы ног. Путь в большую гимнастику для меня был закрыт. К соревнованиям на второй разряд меня не допустили.

Подошла к концу длинная и холодная зима 43-го года. Вместе со взрослыми мы слушали по радио новости с фронтов. Назывались они тогда «Сводки Совинформбюро».

Знаменитый голос диктора Левитана сообщал об успехах наших войск. Левитан так бесил, как говорили, Гитлера, что тот объявил его своим личным врагом. Совсем недавно были рассекречены документы о поимке в нашем тылу группы диверсантов, в задачу которых входила кража Юрия Борисовича! Фюрер не много ни мало размечтался. Поймать и доставить в Германию Левитана, чтобы тот вел репортаж о параде вермахта на Красной площади. Во давал Гитлер!

Как здорово было слушать об окружении и разгроме фашистов под Сталинградом, о наступлении наших войск на Юго-Западном фронте, как больно было думать о голодающих в блокаде ленинградцах, ведь у моей бабушки оставалась там родная сестра со своей дочерью. В июле 43-го мы с ребятами орали, приветствуя первый в войну салют!

Четвертый класс был окончен с отличными и хорошими отметками. Папа обещал достать для меня путевку в пионерский лагерь. А пока надо было искать себе какое-нибудь занятие. В нашем классе у нескольких ребят появилось новое увлечение – радиолобительство. Они позвали меня в свой кружок.

Мои близкие и друзья хорошо знают одну из ярких черт моей натуры, проявившуюся еще в детские годы – любознательность. Черта полезная для всех хотя бы потому, что наукой доказано: любознательные люди живут дольше! Как важно, оказывается, сохранять в себе детскую непосредственность, интерес к жизни, путешествовать, стремиться узнавать новое и полезное. В тот момент этим новым мне казалось радиодело.

Я отправился в Москворецкий Дом пионеров на улицу Большую Полянку – ныне это дом № 43. Если вам доведется проезжать по Полянке, вы обязательно обратите внимание на это необычное здание. Выглядит оно, как старинный готический замок. Мальчишкой я, конечно, не знал его истории. Но она необычна.

В конце XIX в. участок земли на Большой Полянке покупает купец Новиков, по одним данным совладелец бумажной и прядильной фабрик в Москве, по другим сибирский золотопромышленник. Здесь по его заказу и проекту архитектора С. М. Гончарова был возведен двухэтажный особняк в стиле поздней готики. Достаточно простыми, но выразительными деталями архитектору удалось добиться оригинального пластичного решения фасада. В народе дом вскоре окрестили «готическим замком».

Интересен прежде всего автор проекта, Сергей Михайлович Гончаров – потомок дворян Гончаровых, родственник жены А. С. Пушкина Натальи Гончаровой и отец известной

художницы Н. С.Гончаровой. Он был автором ряда других жилых домов в Москве, и тоже в мотивах готики. Но мрачную «славу» дом на Полянке приобрел не из-за своей архитектуры. В народе ходили слухи о трагической судьбе дочери купца Новикова. Якобы, сбежавшую с певцом-итальянцем дочь, отец разыскал и, силой вернув домой, заточил в одной из башенок особняка, в которой несчастная и умерла. Некоторые из передававшихся из уст в уста страшных «подробностей» вдохновили писателя В. В.Вересаева на рассказ «Проклятый дом».

«Слышь-ка», перешептывались замоскворецкие кумушки, лузгая непременно семечки, «А ведь тень-то бедняжки, при́йзрак, то есть, говорят по ночам все бродить, да бродить по дому-то...».

Довелось мне натолкнуться и на другую версию мрачной истории дома. Скупердьяй-заказчик проекта так составил контракт с архитектором, что срыв сроков строительства грозил тому огромными неустойками. Купец как мог придирался к стройке, тормозя работы. Прописанный в контракте срок был сорван. Несчастный архитектор, опасаясь банкротства и позора, покончил с собой...

Промчались лихие годы революции, гражданской войны, НЭПа. Дом Новикова был национализирован и передан детям. За долгие годы он сменил немало названий. Совсем недавно здание Дома Пионеров было передано нашему зна-

менитому музыканту – теперь это «Башмет Центр».

Все это я узнал, уже будучи взрослым. А тогда стал ходить на занятия в кружок радиодела. Заманчиво звучали незнакомые слова: «гетеродин», УКВ. Гремела слава радиста станции «Северный полюс-1» Эрнста Кренкеля. Радиолобительством тогда увлекались многие. Однако скажу честно: очень быстро понял, что это – не мое. Что называется, «не зацепило». Но до отъезда в лагерь я продолжал ходить на занятия.

Это позволило мне довольно подробно познакомиться с интерьерами готического особняка. Иногда занятия кружка проходили на втором этаже, куда вела прямо от входа довольно крутая лестница с красивыми резными деревянными перилами.

Внутри дома было тоже много элементов в готическом стиле: стрельчатые арки дверных проемов, панели стен, сами двери с обилием резьбы. Потолки в комнатах и залах были высоченными, с обилием лепных украшений. Однажды наш преподаватель привел нас в круглую комнату в помещении башенки. Но кто ж из нас знал тогда ее ужасную, согласно легенде, историю! Не то наши ребячьи глаза здорово бы округлились!

Однако, раз уж с радиолобительством дружба не сложилась, нужно было искать какие-то другие способы интересно проводить каникулы. Тут я вспомнил о Геге.

Однажды, еще зимой, он поинтересовался, нет ли у меня плана Москвы. Я рассказал, что у нас дома есть такой

план. Старый, потертый, аккуратно склеенный папой на стигах, с рекламами нэпманских магазинов на полях. Это было мое первое знакомство с топографией. Внимательно изучив план, мы с Гегой решили, что сначала неплохо было бы погулять по ближайшим к нам переулкам Замоскворечья, присмотреться к интересным зданиям. Выбирая погожие дни, ходили по Большой Якиманке, Пятницкой, по переулкам возле Третьяковской галереи. Осмелев, наметили первый дальний маршрут. Решили дойти по Садовому кольцу до Арбата и побродить там. Сказано – сделано. Родители нас отпустили – в Москве тогда было совершенно спокойно.

Прогулка заняла часа четыре. Бродили по арбатским переулкам, рассматривали старинные здания, ограды. Вернулись довольные, хотя и сильно усталые. После первого путешествия мы еще несколько раз бродили по этой части старой Москвы.

Но, как говорится, «аппетит приходит во время еды». «Вовка!» – сказал как-то Гега на правах старшего, – «а не осилить ли нам круг по Садовому кольцу?». Хорошо, что тогда мы не знали, что этот «круг» равен 16,2 километра! «Давай», – согласился я.

Хотите верьте, хотите нет, но мы-таки отшагали все Садовое кольцо! Не помню, сколько на это нам потребовалось времени, но мы героически доплелись до нашего переулка, стартовав в сторону Крымского моста и окончив на Серпуховской площади!

На всю жизнь я усвоил: нет лучшего способа поддерживать здоровье и находиться в отличной физической форме, нежели пешая ходьба! Так что совет проходить ежедневно 10 тысяч шагов – очень полезен!

Увы, но вскоре Гега как-то внезапно перестал приходить на встречи со мной, и исчез навсегда. Возможно, родители его уехали из Москвы. Жаль, могли бы хорошо подружиться... Но, прежде чем закончить с этой темой, мне хочется рассказать одну историю, случившуюся во время наших прогулок.

Там, где выход из тоннеля под Октябрьской площадью идет в сторону Крымского моста, с левой стороны Садового кольца стоит темно-бордовое конструктивистской архитектуры здание. В описываемое мной время это был Институт цветных металлов и золота им. Калинина (в 1958 году он переведен в Красноярск), Кто-то посоветовал нам с Гегой по дороге в парк Горького пройти мимо мусорной площадки этого института, дескать иногда там на свалке можно отыскать что-нибудь интересное, по нашим мальчишеским понятиям. Пробравшись на эту площадку, увидели груду каких-то сломанных стульев, кучу выброшенных тетрадей и прочий хлам. Отдельно громоздились вытряхнутые из форм учебные отливки металлов, среди которых мое внимание привлекла дощечка серого цвета с выпуклым изображением чьего-то портрета. Взяв ее в руки и протерев найден-

ным здесь же куском тряпки, с удивлением и неким волнением обнаружил, что это барельеф Сталина! Мне, пионеру, воспитанному советской школой, факт, что кто-то выбросил портрет вождя на помойку, показался по меньшей мере кощунством!

Не удивляйтесь, мои дорогие читатели. Коммунистическая партия дотошно следила за воспитанием и образованием подрастающего поколения. Октябрята – «внучата Ильича», пионеры – наследники Павлика Морозова, комсомольцы – Павла Корчагина, героя книги «Как закалялась сталь». Мы росли в этой идеологической атмосфере, с младых лет проникаясь славой великого Сталина. Поэтому нет ничего исключительного и в моем поступке. Как и в том, что летом 1951 года, шагая в колонне студентов МИСИ по брусчатке Красной площади во время первомайского парада, и крепко сжимая древко красного флага, я вместе со всеми орал во всю мощь легких: «Товарищу Сталину ура-аа!». Наша колонна была далеко от мавзолея, фигура вождя была нам еле видна, и никто нами не командовал, но советское наше воспитание проявилось во всю силу!

Первомайская демонстрация 1951 года. Рядом – партторг курса.

Недавно кто-то из молодежи спросил: «А как вы жили в Советском Союзе?» Говорить на эту тему можно много. Но жили мы так, как живут люди любой страны мира в свое историческое время. Встраиваясь в общество. Выбирая линию своего поведения и обучая этому своих детей. А сравнивать, лучше или хуже в идеологическом смысле, чем сегодня, не буду. О вкусах не спорят. У кого-то герой Тимур со своей командой, а у кого-то Гарри Потер и человек-паук. Мы кляли на чем свет стоит «загнивающий» капитализм, а сейчас спокойно загниваем в объятьях западной рыночной экономики, забывая о своей истории и тщетно пытаемся отыскать свою

нынешнюю национальную идею.

Но что же по поводу барельефа? На самом деле, если бы этот предмет нашел не я, а какой-нибудь бдительный гражданин, подключилось бы НКВД. Нашли бы, кто выбросил барельеф в мусор, и загремел бы бедолага в лагеря... Время было такое, что мог и под расстрел угодить!

А я осторожно завернул дощечку – это был алюминий – в тряпочку и принес домой. Долго, до блеска, оттирал наждачной бумагой Иосифа Виссарионовича и поля дощечки, и пристроил ее на стене над столиком, за которым делал уроки. Хорошо, что дома никто особенно не интересовался, откуда у меня появилась эта дощечка.

Как-то мама подозвала меня и сказала, что они с папой решили перевести меня в школу поближе к дому. Тем более, что речь шла о школе № 7, считавшейся лучшей в нашей округе. Здание школы было построено в Казанском переулке еще в 1910 году для трехклассного городского училища.

Во время Первой мировой войны здесь размещался госпиталь. После революции в здании открылась фабрично-заводская семилетка, которая в 1932 году стала уже школой – десятилеткой. Она быстро выделилась из числа московских, как образцовая. Вскоре ей присваивается имя Карла Маркса. Так получилось, что учился я здесь дважды: с пятого по седьмой, а затем в десятом, который и закончил в 1949 году. Судьба старого здания моей школы решилась в 1979 году.

Оно было снесено, чтобы освободить площадку для строительства нового корпуса французского посольства, занимающего до сего времени интереснейший по архитектуре и окружавшим его преданиям особняк купца Игумнова на Большой Якиманке. Что же касается самой школы № 7, как образовательного учреждения, она в 1958 году была переведена в новое здание на улице Крупской, где благополучно функционирует и поныне.

Подошло время отправлять одиннадцатилетнего Вовку в пионерский лагерь. Собрав нехитрый чемоданчик, мама отвезла меня к месту посадки в автобусы.

Дорога оказалась недлинной. Сейчас, когда я проезжаю по скоростной магистрали, в которую превратилось довоенное Варшавское шоссе, я с улыбкой вспоминаю ту поездку в лагерь. По обе стороны узкой дороги стояли невзрачные домишки подмосковных деревень. Теперь на их месте красавицы жилые дома и торговые центры Чертаново. Как же стремительно преобразилась Москва!

Лагерь оказался небольшим, неподалеку протекала речушка, вдали зеленел лесок. Я не буду подробно описывать нашу пионерскую жизнь. Вы наверняка смотрели замечательную кинокомедию «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен». А если не видели, сделайте это обязательно! Очень смешная лента. Много то, что было в этом «кинолагере», было и в моем. Утреннее построение на линейке, большие спальни для ребят, коллективные окунания

в крохотную речушку, проказы и выговоры от вожатых. Шла война, оттого кормили нас скудно. Но все равно жизнь в лагере мне очень нравилась.

Нелепая беда случилась ближе к концу смены. Воды в нашей речке было, что называется, по колено, и как произошло несчастье, никто не понял. Хватились мальчишки из моего отряда, когда все уже вылезли после купания на берег и обсыхали. «А где Коля??», испуганно закричал вожатый. Колино тело нашли быстро, но было уже поздно. Эта была первая смерть, которую я видел на своем веку. Нас всех быстро увели на территорию, а на следующий день объявили, что лагерь закрывают и всех отправляют по домам.

Остаток лета я много читал, играл со своими друзьями во дворе. Незаметно кончился август. Итак, с сентября я – ученик 5 «А» замечательной школы № 7. С этого года было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Наша школа – мужская.

Новые учителя, новые товарищи. Новые предметы. Военные годы – в школе холодно, и мы, и учителя мерзнем и потихоньку голодаем. Но учиться интересно, коллектив педагогов у нас в школе очень сильный, требования высокие. Постепенно втянулся, занимался с удовольствием.

Прошу моих педагогов простить мою забывчивость, но из многих замечательных учителей по русскому языку, истории, физике и другим предметам хорошо запомнил только колоритного преподавателя ботаники – Николая Никола-

евича Лебедева.

На манер героев «Педагогической поэмы» Макаренко мы звали его НикНикЛеб. И хотя ботаника, а впоследствии и зоология, никогда не входили для нас, мальчишек, в число главных предметов, на уроках НикНикЛеба мы сидели, за-таив дыхание.

Нежно держа грубыми обмороженными руками ка-кую-нибудь тычинку или козьявку, он до того увлекательно и почти художественно о них рассказывал, что в классе стояла мертвая тишина. Иногда уроки он заменял занимательными историями и даже сказками, и все сидели, раскрыв рты. Его предмет мы знали на отлично.

А вот многих своих товарищей по классу помню поименно. Игорь Александров, Эрик Пырьев (мы не сразу узнали, что он сын директора Мосфильма, знаменитого кинорежиссера), Неон Арманд – то ли родственник, то ли однофамилец Инессы Арманд, на улице имени которой мы сейчас живем, и, конечно, ставший моим другом Сашка Верешкин.

Хорошие, добрые, ответственно относившиеся к учебе ребята. Это был очень сильный и дружный. класс. Почти у всех кто-то был на фронте. Обсуждали ход боев, переживали за наших, говорили о фильмах «Воздушный извозчик», «Два бойца» и других.

На переменах во дворе, когда было сухо, играли в «отмерялы». На земле чертилась линия.

По очереди все прыгали с места, кто дальше. Проигравший «водил», то есть становился, согнувшись вперед и уперев руки в колени, на расстоянии от черты, равном самому длинному прыжку с места. Остальные по очереди, разбежавшись, старались перепрыгнуть через «водящего», опираясь при прыжке руками в его спину. Самый дальний прыжок «отмерялся» и тот, кто водил, переходил к новой черте. Тут уже разрешалось до прыжка с упором на спину «водящего» сделать один дополнительный прыжок от начальной черты, что-то вроде нынешнего тройного прыжка. Тот, кто при неудачном прыжке сбивал с ног «водящего», становился на его место, и игра продолжалась. Отличное упражнение!

Были у нас забавы и не такие невинные, время-то было военное. Учился в нашем классе Андрюша Арапов. Жил он во дворе дома по Житной улице, через забор от НИКФИ – Научно-исследовательского кинофотоинститута, созданного на базе первого в России кинопроизводства купца Ханжонкова. Ребята с Андрюшиного двора таскали со свалки киноинститута мотки выброшенной пленки. Что мы делали? Доставали гильзы от крупнокалиберного пулемета, прикручивали их к деревянным ручкам. Плотно свернутый жгут кинопленки вставляли в пустой винтовочный патрон. Тут нужно было очень быстро поджечь спичкой пленку и, засунув маленькую гильзу в большую, крепко забить о стену или камень. Целлулоид пленки горел без доступа воздуха, образуя газы. Самодельный «пистолет» надо было держать от глаз подальше

на вытянутой руке. Через несколько секунд газы выталкивали маленькую гильзу из большой, раздавался «выстрел». Как мы не покалечили себя, непонятно! Повезло!

Учиться в пятом классе было гораздо интереснее. Новые предметы, разные, но одинаково сильные педагоги и, конечно, знакомство с товарищами. Школа-то была мужская, и на девчонок мы не отвлекались!

Незаметно стали складываться все более дружеские отношения с Сашей Верешкиным. Сидели мы на разных партах, общались на переменах, но взаимный интерес постепенно все рос и рос. Однажды Саша пригласил меня к себе домой. Жил он недалеко от церкви «Иоанна воина на Якиманке», ближе к нынешнему парку «Музеон», в старом двухэтажном домишке. Проходными дворами позади кинотеатра «Авангард» мы прошли от Казанского переулка к Якиманке. Сейчас здесь вестибюль метро «Октябрьская» – радиальная, а тогда стоял высокий «доходный» дом, через арку которого можно было выйти на улицу и быстро перебежать на другую сторону.

Такими же проходными дворами спустились вниз, в сторону Москвы-реки. На кирпичном первом этаже дома стоял второй, деревянный. По скрипучей лестнице, сильно вонявшей кошками, поднялись к дверям Сашиной коммунальной квартиры, где его семья занимала две небольших комнаты. Мы жили небогато, но у них обстановка была совсем скромная.

Я рассказываю об этом так подробно потому, что бедность жилища Сашиной семьи никак не соответствовала радушию и теплоте его родителей и сестры, встретивших меня удивительно гостеприимно. Оглядываясь теперь в то далекое уже время, думаю, что это сыграло очень большую роль в моей дружбе с Сашей.

В те годы обстановка в нашей семье была довольно сухой, что ли. Мама не очень ладила с бабушкой, много времени возилась с маленьким братом, забывая обо мне, а отец много времени пропадал на работе. Общения со сверстниками мне не хватало. Вероятно, поэтому меня так тянуло в Сашин дом, где жили добрые и простые люди. Сашин отец, Петр Иванович, был инвалидом, в армию не призывался, но работал где-то на заводе. Мама (увы, имя – отчество забыл) вела нехитрое, и по-военному бедное хозяйство. Сашина старшая сестра Таня, немного полная девушка лет шестнадцати, сразу же расположила меня к себе открытой улыбкой.

По их приглашению я стал частым гостем в Сашином доме. Время было суровое, угощали морковным чаем без сахара и черным хлебом, намазанным тонким слоем постного масла. Но каким же вкусным казалось тогда это нехитрое угощение!

Мы вместе делали уроки, увлекались чтением. Проверая друг друга, наизусть цитировали обожаемых нами Ильфа и Петрова – «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца». Но

вскоре все наше свободное время покорил каток в ЦПКиО – так официально назывался парк Горького.

До войны мама и папа часто брали меня на прогулки в этот парк. На набережной Москвы-реки стояла вышка для тренировок прыжков с парашютом. Папа оставлял нас с мамой внизу, а сам поднимался на верхнюю площадку. Там на него одевали ремни, и мы с восторгом смотрели, как он спускается вниз под белым куполом парашюта. Папе-то было всего 25 лет!

А зимой там, в парке, родители учили меня ходить на лыжах. Прокат лыж и раздевалки помещались в здании на набережной, сохранившемся до сих пор. Лыжня шла вдоль берега Москвы-реки в сторону Нескучного сада. Пятилетний Вовчик неплохо справлялся с дорогой туда и обратно.

Став постарше, я уже более уверенно чувствовал себя на лыжах. Крепления были в виде ременной петли, куда надо было просунуть валенки – о детских ботинках тогда и понятия не имели. Но это не мешало уверенно ходить и на более длинные дистанции. Хорошо запомнил лыжный поход с папой на Воробьевы горы. Это было зимой 1940 года. Лыжня проходила примерно в том месте, где сейчас высятся корпуса университета. Поодаль курились дымками домишки небольшой деревушки. День был морозный, но мы отлично покатались!

А вот на катки парка Горького родители ходили одни – рановато мне было. Зато теперь меня позвали с собой ребята

нашего класса и, конечно, Саша. Он-то вообще жил, что называется, через дорогу от катка!. Но сначала мне пришлось решить два вопроса: где достать коньки (проката в те годы не было), и как научиться на них бегать. Папа сказал: «Бери мои». Ничего себе! Папины беговые «норвеги», или «ножи» (мы их так тогда называли) были приклепаны к ботинкам 41 размера. Мой восторг от предвкушения обладать шикарными «норвегами» сильно поубавился, когда я просунул свои ступни размера 35 в папины ботинки. «А ты попробуй напихать в ботинки газетную бумагу, и придумай, чем прикрутить ботинки к ногам», сказал отец. Я так и сделал. И что вы думаете – получилось! Конечно, выглядел я смешно. В свои 12 лет я был мелковат, и вид пацана на большущих беговых коньках вызывал если не хохот, то уж улыбку у окружающих точно. К тому же ботинки я прикручивал к ногам какими-то ремешками, а иногда для прочности и веревками, что добавляло комизма моему появлению на льду.

Да и кататься надо еще было научиться. Но с этим я справился на удивление быстро. Через пару недель, подбадриваемый Сашкой и ребятами, не только уверенно стоял, но и неплохо бегал. А скоро вообще освоил свои «ножи» и стал пижонить. Заложив руки за спину словно настоящие спринтеры, мы с моими друзьями «паровозиком» мчались по аллеям парка, ловя восхищенные взгляды девчонок. А на больших площадках нарезали круги, лихо переставляя ногу в по-

воротах. Красота! Далекие школьные годы! Увы. Так вышло, что я уже никогда больше за всю долгую жизнь не вставал на коньки. Порой только мне снится сон: поворот за поворотом я мчусь по льду...

В те годы мы все очень много читали. Обменивались книгами, которые приносили из дома, ходили в библиотеки. Романы Джека Лондона, Диккенса и, конечно, обожаемого Дюма были нашим настольным чтением. Естественно, и русские классики, и не только по школьной программе. Появился интерес и к фантастике, тогда еще нашей – А.Толстой, Беляев. Но хотелось чего-то большего. С разрешения мамы я поехал записываться в общий читальный зал Ленинской библиотеки. Зал помещался в боковом флигеле знаменитого Дома Пашкова, что на холме напротив Боровицких ворот Кремля, а теперь и памятника Князю Владимиру. Ходил туда трамвай № 11 – по Большой Полянке, Большому Каменному мосту и дальше к Охотному ряду. Вход в читальный зал был с улицы Фрунзе (теперь ей возвращено историческое имя – Знаменка). Записали меня по ученическому билету, такие у школьников были в ту пору, и вот я, волнуясь, вхожу в огромный зал. Не помню, что я тогда взял почитать, но с того времени стал регулярно ездить в Дом Пашкова.

Этот шедевр классической архитектуры известен каждому. Построенный для разбогатевшего денщика Петра 1 предположительно архитектором Баженовым, он с 1862 года стал местом хранения библиотеки и коллекций Румянцевского

музея (по имени графа Н. П. Румянцева, их собравшего). Государственный канцлер, граф Румянцев был известным политиком, библиофилом и ценителем древностей. Он завещал все собранное «на пользу Отечеству и благое просвещение». Эти слова выбиты над входом в тот самый общий читальный зал Государственной библиотеки России, к которой с 20-х г.г. прошлого века относится Дом Пашкова. В годы войны в нем работали и профессора, и студенты и даже такие же мальчишки, как и я. В огромном, площадью более 450 квадратных метров зале с высоченными потолками, было уютно. За длинными столами с зелеными лампами сидели посетители. Вокруг стояла какая-то торжественная тишина. Меня это просто завораживало... Ездил я в читальный зал и в начале лета. Не всегда мои поездки на трамвае оканчивались удачно. Вагоны, как правило, набивались народом, что называется, «под завязку». Мы, мальчишки, а частенько и взрослые, цеплялись за наружные поручни вагона и гроздьями висели на подножках. Однажды ко мне привязались двое пацанов: «Ну-ка, подвинься!». Ответ мой им не понравился. «Эй, ты, щас получишь!». Трамвай затормозил на остановке у 1-го Спасоналивковского переулка. Соскочив, я пулей помчался в сторону своего дома, эти двое за мной, с явным желанием побить. Бежал я мимо углового дома, который ныне превращен в суперэлитное жильё под названием «Полянка 44». Стало ясно, что догоняют. Выручило то, что я свернул во двор, где жил мой одноклассник и забежал в его подъезд.

Мои преследователи потеряли меня из виду и повернули назад. Драки удалось избежать.

В середине лета 1944 года в нашей семье случилось радостное событие. Вернувшись с работы, папа сияя сообщил: «Меня включили в наградной список по мясокомбинату имени Микояна!». Мы знали, что дела у него на работе идут хорошо, план выполняется, начальство довольно, но орден! В советское время получение правительственной награды значило очень много, не то, что ныне. Прошло около месяца. Отца пригласили в Кремль.

Вместе с другими работниками комбината он получил орден Трудового Красного Знамени. Вернувшись домой, подробно и интересно рассказывал, как все это происходило, а мы с мамой, осторожно держа в руках орден, внимательно его разглядывали. Конечно, в классе я рассказал приятелям о своем папе – орденоносце!

Жизнь шла своим чередом. Промелькнуло лето, как-то незаметно подошла зима моего шестого класса. Учиться было по-прежнему интересно, отметки у меня по всем предметам были хорошие, с этим проблем не было. Наступил 1945 год – год Победы.

К этому времени советские войска провели ряд крупных наступательных операций – на территории Западной Украины, Молдавии, Прибалтики. 12 января началась, а 3 февраля завершилась Висло-Одерская операция. Война шла уже

за пределами СССР. Настроение у всех было приподнятым. Даже нам, школьникам, заниматься стало как-то веселей. И вот настал великий день 9 мая.

После объявления по радио о подписании немцами капитуляции в Москве начались стихийные митинги и народные торжества. А когда на город опустился теплый вечер, в небо над столицей поднялись десятки аэростатов. На этот раз они не охраняли Москву от налетов, а несли огромные флаги с портретом Сталина.

Вместе с ребятами я оказался на той площади ЦПКиО, где зимой мы бегали на коньках. Прямо над нами плыл по ночному небу огромный аэростат. Портрет вождя ярко освещали мощные прожектора. Грянули пушки победного салюта. Гроздь алых ракет висели над зданием Министерства Обороны на Фрунзенской набережной. Трудно забыть эту необыкновенную минуту. Люди обнимались, до хрипоты кричали «Ура!», «Победа!», плакали... Война закончилась.

Конечно, мне, мальчишке сложно было ощутить все значение этого момента, этого дня, который советский народ ждал так долго. Только теперь, по прошествии многих лет, значение праздника Победы высветилось для меня во всю свою пронзительную силу.

Сейчас День Победы 9 мая – главный праздник российского народа. Нет более торжественного, щемящего, переполняющего сердце гордостью за свою страну и ее народ праздника, чем День Победы. Как поется в потрясающей

песне-гимне композитора Тухманова и поэта Харитоновой – «Это праздник со слезами на глазах». А ведь учрежденный еще 8 мая 1945 года, он на долгие 17 лет был забыт и официально, как выходной день не отмечался. Сейчас уже не важно, что было причиной. Главное, что возвращенный нам Брежневым в 1965 году праздник стал символом, я не боюсь этих слов, Общности и Силы Духа советского, а ныне российского народа. А его «минута молчания» возвращает всех к светлым мыслям о погибших в годы войны...

Нельзя не отдать должное и замечательному нашему певцу Льву Валерьяновичу Лещенко. Именно благодаря его решимости песня-гимн «День Победы» обрела жизнь на сцене и теперь уже невозможно отделить ее от наших сердец. Народ принимает ее как второй гимн России, и как правило, все встают при ее исполнении.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление от рассказа о своем детстве.

В последние годы в прессе часто можно встретить рассуждения на тему поиска т. наз. «национальной идеи» нашего народа и государства. Одновременно некоторые, с позволения сказать, журналисты и историки публикуют рассуждения о необходимости «переучредить» День Победы, сетуют на якобы «формальный» характер проведения этого праздника. Я не случайно объединил здесь эти две темы. Начавшись стихийно в Томске в 2011 году, истинно народное движение под именем «Бессмертный полк» за несколько лет

мощно шагнуло по России. В День 9 мая миллионные колонны людей всех возрастов выходят на шествие с портретами отцов и дедов, ветеранов, героев и рядовых Великой Отечественной войны 1941–45 г.г. Наиболее значимо в этом движении то, что не было никаких разнарядок, люди шли, и продолжают идти, движимые исключительно зовом собственных сердец.

Я не мог остаться равнодушным к этому поистине знаковому событию в жизни России. Написал стихи.

Бессмертный полк душой народа создан:
Святая память поколений об отцах,
О подвигах бойцов в дни испытаний грозных
Навечно поселились в преданных сердцах.

Портреты в строй, не различая званий, встали,
Кто – с орденами, кто – без орденов,
Но жизни все они за нас отдали,
И если надо – каждый был бы вновь отдать ее готов.

Бессмертный полк бессмертного народа!
Не только в День Победы ты поднялся в бой.
За Русь Святую, за ее свободу
Всегда ты нас зовешь, потомков, за собой.

Идут колонны по земному шару,
Миллионы фотографий защищают мир,
всех нас убережь от войн пожаров.

Бессмертный полк – наш вечный командир!

Это ли не свидетельство того, что именно празднование Победы и память о павших, именно осознание силы единения людей в защите своей отчизны и есть искомая национальная идея России? Как тут не вспомнить и Александра Невского с его «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет»? И императора Александра Второго, сказавшего: «У России есть только два союзника – ее армия и ее флот».

Теперь уже научно доказано, что в процессе эволюции человечество разделилось на две генетически несхожие ветви. За более чем 26 тысяч лет в результате случайных, а затем и повторявшихся и ставших устойчивыми мутаций, обособились две группы народов с несхожими во многом особенностями организации социальной жизни – англо-саксы и славяне.

Пусть бросят в меня камень отдельные ученые и «западники», но я глубоко убежден, что славянская идентичность русского народа делает бессмысленными и опасными попытки заимствования евроамериканских стандартов жизни. Россия, с ее многонациональным и многоконфессиональным составом населения при примате русского народа, с ее особой тысячелетней историей борьбы за сохранение государства, обречена идти своим путем. Совсем недавно об этом сказал президент Путин: «Россия-это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация». Лучше не скажешь!

Теперь это будет закреплено в нашей конституции.

И одна из примет этого пути, его национальная идея, это – осознание силы духа и оборонной мощи народа и государства, воплощенное в понятии «Победа». И потому столь священным для нас должен оставаться праздник победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г. – день 9 мая. Но вернемся к весне 45-го года.

Настроение в школе было приподнятым. Всем хотелось даже отметками как-то соответствовать окончанию войны. Наш класс хорошо сдал все экзамены. На каникулы расходились радостно возбужденными. Сейчас уже не могу вспомнить в подробностях, как провел лето. Конечно, снова побывал в пионерском лагере, на этот раз без печальных приключений.

В середине занятий первой четверти седьмого класса в жизни нашей семьи произошло событие, на многие годы разлучившее меня со школой № 7. Вернувшись вечером с работы, папа объявил, что по распоряжению руководства его отправляют на работу в Берлин, в распоряжение Советской Военной Администрации в Германии. Уезжает он сначала один, а когда обустроится, вызовет маму и нас с братом к себе. Бабушка остается в Москве.

Провожали отца мы уже через пару недель. Спустя некоторое время из Берлина пришло письмо. Папа сообщал, что приступил к работе, временно живет в небольшой комнате

и подыскивает квартиру для всех нас. Мама занялась подготовкой к отъезду, а мне в голову пришла мысль: «Как же я поеду в чужую, да еще совсем недавно вражескую страну не комсомольцем?». Не смейтесь. Мы тогда все были такими «советскими», я говорю это безо всякой иронии! Поступление из пионеров в комсомольцы было для нас серьезным и торжественным актом. Но принимали в комсомол только с 14 лет, которые наступали для меня с марта следующего, 1946 года.

В школе у нас была своя комсомольская организация. Секретарь комитета ВЛКСМ школы меня поддержал и посоветовал обратиться в Райком комсомола. Помещался он на Донской улице. Бывая сейчас в тех краях, неизменно вспоминаю, как пришел в Райком.

Меня внимательно выслушали, расспросили, как учусь, какие общественные поручения выполняю и сказали: «В виде исключения, понимая твоё желание и твой отъезд в Германию, оформим твоё вступление в ряды комсомола. Где ты будешь учиться?» Я пояснил: «Папа написал в письме, что в Берлине уже работает советская школа, где мне и предстоит продолжить занятия в 7-м классе». Через несколько дней в Райкоме ВЛКСМ мне торжественно вручили новенький комсомольский билет...

Мое сообщение об отъезде в Берлин одноклассники приняли неоднозначно. Кое-кто даже не скрывал зависти, другие наоборот – поздравляли. «Ну, ты даешь! Надо же, Бер-

лин!». «Не забудь там пистолет немецкий найти!» Мальчишки...

Почему-то странно отреагировал друг мой Саша. Надо сказать, что к этому времени бывшие наши очень теплые отношения заметно остыли. Одной из причин была дружба Саши с мальчиком, жившим с ним в одном дворе, другой – отставание Саши по многим предметам. Я учился заметно лучше, его это, видимо, очень расстраивало, а от моей помощи он стал отказываться. «Саш!», обратился я к другу, «А я скоро уеду в Берлин, там буду учиться!». Он отвернулся, что-то буркнул, надулся и больше со мной не разговаривал. Пусть это прозвучит излишне патетично, но тогда я воспринял его поступок, как измену!

Многое в нашей взрослой жизни мы получаем от детских впечатлений. Обидно мне стало от такой реакции моего, теперь, как я понял, уже бывшего друга. Осталось это чувство очень надолго. Приятели у меня были, а вот настоящей мужской дружбы так за всю жизнь и не случилось...

Вскоре после Нового года папа прислал письмо, в котором сообщил о получении квартиры, «Собирайтесь!» писал отец. «Скоро в Москве будет наш сотрудник, он поможет вам взять билеты на поезд, а я встречу вас здесь». Так и вышло. Через пару недель, попрощавшись с бабушкой, мы сели в поезд Москва – Берлин.

Глава шестая. Берлин (февраль 1946 – июль 1948)

Прошу прощения у моих читателей за то, что описание двух с половиной лет моей жизни в Германии будет фрагментарным и лишенным серьезного анализа особой обстановки того периода – почти сразу после окончания войны...

Во-первых, надо сделать скидку на возраст. Я приехал в Берлин 13-летним подростком, школьником 7-го класса. И хотя уезжал уже шестнадцатилетним юношей, все-таки воспринимал увиденное без попытки его оценки, присущей уму взрослого человека. Во-вторых, между моим рассказом и описываемыми событиями прошло более семидесяти лет, срок немалый. Тем не менее, постараюсь все вспомнить и описать как можно точнее.

Возможно, некоторые моменты в моем рассказе покажутся вам выдумкой. Но нет, все о чем я пишу, чистая правда.

Итак, мама, четырехлетний Павлик и я на перроне берлинского вокзала. Навстречу бежит радостный папа: «Ура!». Мы не виделись полгода, объятия, поцелуи, мама счастлива, я тоже!

У отца уже прикрепленный служебный автомобиль BMW с шофером. Водитель Петр помогает погрузить вещи, и мы едем к нашему новому месту жительства, в берлинский рай-

он Карлсхорст.

Согласно исторической справке, пригород Берлина Карлсхорст начал застраиваться в 1885 году. Он был задуман как элитный коттеджный поселок с небольшими хорошо озелененными участками. В 1919–21 г.г. район стал частью концепции «город-сад», внедрявшейся тогда немецкими архитекторами – урбанистами. Постепенно кроме престижных вилл в Карлсхорсте стали появляться более скромные трех-четырёхэтажные дома для берлинцев среднего класса.

В тридцатые годы прошлого века здесь разместился комплекс зданий саперного училища вермахта. Одним из них был офицерский клуб, ныне вошедший в историю, как место подписания капитуляции гитлеровской Германии. В апреле 1945 года в нем находился штаб генерал-полковника Берзарина, впоследствии первого военного коменданта Берлина.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года (0.43 по московскому времени, отчего мы празднуем День Победы 9-го мая, а европейцы – 8-го) представители высшего командования вермахта подписали Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил, означавший конец Великой Отечественной войны и второй мировой войны в Европе. От имени советского командования капитуляцию принял маршал Жуков.

Здесь же с мая 1945 по октябрь 1949 года находилась его резиденция, как Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Аппарат СВАГ, постепенно расширявшийся по функциям и числу военных

и гражданских специалистов, также занимал ряд административных и жилых зданий в районе Карлсхорст. Ныне этот район является частью берлинского округа Лихтенберг.

Тогда же, зимним днем 1942 года, я с любопытством смотрел на серые, и какие-то нахохлившиеся дома района, где мне предстояло прожить целых два года. Война пощадила эту часть Берлина, разрушений почти не было видно. С большого проспекта машина свернула на улицу поуже, мощеную брусчаткой. На столбе висела табличка с названием. С трудом разобрал готический шрифт – Gundelfingerstrasse. Интересующиеся без труда найдут ее на плане Берлина в интернете. Она идет параллельно главной магистрали района – Тресков аллее.

По обе стороны улицы стояли трехэтажные дома с простыми, без балконов и украшений фасадами. Машина остановилась у дома 23. По удобной деревянной лестнице пешком поднялись на верхний этаж. У немцев уже тогда в подъездах были установлены устройства, экономившие электроэнергию: нажимаешь кнопку на первом этаже, и свет горит ровно столько, сколько нужно, чтобы подняться на третий.

«Ну вот!» – сказал папа, – «это наша квартира.» Вошли, огляделись. Комнат было три, плюс кухня, что после нашей московской коммуналки было абсолютным шиком.

Тогда я еще не знал, что многие семьи моих одноклассников, отцы которых приехали в Берлин раньше моего, живут вообще в отдельных коттеджах Карлсхорста – роскошь

вообще безумная по советским меркам!

Дело в том, что многие из домов были поспешно брошены своими владельцами. Те, возможно, были связаны с фашистским режимом и опасались преследований. В первые месяцы после окончания войны в советской зоне оккупации Германии, и в Берлине в частности, имела место определенная организационная неразбериха. Такие бесхозные дома часто занимались под жилье, как говорится, явочным порядком. Позже, из разговоров с одноклассниками я узнал, что семьи некоторых из них как раз живут в таких «виллах». Они были расположены в другой части Карлсхорста, к востоку от Тресковаллее, разделявшей его на две части. Сразу скажу, что ни в этой части района, ни, тем более, в этих виллах так и не побывал.

Папа объяснил: «Здесь мы с мамой, здесь наша столовая, а тут мальчишки». «И это еще не все», – сказал папа, «У нас будет домработница, немка, чтобы помогать маме. Вы с ней познакомитесь завтра, а сейчас располагайтесь, отдохните. После обеда я расскажу вам о своей работе».

Тогда, мальчишкой, я не все понял из папиного рассказа. Работая над этими записками, просмотрел материал о Советской Военной Администрации в Германии (СВАГ) и узнал следующее. СВАГ, созданный 6 июня 1945 года постановлением СНК СССР был органом военной администрации, которая заменила немецкие органы государственного управления в советской зоне оккупации Германии. По-

сле окончания военных действий на ее территории оставалось значительное количество наших войск, проживало несколько миллионов человек немецкого населения. Возникло множество политических и хозяйственных вопросов, требовавших оперативного решения. Даже простое их перечисление, как и описание структуры СВАГ, заняло бы несколько страниц. Потому остановлюсь лишь на одном – вопросе репараций.

Репарации – возмещение побежденным государством, по вине которого возникла война, убытков, понесенным государством-победителем. Задачей отдела СВАГ, где работал отец, было выявление на действующих немецких предприятиях пригодного к использованию в СССР оборудования, организация его демонтажа и отправки на наши предприятия.

Как пояснил отец, такая работа требовала постоянных поездок по городам советской зоны оккупации и конкретного знакомства с заводами, прежде всего мясной и молочной промышленности. Поэтому в его распоряжении и был автомобиль с водителем. «Командировки», успокоил маму отец, «у меня непродолжительные, ездим группами по несколько человек, так что это совсем не опасно». Надо сказать, что папа был не только отличным инженером-механиком. Узнав еще в Москве о своем назначении, он серьезно занялся немецким языком, и к моменту нашего приезда уже очень прилично его освоил.

Это здорово помогало ему в общении с немецкими специалистами и просто с жителями.

На следующее утро я вышел на улицу. Та часть района, где жили и работали советские люди, и где учились мы, была огорожена. Конечно, не каким-то высоченным забором, и не колючей проволокой. Просто металлической сеткой на невысоких столбиках. Считалось, что она оградит нас от немецкого населения. Но законопослушные берлинцы и без сетки не стали бы посещать «русский» Карлсхорст, а вот обслуживающий персонал – дворники, слесаря и другие, включая нашу домработницу, входили на огороженную территорию по пропускам. Вообще, особой охраны и не было, и пропуска эти скоро стали формальностью.

Дело в том, что отношение немцев к нам, русским, что военным, что штатским, было если не дружелюбное (все же недавние враги), но совершенно спокойное. Конечно, были и недобитые фашисты, которые нас ненавидели, но и они затаились и вели себя тихо. За все годы пребывания в разных районах послевоенной Германии мы ни разу не сталкивались с неприятными ситуациями на этой почве.

Последовавшие за приездом несколько дней прошли в знакомстве со своим районом. Родители отпускали меня одного спокойно, зная обстановку, но далеко я пока не уходил. Через несколько кварталов от нашего дома, тоже на Гундельфингерштрассе, находилось здание школы. Туда я и отправился в понедельник.

Учеников в седьмом было немного. Приняли меня очень дружелюбно. А когда узнали, что я любитель пеших путешествий, вообще обрадовались. Заводила, Игорь Висневский, ленинградец, тут же предложил присоединиться к их плану – побывать в рейхстаге. У меня загорелись глаза. «В рейхстаге? А как мы туда попадем?» «Да просто. Его никто сейчас не охраняет, я узнавал». «А родители?» «Скажем, что мы пойдем группой, доберемся до центра на трамвае, в городе сейчас спокойно». «А что там?» «Поищем, может какое-нибудь оружие попадется». Ну что взять с мальчишек! Оружие им подавай! «Володь!», продолжал Игорь, – «а ты видел кирху рядом со школой?» Узнав, что нет, предложил сходить туда вместе. Я пишу сейчас об этом, чтобы через много лет извиниться перед Берлином за наше неоправданное подростковое варварство. Мы вошли в кирху.

Я впервые оказался в здании лютеранской церкви. Средний неф, там, где должны были стоять скамейки для молящихся, был захламлен. «Пошли наверх», – позвал Игорь. По лестнице поднялись к органу, точнее к тому, что от него осталось. «Это мы отомстили фашистам!» Игоря, пережившего в Ленинграде блокаду, можно было понять. Но причем здесь музыка? Небольшой орган был зверски разворочен. Свинцовые трубки голосов разорваны, от клавиатуры вообще ничего не осталось. Мне почему-то стало стыдно, но я смолчал. «Ладно, Игорь», – сказал я, – «пошли». Насколько я помню, ни о чем подобном больше я не слышал. Мы,

школьники, в дальнейшем вели себя вполне адекватно. Надеюсь, тот орган восстановили...

Прошло несколько дней. Я познакомился с учителями, почувствовал, что уровень требований здесь ниже, чем в нашей школе № 7. Было ясно, что проблем с учебой не будет. Учебники я привез с собой и буквально за несколько дней освоился в классе. Спустя какое-то время, ребята напомнили о своем предложении поехать посмотреть рейхстаг. Запланировали нашу вылазку в центр города на выходные. Родителям я сказал, что иду с ребятами на прогулку. Ох, нехорошо обманывать старших! Вообще-то мы, мальчишки, порядочно рисковали, по глупости совершенно об этом не задумываясь. В огромном, незнакомом и, все-таки еще враждебном городе с нами могли случиться любые неприятности. К счастью, и на этот раз, и в следующие наши «путешествия» — обошлось!

Мы добрались до центра Берлина и стоим на Унтер-ден-Линден. Перед нами Бранденбургские ворота. Здесь шли бои, много разбитых зданий. Особенно пострадал парк Тиргартен, что за монументальными воротами. Сворачиваем направо, к зданию рейхстага. Он тоже сильно пострадал от обстрелов и штурма. Всем хорошо известны фотографии военных корреспондентов: вот водружение знамени Победы, вот ликующие бойцы на ступенях рейхстага. Эти фото сделаны как раз со стороны парка. Теперь на этом же месте наша группа.

Стоит тяжелая тишина. Перед нами огромное здание с закопченными и побитыми осколками стенами. куда мы так стремились: а вдруг найдем что-нибудь интересное? Внутри большущий пустой зал заседаний с поломанными скамейками, полуразрушенные лестницы, полусумрак. Неужели именно здесь выкрикивал свои речи бесноватый фюрер? Неужели мы в том месте, где бесстрашный Георгий Димитров обличал фашизм? Теперь зал разбит и пуст. До сих пор пахло горелым. Когда затихли бои, здесь побывали многие. Саперы, разведка, контрразведка в поисках гитлеровских документов, просто любопытные. После них вряд ли что-то осталось для нас интересное, а вдруг?

Немного освоившись, включаем фонари. Осторожно бродим по первому этажу, спускаемся ниже. Кто-то из ребят зовет: «Идите сюда, тут подземный коридор какой-то!»

Коридор идет вдоль северной стороны здания в сторону реки Шпрее. Вдоль стены непонятные горизонтальные стальные провода. Пройдя метров пятьдесят, натываемся на проем в стене, дверного полотна нет. Идем дальше, и еще через сотню шагов попадаем в комнатку, похожую на лабораторию: какие-то шкафы и полки с колбами и коробками. Дверь заперта, дальше хода нет.

Нам становится не по себе. Как бы не отравиться, и не подорваться! Быстрее назад, по подземному ходу, к главному залу! Обошлось...

Что это было за помещение, мы так и не узнали. Но вот

что интересно. Где-то через пару недель мы вновь оказались в рейхстаге. И что вы думаете? Проем в подземном коридоре, за которым было таинственное помещение, оказался кем-то замурован! Ясно, что не нашими. Значит, фашистами, которые следили за нами? Совсем недавно, спустя почти семьдесят пять лет после нашего визита в рейхстаг, стало известно, что именно в этом подземелье остатки фашистов сопротивлялись нашим даже несколько дней после захвата здания советскими солдатами. Что могло здесь сохраниться? Это осталось загадкой. И хотя нам стало жутковато, охоты лазить по гитлеровским зданиям у нас это не отбило. Надо же что-нибудь найти, наконец!

Кончилась третья четверть. На каникулах решили забраться (ничего себе!) в здание рейхсканцелярии! То самое, где был штаб Гитлера, где он кончил жизнь самоубийством. Знали бы мы тогда, чем могла кончиться для нас эта затея! Но обо всем по порядку.

Вот и опять Бранденбургские ворота, Тиргартен с покореженными войной стволами деревьев и перепаханной снарядами землей. Слабое солнце висит еще высоко, освещая панораму разбитого центра Берлина.

Пройдя налево, видим перед собой то, что осталось от логова фюрера, хотя здание неплохо сохранилось. Здесь тоже нет охраны, попасть может кто угодно. Надо полагать, что этот объект гораздо более тщательно и многими службами был осмотрен, обыскан и проверен. Даже более, чем рейхс-

таг. Однако нас, мальчишек это не смущало. Ну, уж здесь может что-то попасться?

Осторожно озираясь, входим в анфиладу залов первого этажа. Пусто, тихо, сквозь разбитые рамы окон просачиваются неяркие солнечные лучи. Нет, здесь нам вряд ли улыбнется удача. Надо спускаться в нижние этажи. Здесь полная темнота, включаем фонари. Переходя из зала в зал, из одной комнаты в другую, лучами фонариков выхватываем из темноты то разбитые шкафы, то валяющиеся на полу остатки рваных папок, то какие-то обломки мебели. А это что? «Ребята!», – кричу я – «Нашел!» Из-под ножки сломанного стола выглядывал покрытый густой пылью предмет, похожий на плоский брусок. «Вовка! Да это ж штык-нож!», – заорал подбежавший Игорь. Смахнули пыль. Точно, штык-нож, да не простой, а с эмблемой СС – «BLUT UND EHRE» («кровь и честь» по-немецки). Оживившись, все начинают с удвоенным вниманием освещать уголки этого помещения. Но здесь больше ничего не находим. И тут, перейдя в следующий зал, ощущаем чье-то присутствие. Мы застыли. Из темноты на нашу группу кто-то направил луч сильного фонаря.

Хорошо помню секунду липкого страха. Свет фонаря погас, и теперь уже мы осветили человека, рассматривавшего нас. Высокий, поджарый немец, очень похожий на эсэсовца из наших фильмов про войну, молча постоял пару секунд и тихо повернувшись, ушел. Что искал он в этом подземелье? Какие тайны скрывали его визит? Будь у него оружие,

ему ничего не стоило расстрелять нашу группу, и нас долго бы еще искали, если бы вообще нашли. Это дошло до нас не сразу, однако желание продолжать поиски сразу пропало. Быстро и молча мы поднялись наверх и отправились домой. Больше ни в какие опасные «экскурсии» мы не ходили. Другое дело отдых, но об этом позже.

А что же моя находка? Конечно, родителям я ничего не рассказал. Юный конспиратор отчистил нож-штык добела, завернул в тряпицу и спрятал. Но не в квартире, а во дворе напротив. Там в небольшой пристройке к жилому дому один из моих одноклассников хранил в тайнике пистолет. Откуда он у него появился, я не знал. Но тайник был надежный. Моему холодному оружию суждено было пролежать здесь полгода.

Жизнь нашей семьи продолжала идти размеренно и спокойно. Мама со своей помощницей немкой занималась домашним хозяйством, играла и гуляла с братом. Папины командировки были, как правило, непродолжительны. Возвращаясь, он всегда интересно рассказывал о различных городах Германии, еще больше разжигая во мне страсть к путешествиям. Мы с мамой с удовольствием слушали эти рассказы. Папа всегда старался привозить из поездок какие-нибудь мелкие сувениры. Но однажды он вошел с довольно большим странной формы чемоданом.

«Владимир! – обратился отец ко мне необычно торжественно, – подарок тебе ко дню рождения!». Мы с мамой ах-

нули: папа достал из футляра сверкающий перламутром аккордеон. На планке была надпись «Weltmaister». «Моя группа работала на одном из предприятий на юге Саксонии, – рассказывал папа». «Это место оказалось совсем недалеко от городка Клингенталь, где собирают известные аккордеоны. Мы заехали на фабрику, и я купил тебе вот этот инструмент». Папа осторожно вынул из футляра красивый аккордеон и помог мне накинуть его ремни на плечи. Я тихонько растянул меха и нажал на клавишу. Раздался приятный звук. «Начинай учиться играть, Вовка!» – напутствовал меня папа.

Так в мою жизнь вошла «моя» музыка. С той поры и еще много лет я играл «по слуху», то есть, не зная нотной грамоты. Никогда у меня не было учителя. Несколько раз пытался самостоятельно овладеть нотами, однажды даже разучил и сыграл вальс Штрауса «Голубой Дунай», но на этом мое музыкальное образование и окончилось. Зато возникшая еще в детстве любовь к мелодиям, песням, оперной музыке позволила самостоятельно освоить аккордеон. Он вернулся вместе со мной в Россию, и долгие годы оставался верным другом. Играл я всегда для себя, изредка для близких. Пальцы постепенно стали неплохо слушаться, удавались и фокстроты, и танго, особенно любимые песни. Лишь только несколько лет назад я как-то вдруг потерял вкус к музицированию. Так и хранится мой инструмент отныне в шкафу. Почему? Не знаю, возраст не тот, вероятно... И лишь однажды выступил

я на публике. Сейчас расскажу.

Весна вступала в свои права. Пришел май, а с ним и конец занятий. Чиновники из СВАГ решили организовать летний отдых «берлинских» школьников (и мальчиков, и девочек, конечно), устроив подобие пионерского лагеря. Для этого был выбран один из немецких курортных городков в южной части советской зоны оккупации, в Саксонии, у самой границы с Чехословакией. Курорт назывался Бад Мюриц. Шумную толпу школьников посадили в автобусы, и мы отправились в путь. Колонну сопровождали несколько машин нашей военной полиции.

Очень интересной оказалась остановка по пути в Лейпциге. Нас покормили и устроили осмотр интересного памятника «Битвы народов». Фотографии этого самого и поныне массивного памятника на территории Европы сейчас можно легко найти в интернете. Тогда же он очень сильно порастил нас. Памятник был сооружен в 1913 году, в честь столетия грандиозного сражения, в котором соединенные силы русских, австрийских, прусских и шведских войск разбили армию Наполеона Бонапарта. До Первой мировой войны эта битва считалась крупнейшей в истории Европы. Детали не запомнились, но осталось общее мрачное впечатление от огромного массива высотой более 90 метров, со множеством крупных фигур рыцарей и святых. Кое-где на сильно потемневшем от времени и дождей камне памятника были видны следы пуль и осколков. После экскурсии продолжили путь на

юг, и через несколько часов были на месте.

Разместили нас в зданиях отелей. Точно не скажу, но, кажется, по этажу на отряд, в номерах по несколько человек. Здесь царил буржуазный дух курорта средней руки.

Сейчас забавно представить, как воспринимали тихие провинциальные обитатели Бад-Мюрица (в переводе «Сорочье купание») всю нашу подростковую пионерскую братию с ее традиционными утренними линейками, маршировками под бодрые советские песни и галдежом!

Обедали в помещениях ресторанов. Вечерами нам разрешилось гулять по улицам городка. Запомнился концерт нашей пионерской самодеятельности. Он проводился на сцене курзала, участвовали ребята из разных отрядов. От нашего уговорили меня выйти на сцену с аккордеоном. Неловко перебирая клавиши большого аккордеона, я пропел популярную тогда песенку Утесова «Давно я не видел подружки, дороги к знакомым местам», заслужив жидкие хлопки. Это было первое и, как оказалось, к счастью, последнее мое публичное музыкальное выступление.

На отдыхе в Бад-Мюрице. Тогда у всех мальчиков была такая форма

Место нашего отдыха располагалось относительно недалеко от границы с Чехословакией. В один из дней в том направлении состоялась небольшая экскурсия, которая запомнилась мне посещением интересной карстовой пещеры. Сколько же пещер, в каких только краях не доводилось видеть во взрослой жизни, эта запомнилась удивительно четко. Наверное, потому что была первой. Спускаясь впереди группы по каменным ступеням, я неожиданно погрузил ботинок в воду, Она была совершенно прозрачной, а поверхность подземного озера абсолютно гладкой и потому неза-

метной.

Впоследствии с подобной шуткой гидов мы сталкивались в лавовых пещерах на острове Лансароте на Канарах, в Хорватии, на Майорке. Построив группу у ограждения, проводник говорит: «Перед нами провал!» и предлагает бросить туда камушек. Ко всеобщему удивлению и восторгу камень плюхается в воду, обрызгивая впереди стоящих туристов. Оказывается, перед вами темное зеркало подземного озера!

Район нашего курорта входил в обширную географическую зону распространения подземных минеральных вод, как на территории Германии, так и Чехословакии – это нынешние Карловы Вары, Мариански Лазни и другие. Нам, подросткам было, конечно, в диковинку пить такую водичку, но вожатые делали это с удовольствием и нас заставляли.

Хорошо, что наши молодые желудки выдерживали эту экзекуцию без последствий.

Каникулы закончились. Я – ученик восьмого класса. Впервые между нами, мальчишками, потихоньку пошли разговоры о девочках. Они учились здесь же, в Карлсхорсте, но в отдельном школьном здании. Знакомства завязывались на совместных праздничных и новогодних вечерах, и подкреплялись встречами на улицах района. Через какое-то время сложилась и наша небольшая компания, куда кроме ребят из моего класса вошел и Володар Лишевский, или, как мы его звали, Волька.

Он был старше на год, жил в соседнем доме, отличался

серьезным видом. Судьбе было угодно сделать нас приятелями на долгие 53 года (его не стало в марте 2000). Именно ему я обязан тяге к изложению своих мыслей на бумаге. Но об этом позже.

О Володаре я буду вспоминать и писать еще не раз. Здесь же скажу только, что он оказался одним из тех в нашей компании, кто предложил проводить встречи школьников «берлинцев» после возвращения на родину в первых числах Нового года у колонн Большого театра в Москве. Его поддержали «наши» девочки Зина Маринина и Ляля Денисова. Забегая вперед, скажу, что эту идею подхватили другие классы. В начале пятидесятых такие встречи действительно проходили регулярно у тех самых колонн! Было очень интересно узнавать в повзрослевших студентах бывших одноклассников. Насколько помню, продолжались они лет пять, если не больше.

А пока мы устраивали скромные вечеринки у кого-нибудь дома, по очереди. Все проходило очень тихо, хотя наши родители разрешали даже выпить немного вина. Моральная планка в те времена была на таком уровне, что мы даже о поцелуях тогда не думали! Не пытаюсь морализировать, все же замечу: жизнь ныне в этом плане далеко уже не та.

Как-то, вернувшись из поездки, папа рассказал, что видел удивительное инженерное сооружение – судоподъемник. Он не пострадал от военных действий и работал. «Я буду в тех краях еще раз», – сказал отец. «Если хочешь, возьму тебя с

собой, посмотришь». Еще бы я не хотел!

Рано утром в первых числах октября тронулись в путь. День выдался пасмурным, но теплым. Миновали пригород. К своим пятнадцати годам я почти не бывал в сельской местности, если не считать поездок в подмосковные лагеря. Машина шла по отличной, уже восстановленной дороге. Первый послевоенный урожай был убран. Поля стояли пустыми и безлюдными, кое-где попадались остатки разрушенных блиндажей и траншей. Изредка поодаль виднелись деревушки с красными черепичными крышами домов. Небо затягивала серая дымка.

«Гляди», – сказал папа. Впереди слева обозначился силуэт какой-то огромной металлической конструкции. В предыдущих главах я говорил о своих походах с отцом в баню по Шаболовке. Тогда, по дороге, папа много рассказывал о различных машинах, конструкциях, устройствах. Я уже знал, что такое шлюзы на реках, и как они работают.

«Здесь вместо шлюзов немецкие инженеры построили судоподъемник», – рассказывал отец. «Вероятно, по их расчетам такое решение оказалось экономичнее», – добавил он.

Вблизи судоподъемник оказался огромным. Мы подъехали к нему со стороны верхнего бьефа. Перед нами был неширокий канал и стоявший у причальной стенки буксир. Канал оканчивался у мощной стальной решетчатой конструкции. «Видишь» – спросил отец, эти тросы и блоки? На них подвешено гигантское «корыто». После стыковки специальных

ворот канала и «корыта», уровень воды сравнивается и буксир зайдет туда. Заработают лебедки и корабль в «корыте» опустится вниз».

Я глянул туда, вниз. Высота была метров тридцать, с десятиэтажный дом. Чудо техники заработало. Буксир вошел в «корыто», матрос помахал нам рукой и махина буксира стала плавно уходить вниз. Спустя минут пятнадцать мы увидели уходящий по нижнему каналу буксир.

Наверное, я потому так подробно пишу об этом, что полученное мной впечатление не только глубоко врезалось в память, но и наверняка сыграло определенную роль при выборе будущей профессии строителя. Кто-то определяет свой будущий трудовой путь случайно, а потому часто ошибается и разочаровывается в выборе. Но чаще гены и какие-то сильные детские впечатления подсказывают нам верное решение. Нет большего удовлетворения от труда, когда он вам по душе, когда плод ваших усилий приносит вам радость, успех, признание и чувство, что вы не зря прожили жизнь. Так вышло со мной.

Нет, я не стал гидротехником. Но мой выбор строительной профессии оказался удачным.

Необычайно интересной, увлекательной и познавательной оказалась моя долгая работа в градостроительстве. О ней я расскажу отдельно. Пока же вернемся в Берлин.

Потянулись монотонные дни учебы. Хотя я зря называю их монотонными. Учиться мне всегда было интересно. К

тому же я много читал – в те годы чтение занимало важное место в нашем развитии. Это сейчас на малышей и подростков буквально обрушивается огромный массив информации. Даже мне трудно представить, как это мы обходились без телевизора и интернета, а уж моим читателям и вовсе. Что у нас было? Только радио, газеты и книги. Радиоприемники были редкостью, а газет мальчишки не жаловали. Гулять тоже особо не тянуло: погода в начале зимы в Берлине слякотная. Выручала неплохая школьная библиотека. В феврале неожиданно уехал в Москву Володар. Договорились обязательно встретиться.

Однажды, вернувшись из очередной командировки по нашей оккупационной зоне, отец рассказал, что в беседах с немцами часто слышал жалобы на расплодившихся в лесах Саксонии и Тюрингии кабанов и косуль. Немецкому населению держать любое, в том числе охотничье оружие было запрещено. Кабаны, что называется, распоясались и портили много посевов. Поэтому селяне были бы рады, если бы русские охотники поуменьшали численность диких свиней. Мы с мамой переглянулись. Это наш-то папа охотник?

Но отец завелся всерьез (напомню, ему тогда было всего 39 лет!). Был у него приятель. Вместе занимались поисками и оформлением к демонтажу промышленного оборудования в порядке репараций. Этот товарищ был сибиряк и охотник-любитель. Договорились они во время очередной командировки посетить известную фабрику Зауэра в Зуле,

где русским по разрешению СВАГ можно было приобрести охотничьи ружья 12-го и 16-го калибров. Сказано-сделано.

В один из зимних дней 1948 года отец появился в дверях нашей квартиры с новенькой двустволкой в руках. А спустя пару недель уговорил маму отпустить его с приятелем «на кабанов». Насколько помню, вернулся он и тогда, и в следующий раз с пустыми руками, но желание поохотиться у папы не проходило. Чтобы у мамы, не дай бог, не появились ненужные мысли, отец предложил взять собой и меня. Мама слегка опешила, но все же согласилась. Ну, а я, естественно, был в восторге. Меня! На охоту! На кабанов!

Теперь, когда я вспоминаю эту историю, мне и смешно и немножко стыдно. Сейчас расскажу, почему. А тогда я начал готовиться к охоте. В школьной библиотеке отыскал что мог о кабаньих повадках, об организации загонов и т. п. Решив, в случае чего, дорого продать свою жизнь, уговорил папу дать мне финский нож, чтобы отбиваться от кабана.

Вам смешно? Мне тоже! А тогда я готовился всерьез. Но встретиться лицом к лицу с диким кабаном, даже увидеть его издали, к счастью, не пришлось. А то и заметок-то этих не было бы!

В роли неумелых загонщиков выступали немцы-крестьяне. Они погнали стадо зверей стороной, лишь одного подстрелил кто-то из наших. Я честно отстоял на своем посту пару часов, хорошо хоть мороз был не сильным, и мы вернулись домой. «Ничего», – сказал папа, «в следующее воскрес-

сенье поедем на косулей».

И вот настал этот день. С утра светило яркое солнце. Выехав за город, мы увидели покрытые свежим снегом поля, ну впрямь, как у Пушкина: «Мороз и солнце, день чудесный...». Остановив машины на окраине какой-то деревушки, несколько человек охотников оправились по замерзшей стерне к озеру и небольшой рошце. Местные сказали, что там частенько появляются козочки. Пахло снегом и еловыми иголками. Под ногами поскрипывал снежок, сердечко колотилось. «Оставайся здесь», – сказал мне папин приятель, – «а мы пойдем вдоль камышей по берегу озера». Охотники ушли. День выдался таким хорошим, что я засмотрелся на голубое небо. На его фоне красиво зеленела стена густого ельника.

Тут-то все и случилось. Я стоял, держа свою двустволку наперевес. Неожиданно очень близко от меня сильно зашуршал камыш. Грациозная косуля, высоко подняв головку, мощными прыжками летела в мою сторону, но, почуяв человека, помчалась мимо. Скорее с перепуга, чем сознательно, я вскинул ружье и пальнул в козочку. Несчастное животное перевернулось через голову, и, упав, стало биться в конвульсиях. Уже потом оказалось, что несколько дробинок попали ей в мозг. Ничего не соображая, я подбежал к ней и, почему-то зажмурив глаза, в упор выстрелил... в ляжку! Вот уж горе-охотник! Ух, как костерили меня старшие товарищи, когда вечером выковыривали весь заряд дроби из вкусного

мяса косули! А бедная козочка, дернувшись еще пару раз, затихла.

С жутким треском из камыша выскочили папа и его друг. Их напугали мои неожиданные выстрелы. «Жив? Все в порядке?» – закричал отец. Увидев убитое животное, успокоился и стал меня хвалить. А я, не стыдясь своих слез, отошел в сторонку, и долго не мог успокоиться. Придя в себя, честное слово, дал клятву никогда больше в жизни не ходить на охоту. Не убивать. А козочка лежала на снегу такая красивая, со светло коричневой шкуркой... Застывшая навсегда.

Папа с другом, даром же специалисты мясной промышленности, подвесили козочку за задние ноги к суку дерева и перерезали ей горло, чтобы выпустить кровь из тушки. Кровь капала на землю, а я стоял рядом и опять плакал от жалости. Эта была моя первая и последняя в жизни охота. Папа меня успокаивал, а я всю обратную дорогу сидел, забившись в угол машины, и переживал.

Ребята! Давайте забудем слово «охота»! Остатки дикой природы надо всячески беречь.

Браконьеров строжайше наказывать. Отличное мясо для жаркого и шашлыка нам предлагают Микоян и Мясницкий ряд. А если зудит и хочется поиграть в «войнушку» – битте, к вашим услугам пейнтбол.!

Зима в Берлине короткая. Под ярким солнцем быстро исчезли остатки тощих сугробов. Зазеленели первые листочки

и сразу потеплело. А там уже и лето подоспело с экзаменами.

Справился я с ними вполне успешно – после московской школы № 7 требования по всем предметам были не столь высокими (что и сыграло со мной злую шутку через год). Пока же мы с приятелями искали новые приключения на каникулах. У всех уже были велосипеды. Кто-то разузнал, что недалеко от нас есть озеро Мюггельзее, а там лодки напрокат. Путь к озеру шел по улицам районов Обер- и Нидершенвайде, мимо нашего ипподрома, к району Фридрихсхаген (если кому-то будет интересно, вы легко найдете все это на плане Берлина в интернете). Немного поплутав по незнакомым улицам и спрашивая прохожих (немецким уже чуточку владели), нашли искомое место. Пожилой немец явно был рад нашей группе – клиентов у него давно не было. Показал свой «флот», несколько обычных распашных яликов и, о чудо, лодки – двойки для академической гребли. Хотя никто раньше на них не плавал, решили рискнуть. Уселись, отошли от причала и потихоньку стали грести в сторону озера, соединенного с рекой Шпрее каналом. К счастью, погода стояла безветренная, нас не качало, и мы спокойно пошли вдоль северного берега, где высоко на холме среди зелени деревьев виднелась какая-то башня.

В тот раз мы ничего о ней не знали и не стали подниматься, чтобы осмотреть башню Мюггельтурм поближе. Сделали это в следующий визит на озеро, узнав историю весьма любимой берлинцами башни. Вновь отсылаю интересующихся

к интернету, здесь же вкратце скажу, что деревянная башня с рестораном в первом этаже была построена в конце XIX века на самом высоком естественном возвышении Берлина (116 м). Долгие годы пользовалась большой популярностью у горожан. С ее смотровой площадки открывался прекрасный панорамный вид на многие предместья Берлина – до 50 км.

В 1945 году фашисты хотели ее взорвать, однако тогдашнему владельцу ресторана, находившегося на первом этаже башни, удалось перерезать провода взрывателя. Башня уцелела. Нашей ребячьей компании пришлось долго на нее карабкаться, зато обзор с верхней площадки окупил все усилия. Много позже, уже окончив институт, в 1958 году, с грустью узнал из газет о пожаре, уничтожившем башню. Однако властям ГДР ее удалось восстановить, в современном, железобетонном варианте.

Много раз мечтал вновь побывать и в Берлине, в Карлсхорсте, и на Мюггельтурм, но пока не довелось...

Старого лодочника мы посещали еще много раз. Последние поездки к озеру я уже совершал один, на подаренном мне отцом веломотоцикле. Это был подержанное, слегка обшарпанное и ядовито-зеленого цвета транспортное средство с небольшим моторчиком. Надо было крутить педали и, разогнавшись, включать зажигание. Но оно ездило! Стреко-ча и дымя, на плохом вонючем бензине, которым меня снабжал папин шофер. И я на своем веломото катался по берлинским улицам!! А что вы еще хотите от заводного парня?

Безопасности моих поездок способствовало слабое уличное движение, да и тихоходность моего «крокодила», как им меня дразнили приятели. Из зависти, конечно.

Возле нашего дома в Карлсхорсте

А вот с Володаром чуть не случилась тогда беда. Раздобыл

он у кого-то боевой пистолет. Прятал его в тряпице рядом с моим эсесовским ножом. Решил показать мне свой «Вальтер», так сказать, в действии. Укромное место для стрельбы выбрали в кустах на окраине большого ипподрома, что был за линией S-бана (Берлинское городское метро)

в южной части нашего района. Убедившись, что никого поблизости нет, Волик достал оружие, вставил в обойму один патрон и прицелился в небольшой кустик. Что-то у него пошло не так, и он повернул пистолет дулом прямо в свой живот. Еще секунда, и могло произойти непоправимое. Не было бы кандидата технических наук, журналиста и автора многих публикаций в журнале «Наука и жизнь» Лишевского, не появился бы на свет его сын, не родились бы его внуки... Но, видимо, высшие силы сочли его смерть преждевременной.

Небольшая птичка по имени «судьба», вспорхнув, вызвала невольное движение руки. Грохнул выстрел, но пуля ушла в сторону, чудом не задев даже ботинок несостоявшегося самоубийцы. Бледный как полотно Володар, трясясь поднял с земли стреляную гильзу, и не глядя в мою сторону пошел прочь. Вскоре он тайно обменял пистолет на что-то безобидное. Много лет мы с ним не вспоминали эту жуткую сцену.

Подходил август. Школьников вновь отправляли на отдых, на этот раз на побережье Балтийского моря, в курортный городок Бинц, что на острове Рюген. Еще в период третьего рейха фашистские власти затеяли грандиозное строи-

тельство на северном побережье острова. Было задумано создать здесь «крупнейший современный курортный комплекс на балтийском побережье». Макет комплекса демонстрировался на Всемирной Парижской выставке 1937 года и получил там Гран При. Война помешала этим планам, но в Бинце еще с конца XIX века оставалось немало достаточно престижных зданий отелей, которые и были выбраны для отдыха детей военнослужащих и сотрудников СВАГ. Работая над своими записками, я нашел в интернете отличные фотографии зданий нескольких отелей и курзала, где нас и разместили. На одной из фотографий вид «с птичьего полета» на эти здания, песчаный пляж и огромный деревянный причал длиной метров 300, уходящий узкой лентой в море. Он был построен, как потом нам рассказали, для швартовки теплоходов с большой осадкой. Ближе к берегу из-за пологого откоса дна подойти они не могли. Мое знакомство с пионерлагерем в Бинце началось как раз с этого мола.

Случилось так, что мне пришлось несколько задержаться в Берлине, и я не смог уехать вместе с остальными ребятами. Мама тщательно собирала мои вещи, Павлуша внимательно слушал мои рассказы о том, что такое пионерский лагерь. Отвезти меня на Рюген взялся папа, в свой выходной. Выехали затемно, Наша БМВ быстро набрала ход и, оказавшись на одной из знаменитых немецких автострад, стремительно помчалась на север к балтийскому побережью. Скорость была такой, что на въезде в Бинц мы оказались ран-

ним утром. Солнце едва показалось над горизонтом, косыми лучами скользя по морской глади. «Пап», – тихонько попросил я, – «в лагерь еще рано, спят все, можно я искупаюсь?». Неожиданно отец согласился. Зная мое умение плавать, он и не подумал ограничивать меня по времени.

На пляже было пустынно. Вдали в море можно было различить какие-то торчащие из воды сваи. Это были, как потом оказалось, остатки того самого причала, что теперь, спустя семьдесят два года, я разглядел на фото. Во время войны его разбомбили. Сохранилась небольшая часть настила в самом конце, в море. Мне тогда и в голову не могло прийти, на каком она расстоянии от берега. Поеживаясь от утреннего холодка, я вошел в довольно еще стылую водичку и, не раздумывая, поплыл туда, к сваям. Плыл брассом, довольно долго, но вдруг почувствовал, как и тогда, переплывая Урал, что силы не рассчитал. Стало ясно – придется доплыть до свай, там передохнуть, и лишь потом возвращаться обратно, на берег.

Вблизи сваи оказались толщиной с метр, если не больше, в скользких зеленых водорослях. Еле удалось найти зацепы и подтянуться, чтобы вползти на настил. Дрожа от напряжения и холода, я подпрыгивал на досках, чтобы согреться. «Мама-ма», – клацал я зубами, одновременно махая руками отцу не далеком берегу. Хорошо хоть солнышко было уже достаточно высоко, чтобы согреться. Прошло минут пять. «Делать нечего», – сказал я сам себе, и вздохнув прыгнул в Балтий-

ское море. Обратно плыть оказалось неожиданно легче.

Вместо упреков папа меня похвалил, и через полчаса мы были уже на территории лагеря. По возрасту меня определили в первый отряд, а когда вожатый узнал, что я хорошо плаваю, записал в группу «спасателей». Нас было человек шесть мальчишек из двух старших отрядов. Все обычное время мы проводили каждый у себя, а вот во время купания пионеров в море собирались вместе и садились в большую шлюпку. Мы ходили вдоль берега возле условной границы, за которую запрещалось заплывать. Малышня под присмотром своих вожатых барахталась у берега, но кое-кто постарше пытался пересечь эту условную границу. Приходилось с помощью рупоров просить их повернуть к берегу.

В моем домашнем архиве хранятся фотографии. На одной из них наша лодка, на веслах и у руля вся шестерка «спасателей». Уже тогда немного выделялся один мальчик – темноволосый, смуглый, говорил с небольшим акцентом. Хорошо запомнил, что звали его тоже необычно – Абел. Между нами установились простые, хорошие отношения, но после окончания смены мы разъехались по разным городам и больше не встречались. Каково же было мое изумление, когда в годы перестройки (это спустя 50 лет!) в прессе замелькала фамилия известного ученого-экономиста, одного из советников Горбачева, академика Абела Гезовича Аганбегяна! Я навел справки. Сомнений быть не могло, это был тот самый «спасатель» из лодки, только теперь он «спасал» утопавшую

после развала Советского Союза экономику страны.

При всем уважении к моему детскому товарищу, ставшему академиком, должен все же заметить, что его усилия в части внедрения рыночной экономики в российскую действительность успехом не увенчались. Но это уже, как говорится, совсем другая тема... Не удались и мои попытки встретиться с маститым ученым, чтобы показать ему ту самую фотографию.

На фото: группа пионеров – «спасателей». На корме автор, третий справа – будущий академик Абел Гезович Аганбегян. На заднем плане в море – остатки причала, к которо-

му я плавал.

Шумно, весело, интересно было в лагере, но время летело быстро. Нас привезли обратно в Берлин. Лето продолжалось. Несколько раз папа устраивал семейные поездки на природу по выходным, с мамой, братом и мной. Места эти я, увы, не запомнил. Какие-то рестораны с верандами на берегах озер, обеды в компании наших знакомых, сослуживцев отца. Это может показаться удивительным, но находясь в чужой, еще совсем недавно вражеской нацистской Германии, мы не чувствовали себя победителями. Ровные и спокойные отношения с немецким населением гарантировали и наше спокойствие. Как сейчас, когда мы выезжаем за рубеж на отдых или по делам. Страшно сейчас жалею, что, находясь в языковой среде, так и не выучил хотя бы на «четверку» немецкий язык. Говорю немного, хуже понимаю, но это, как известно, еще и отсутствие практики.

Почему-то занозой в мое сердце вошла парусная лодка. Это было во время одной из поездок. После обеда, заплатив за прогулку, мы уселись в небольшой бот с косым парусом. Лодка плавно скользила по тихой воде, журчавшей за бортом. Мне доверили румпель, и сладкий яд управления парусником надолго оставался потом в моей жизни. Вообще, надо сказать, всего у меня были три мечты: парус, горные лыжи, парашют.

Так уж сложилась жизнь, что я так и не встал на горные

лыжи, и тем более ни разу не прыгнул с парашютом. Если первое, может быть, еще случится, то уж ощутить тугой поток воздуха после прыжка из кабины самолета точно не выйдет. С парусной лодкой встретиться один на один удалось однажды на отдыхе в Турции. Это было незабываемо!

Лето подошло к концу. Девятый класс – это уже не шутки, заниматься пришлось плотно и много. В школу нас теперь возил трамвай. Утром, все в строгой форме, собирались на площадке у южной границы нашего района, путь до вновь отведенного нам школьного здания был недалек. После занятий те же трамвайные составы отвозили школьников домой, в Карлсхорст. В выходные гуляли, собирались своей компанией с нашими подругами. Вам может показаться непонятным, как это не возникали пары с романтическими отношениями? Не знаю. Лично у меня первые признаки легкой юношеской влюбленности обозначились позже. Как и полагается, весной.

В параллельном женском девятом классе появилась новенькая. Тоненькая блондинка с копной волос и красивыми глазами – Бэла. После знакомства она вошла в нашу компанию. Ее отца, полковника, перевели в Берлин из какого-то гарнизона в советской оккупационной зоне. Наши чисто дружеские отношения развивались спокойно, хотя интерес друг к другу постепенно переходил в другую стадию.

Дома, на семейном совете, мама и папа сообщили мне свое решение. Зная, что после относительно слабой подго-

товки в берлинской школе мне трудно будет хорошо закончить десятый класс (а родители, естественно, мечтали о золотой медали), они решили отправить меня в Москву. Там все годы нашего пребывания в Германии оставалась бабушка, милая бабушка Людмила Константиновна. Мне полагалось учиться на «отлично», а бабушке – меня кормить и обихаживать. Папа оставался работать, мама при нем, с братом. Мой отъезд на родину должен был состояться после сдачи экзаменов за девятый класс и небольшого отдыха. На этот раз меня со всеми остальными школьниками решено было отправить в один из курортных городков балтийского побережья. Название его выпало из памяти, очень может быть потому, что мысли мои были заняты в ту пору уже Бэлой.

Мне исполнилось 16 лет. Законы природы брали свое. Я потихоньку начал влюбляться.

Этому способствовало все. Романтические вечерние прогулки вдоль берега моря, «и эта глупая луна на этом глупом небосклоне», и шумные вечеринки с танцами в зале ресторана. До битлов и буги-вуги было еще далеко, мы танцевали под модный в ту пору фокстрот «Розамунде», танго «Кумпарсита» и венские вальсы Штрауса. Немножко выпивали. Опять отмечу, без ханжества, как далеко «продвинулась» жизнь в этом отношении!. Клянусь, ни у меня, ни у кого из моих друзей никаких «приключений» во время этого отдыха не было. Время было строгое, комсомольское. Кроме того, за нами серьезно приглядывали старшие товарищи.

В последний день нашего отдыха, вечером, мы гуляли по набережной. Половинка луны кокетливо пряталась за ночное облако. С тихим шорохом на песок пляжа набегали волны.

На тонком личике Бэлы выделялись глаза с темными зрачками. Я читал в них какой-то незнакомый мне доселе призыв. Может быть, она ждала поцелуя... Однако я страшно оробел. Самое большое, на что я мог решиться, это держать мою спутницу за руку.

«Бэла» – тихонько шептал я своей красавице, – «а мы сможем увидеться в Союзе?» «Конечно, только тебе придется приехать ко мне в Ригу», – ответила она. Так я узнал, что ее семья имеет квартиру в центре Риги, что ее отец будет продолжать службу в Латвии. А еще, что кроме квартиры он владеет дачкой в Мелужи, что на рижском взморье. Так и не решившись на поцелуй, я проводил Бэлу до нашей гостиницы. Наутро, когда мы уже садились в автобус до Берлина, она сунула мне в руку бумажку. Это был номер ее телефона в Риге. Как развивались наши отношения дальше, я расскажу в следующей главе.

После возвращения у меня была еще возможность попрощаться с Карлсхорстом, и в последний раз прокатиться на веломотоцикле к озеру Мюггельзее и к Бранденбургским воротам. Стоял жаркий август. Листва деревьев на улицах покрылась пылью. Уезжать было немного жалко. Разыскав своих товарищей, попрощался с ними, взяв с москвичей обеща-

ние не забывать о встречах у колонн Большого театра, зимой. А дома меня ждала встреча с Володаром, решившим поступать в МГУ на мехмат.

Впереди была самостоятельная жизнь в Москве. На этот счет я получил подробные инструкции от мамы. Она собрала мне большой чемодан и, естественно, велела писать почаще – телефонной связи практически не было. Кроме чемодана я вез с собой аккордеон.

Через несколько дней мы с отцом отправились на Восточный вокзал Берлина. Папа получил у начальства небольшой отпуск и сопровождал меня домой, в Москву.

Короткий гудок отметил мое прощание с Германией. Вагон был полон и забит багажом. Надо заметить, что, отправляясь из советской оккупационной зоны домой, почти все – и военные и штатские – везли с собой много вещей. Людей понять было можно: после тяжелых потерь и лишений военного времени всем хотелось увезти всего побольше. И для себя, и на продажу. Как всегда, вопрос стоял один: знать меру, и оформлять все по закону.

В этой обстановке наш багаж выглядел более, чем скромно. Все последующие проверки мы прошли спокойно, а вот многих из наших попутчиков трясли прилично, а некоторых задерживали для дополнительной проверки. Попытки спекулировать немецким добром пресекались очень строго.

Уже совсем недавно я натолкнулся на две поучительные истории на эту тему. Вот первая. Получив по службе аудиен-

цию у Сталина, крупный военный в чине генерал-полковника, окончив доклад, обратился к Верховному Главнокомандующему «с личной просьбой». «В чем дело?» – поинтересовался Иосиф Виссарионович, нахмурясь. «У меня задержали вагон с личными вещами, товарищ Сталин, нельзя ли распорядиться пропустить», отчеканил офицер, протянув какую-то бумажку. Сталин молча что-то написал в углу. Прочитав написанное, проситель страшно побледнел. Рукой вождя было написано: «Пропустить барахло полковника. Сталин». Прекрасно известно, что Сталин был очень скромен в быту. Этим объясняется его реакция на подобные просьбы.

Вторую рассказал писатель Михаил Веллер в книге «Легенды Арбата» (Издательство АСТ, Москва, 2015 г., стр.290). Цитирую. «Алексей Толстой стеклянеет от ужаса. Он хорошо помнит, как у него тормознули на границе вагон с награбленным барахлом из Германии, и на его телеграмму лично Сталину пришел ответ: «Стыдитесь зпт бывший граф тчк».

За окном поезда мелькали пейзажи Белоруссии. Хотя после окончания войны прошло уже четыре года, ее следы были еще заметны. Полуразрушенные постройки, обгорелые перелески, сохранившиеся остатки блиндажей и воронок... Несколько наших спутников здесь воевали. Негромко стали вспоминать бои, погибших друзей. Помянули по-русски, молча. Война еще долго будет жить в народной памяти.

Глава седьмая. Окончание школы (июль 1948 – август 1949 г.г.)

Москва встретила поезд из Берлина проливным дождем. Вместе с нами по перрону Белорусского вокзала шагали демобилизованные солдаты и офицеры. Мы с отцом долго добирались до нашего переулочка. Здесь за время нашего отсутствия мало что изменилось.

Те же булыжники мостовой, та же разрушенная бомбой часть здания Москворецкого исполкома на Полянке. Родной двор, родная квартира, бабушка...ее радости не было конца: любимые сын и внук, которых она так давно не видела!

За чаем она рассказала, что соседи живы-здоровы, только «бабуня» их скончалась, дочка уже взрослая, работает. Сама же моя любимая бабушка в свои 65 лет выглядела молодцом. Соскучившись в относительном одиночестве, хлопотала возле нас со своим нехитрым угощением. Хотя карточная система в стране к тому времени была уже отменена, до продуктового изобилия в Москве было еще ой как далеко. На кухне те же керосинки и примуса, печку надо топить дровами, холодная вода. Что ж, после Берлина придется вновь привыкать к довоенным «удобствам». Приятно удивило появление в доме городского телефона, спасибо нашим соседям. На стене в прихожей висела черная коробка с трубкой. Весь наш номер уже не помню, кажется он начинался с буквы

В, дальше шли цифры. Первым делом позвонил Володару. Он очень обрадовался звонку, коротко сообщил, что окончил школу с серебряной медалью, по совету преподавателей подает документы в МГУ, на мехмат. Пригласил в гости.

После чаепития вышел во двор. Он был непривычно пуст и тих. Мне уже 17 лет, и двор, казавшийся в детстве таким огромным, как-то съезжился. Все в нем стало меньше и ближе, хотя и оставалось на своих местах, кроме «сторожки» и заборов. Еще когда мы шли по переулку, и сейчас, во дворе, бросилось в глаза почти полное отсутствие маленьких детей. Места наших довоенных игр пустовали. Все это было следствием резко упавшей рождаемости в годы войны.

На следующий день утром я умывался на кухне. «Вовка!», послышалось за спиной.» Да ты уже совсем взрослый!». Это была соседка Наташа. Я помнил ее старшей школьницей, а теперь передо мной стояла почти взрослая тетя. Сделав ей комплимент относительно внешности, я посочувствовал по поводу смерти бабушки. «Да, старенькая она уже была, 86 лет, болела сильно», – сказала Наташа. Почему-то покраснев, добавила: «Я ведь теперь в ее комнату перебралась. В шкафу вот много интересных книг, а в одной даже надпись! Сейчас тебе покажу!». Вернувшись, протянула скорее не книгу, а какую-то тонкую тетрадь, но в переплете. На первом листе оказался рукописный текст, исполненный неразборчивым почерком. Но подпись была четкой – Я.Полонский. «Наташ!», – воскликнул я, – «да это же автограф зна-

менитого поэта!». Времена были трудные, и я посоветовал отнести этот раритет в Литературный музей, может быть они его купят. Все в помощь Наташиной семье. Так она и поступила.

Но вот что интересно. Тогда мы оба не подумали, как мог автограф уже пожилого к тому времени поэта, да еще жившего в Петербурге, оказаться в альбоме юной москвички, будущей «бабуни». Но узнать эту тайну мне не довелось. Наташа вышла замуж, и я ее больше не встречал. Сколько еще интересных тайн и открытий ждут нас в старых документах, альбомах и фотографиях! Берегите семейные реликвии!

В понедельник мы с папой наведались в школу, я написал заявление о приеме в «свой», но теперь уже десятый класс. До начала занятий оставалось несколько дней. Я бродил по замоскворецким переулкам, Калужской площади, Якиманке... Потихоньку приходило теплое ощущение родной, домашней Москвы. Вновь оживление на улицах, шум транспорта, озабоченные лица прохожих.

Входя в наш двор, столкнулся с девушкой, которую сразу и не признал! Зато я видимо изменился не так сильно, потому что она кинулась ко мне: «Володя! Это ты, вернулся!? Не узнаешь?» Боже, так это же Зинка из полуподвала во флигеле! Из девчушки с косичками превратилась в симпатичную и вполне уже взрослую особу. Куда-то торопясь, сбивчиво доложила обстановку. «Я кончила ПТУ, работаю швейей, Генка тоже работает, шофером, Игорь «генерал» уехал

с родителями. А это моя новая соседка, Лидка, смотри, не влюбись!»». На меня внимательно и с интересом смотрела высокая симпатичная девушка. Привыкнув критически относиться к своей внешности, я отнес этот взгляд скорее к тому, что приехал из Германии. Выпавив эту информацию, Зина сунула мне руку (это сейчас все привыкли целоваться на ходу) и убежала, взяв с меня обещание рассказать про Берлин при следующей встрече. Вот, значит, как. Мои друзья со двора уже работают! А мне еще школу кончать и в институте учиться. Жизнь нас развела.

Первое сентября. Уже подходя к зданию школы в Казанском переулке, слышу шум и радостные крики первоклашек. А вот и мои одноклассники: как все выросли! «Ребята, Володька Фалеев вернулся!» Накинулись дружелюбной толпой, перебивая друг друга здороваются, обнимают. Не скрою, было приятно.

Конечно, и при первой встрече, и в последующие дни пришлось много и подробно рассказывать про мою жизнь и учебу в Берлине, о поездках по Германии. Состав класса почти не изменился, только все мои товарищи выросли и заметно посерьезнели. И Филя Беркович, и Неон Арманд, и Эрик Пырьев. Еще бы – впереди выпускной год, сложные экзамены и поступление в вузы!

Реакция педагогов на мое появление была куда более сдержанной. Марка нашей школы № 7 была очень высокой, коллектив учителей подобрался соответствующий, и появле-

ние в десятом классе ученика, проучившегося два с половиной года на стороне их, естественно, настораживало. Опытным педагогам, особенно по математике и физике, потребовалось чуть больше месяца, чтобы убедиться в недостаточном уровне знаний по их предметам. Сказался более низкий уровень обучения в берлинской школе. В моем дневнике появились несколько троек и даже одна двойка по физике!

Уже в середине октября меня вызвали к директору. Его все мы немного побаивались, зная строгие требования и к знаниям, и к внешнему виду учеников. Я был не один. Так случилось, что в моем классе оказался еще один мальчик из Германии, Игорь Александров. Он жил с родителями и учился не в Берлине, поэтому его «успехи», вероятно, были еще хуже моих. Ясно было, что хорошего ждать было нечего, но того, что произошло дальше, я никак не ожидал.

«Ребята», – неожиданно миролюбиво начал свою речь директор. «Вы сами убедились, как трудно вам пришлось. Я желаю вам только добра. Лучше будет остаться еще на годик в девятом. Мы вас подтянем, легче будет в десятом, а там, глядишь, и на медали пойдете!». Улыбка на его лице была по-настоящему искренней.

Клянусь, эти слова меня просто возмутили. Кровь бросилась в лицо. Как, мне на второй год? Видимо, моя реакция была настолько выразительной, что директор посуровел. Тон его речи резко изменился. «Я не имею права отчислить вас сейчас. Но предупреждаю, если будете хватать одни двойки,

вопрос решится сам собой. Выбор за вами!»

Мальчик Игорь сказал, что посоветуется с родителями. Я же, не задумываясь, может быть даже излишне резко, отчеканил: «Даю слово догнать ребят по всем предметам и исправить все плохие отметки!». В итоге Игорь все же остался на второй год. Я же не только сдержал свое слово, но и почти вышел на медаль! Не получил ее только из-за низких отметок в первой четверти. А мое выпускное сочинение по русскому языку даже было отправлено на городской конкурс!

Но зато уж заниматься пришлось действительно много и упорно. Делать уроки дома было удобно. С бабушкой мы замечательно ладили. Она всячески ухаживала ха мной, вкусно кормила, а иногда и помогала – даром же была выпускницей института благородных девиц. Конечно, я продолжал ходить в библиотеки, брал вспомогательную литературу. С удовольствием разбирал задачи из «Занимательной физики» Перельмана.

Времени на прогулки почти не оставалось. В классе общение наше было активным, а вот вне школы мы почти не встречались. Не только я, но и мои товарищи занимались очень серьезно. Кроме того, за успеваемостью следили не только учителя. В нашей школе была сильная комсомольская организация. Мы обсуждали своих неуспевающих товарищей на собраниях, поручали отличникам помогать отстающим.

Отвлекаться на вечеринки не приходилось еще потому,

что сказывался факт отдельного обучения – без девочек компании как-то не складывались.

Тем не менее, ко мне как-то подошел не очень знакомый мальчик из параллельного десятого. Я от ребят знал его имя – Эдик, и то, что он организовал самостоятельный кружок любителей театра. «Володь!» – обратился он ко мне, «ты не хотел бы заглянуть к нам?»

Он назвал адрес и время. Я подумал: «А почему бы не познакомиться?», и ответил согласием, не заинтересовавшись мотивами приглашения. Через неделю я входил в квартиру своего нового знакомого. Увы, довольно скоро я понял, что я здесь совсем чужой. Собравшиеся юноши и девушки «болели» театром, и разговоры шли только на эту тему. Многие собирались поступать в театральные вузы, Эдик держался вожаком – он мечтал о режиссуре. Обсуждались пьесы, постановки, роли, актеры... Зачем он пригласил меня, я так и не разобрался. Может быть, хотел познакомить с кем-либо из чуточку экзальтированных девиц, будущих актрис? Не знаю. Мне было не интересно, и я отклонялся. Не исключая, что мое равнодушие к театру (отнюдь не похвальное, кстати!) укрепилось и после этого эпизода.

Новый год мы встречали с бабушкой. А второго января я поторопился к колоннам Большого театра. «Наших» берлинцев собралось немного. Многие еще остались оканчивать школу в Берлине. Но Володар пришел! Рассказал, что успешно прошел собеседование (это при серебряной медали-то!) и

принят в МГУ. Было очень холодно, и немного постояв, мы разошлись, договорившись о летней встрече у него дома.

Быстро промелькнули зимние каникулы. В моем дневнике теперь были только четверки и пятерки. Сказались результаты плотных занятий. Ближе к маю пришла пора принимать решение о поступлении в институт. К этому времени выбор будущей профессии я сузил до предела. Либо архитектор, либо строитель. Что лежало тогда в основе моего решения, я могу объяснить лишь приблизительно.

Вообще, с проблемой выбора человек сталкивается всю жизнь. От сиюминутных пустяков до серьезных решений, меняющих жизнь. К числу таких, порой судьбоносных, (я не преувеличиваю) относится и выбор профессии. Нет большего наказания, чем нелюбимая работа. Ошибка в выборе будущей специальности грозит обернуться неудачей всей жизни – карьеры, творческого роста, здоровья, наконец.

Неповторимая человеческая индивидуальность должна выразить себя в творческом труде, где под словом «творчество» надо подразумевать любовь к своей профессии. Максим Горький как-то точно заметил, что творчество – главное в жизни человека. Он говорил: «Человек рождается для творчества». Причем, под творческой работой он понимал не только труд писателя, художника или артиста, но и деятельность любого мастера своего дела, будь он плотником, токарем или педагогом. То, что приносит человеку сознание нужности обществу, самоуважение и успех. А этого не может

быть без правильного выбора сферы его деятельности. Угадать здесь очень трудно, ошибиться легко. Особенно молодому человеку, не имеющему пока необходимого жизненного опыта. Что может повлиять на его выбор? Семья, воспитание, наследственность, советы окружающих, текущая «мода» на ту или иную профессию? Или все, вместе взятое? И задумываться над тем, кем ты хочешь стать, желательно не в выпускном классе, а до того.

В моем случае выбор сформировался раньше и вполне самостоятельно. Думаю, свою роль сыграли военные годы моего детства, сильная помощь отцу и маме, какое-то чувство нужности созидательной и творческой работы в жизни. Но не только. Я уверен, большое значение имела интуиция (позднелатинское *intuitio* – созерцание).

Вот определение Философского словаря: «Интуиция – способность непосредственного постижения истины, минуя опыт и логические рассуждения». Но есть еще многочисленные эзотерические толкования понятия «интуиция». Попросту – интуиция, это некая «подсказка оттуда». Некий внутренний голос вашего «ангела-хранителя». Но чтобы его услышать, надо не только быть готовым к этому, но и заслужить эту подсказку трудом и упорством. Должно быть, я отвечал этим условиям. Так или иначе, я никогда не раскаивался в своем решении. Смело могу сказать, что афоризм «Если ты делаешь то, что любишь – ты свободный человек, а если любишь, что делаешь – счастливый человек» это про

меня.

Думая о профессии, в первую очередь я мечтал об архитектуре, этой «застывшей музыке камня». Сказалось увлечение историей древнегреческой и более поздней европейской архитектуры, чтение книг об архитектурных стилях, о работах русских и советских зодчих. Помните, как у Маркса: «Самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что свое творение он видит в голове». Нарисовать, начертить, чтобы потом воплотить свое решение в материале. Что может быть прекраснее!

По полученной мною информации, конкурс в Московский архитектурный институт был высоким. Но меня останавливало даже не это. Одним, если не самым важным из вступительных экзаменов считался рисунок. Преимущество было у тех абитуриентов, которые посещали подготовительные курсы, или брали наставников по рисунку, часто из преподавателей этого вуза. Не имея ни того, ни другого, я сильно рисковал провалиться и потерять год. Отказываться от своей мечты было тяжело, но пришлось. Утешением служило то, что с древнегреческого слово «архитектор» переводится, как «старший строитель». Значит – строитель. Значит – МИСИ – Московский инженерно-строительный институт имени В. В. Куйбышева. Согласно справочнику, среди его факультетов был факультет «Городского строительства и хозяйства», имевший, как мне удалось выяснить, большее отношение к архитектуре, нежели все остальные. Не случайно впослед-

ствии, уже после окончания мною учебы, он был переименован в факультет «Градостроительство».

Ведь в чем, в сущности, предмет творчества архитектора? Он должен не просто создать среду для осуществления определенной деятельности человека, но и придать ей некие эстетические качества. Покинув пещеру, первобытный человек нуждался в жилище, способном защитить его от непогоды и нападения врагов. И если первоначально дома были примитивны, то постепенно их внешний вид и интерьеры усложнялись и облагораживались. А храмы? Здесь на архитекторов ложилась особая ответственность. Простые формы конструкций (колонн, балок, перекрытий) требовали усложнения. Возникло понятие пропорциональности. Появились декоративные элементы. Достаточно вспомнить величественный Карнакский храм на Ниле, в Египте, а позднее Парфенон в Афинах и церковь «Покрова на рву» (собор Василия Блаженного в Москве). А роскошные дворцы средних веков и эпохи возрождения? О современной архитектуре я уже не говорю. Фантастические формы сооружений стали возможны благодаря появлению уникальных материалов и точнейших расчетов прочности конструкций.

Но причем здесь градостроительство? С давних времен и до наших дней те же архитекторы возглавляли коллективы, в которых разрабатывались проекты населенных пунктов. Только вместо расчетчиков конструкций рядом с ними трудились инженеры других специальностей. Градостро-

ительное проектирование – командная работа. В ходе которой решаются вопросы взаимного положения на местности различных, как мы теперь говорим, функциональных зон поселений, но кроме этого и коммунальные проблемы: организация движения транспорта, подача воды, отвод стоков, защита от наводнений и т. д. Сейчас весь этот комплекс вопросов и составляет предмет деятельности, называемой градостроительством. Я отдал ей более сорока счастливых лет жизни.

Будущее показало, насколько удачным оказался мой интуитивный выбор. Работая в системе советского градостроительного проектирования, я состоялся в этой профессии. Любил ее за творческую составляющую, подвижный образ жизни, возможность трудиться в коллективе таких же увлеченных и интересных людей. А что до понятия «судьба», то как иначе объяснить многое из других поворотных моментов и событий в моей жизни? И с точки зрения простого выживания («индивидуальные заплывы» по Черному морю в 5 и реке Урал в 10 лет), и по сложившийся в целом линии жизни? О роли судьбы можно встретить много высказываний известных людей. Приведу лишь одну цитату: «конечно, я не перечил судьбе, но она меня вела...» Е. М.Примаков.

Но вернемся в май 1949 года. Выпускные экзамены прошли на удивление легко и быстро. В моем аттестате зрелости только две четверки – по математике и физике. Выпускные вечера в ту пору были скромными, может быть по-

этому я свой и не запомнил. Говорили между собой, в основном о том, кто куда подает документы. А дальше случилось так, что все ребята моего десятого «А» разошлись, разбежались и (!) потерялись на просторах высшего образования и работы... Увы, но я больше никого из них не встречал в жизни. И встреч бывших выпускников 49 года никто не устраивал. Здание же школы же нашей № 7, как я уже говорил, в 1958 году попало под снос. Ее участок понадобился при строительстве нового корпуса посольства Франции. Сама школа вместе с коллективом педагогов и своими славными традициями была переведена в новую по тем временам часть Ленинского района Москвы, на улицу Крупской, 17. Где и успешно функционирует по сей день.

За всеми учебными заботами я как-то позабыл о своих сердечных делах. Приятной неожиданностью стало письмо от Бэлы из Риги. Она подтверждала приглашение в гости после сдачи вступительных экзаменов. Но для начала нужно было сдать документы в МИСИ и узнать о посещении подготовительных занятий. Тогда институт располагался в историческом районе Москвы, на Разгуляе, занимая старинный особняк графа Мусина-Пушкина. Он стоит на перекрестке Басманных и Спартаковской улиц, Слева, на уровне второго этажа и ныне виден странный знак. Поговаривали, что он означал принадлежность графа к масонскому ордену. Но на самом деле некогда это были солнечные часы. Об этом, как и о всей истории здания я узнал позднее, а пока что, волну-

ясь входил в дом, которому предстояло стать мне родным на долгие восемь лет. В приемной комиссии, сдав документы, я получил расписание вступительных экзаменов и консультаций. Так случайно вышло, что необходимый при поступлении экзамен по немецкому языку был последним.

Мне показалось это добрым знаком – в своих знаниях языка я не сомневался. Когда на собеседовании мы с преподавателем немного побеседовали на немецком (я рассказывал и отвечал на вопросы о Берлине и Германии), она настолько расположилась ко мне, что сказала: «Знаете, молодой человек, не будем тратить ваше и мое время. Не приходите вообще на мой экзамен. Я вам поставлю пятерку заочно». Сердечно поблагодарив милую женщину, я обрадовался неожиданно полученным дополнительным свободным дням до начала занятий, нагло не сомневаясь в успехе сдачи остальных предметов. К счастью, я не ошибся. Остальные экзамены были сданы на «отлично», что обеспечило мне необходимые для поступления проходные баллы. Теперь можно было подумать о поездке в Ригу.

Мальчишка! Мне, наивному, тогда и в голову не приходило, как могут воспринять ее родители мое появление в их доме. Кто я? Даже если Бэла рассказывала им о нашем знакомстве, в каком качестве я появлюсь? В 17 лет приехать просить руки дочери вроде бы рано. Да у меня и в мыслях подобного не было. Просто хотелось увидиться с Бэлой, не задумываясь, что будет дальше. Остановиться я уже не мог.

Небольшие деньги на поездку у меня были, причем с юношеской непосредственностью я не задумывался о гостинице. «В гости!». Мудрая моя бабушка понимала, что остановить меня уже нельзя. «Смотри только, не натвори там глупостей», – сказала она. «Помни мою любимую поговорку: Ходит птичка весело по тропинке бедствий, не предвидя для себя никаких последствий». Как в воду глядела!

Поезд пришел в Ригу утром. О точном времени приезда я не сообщил, Бэла ждала меня дома. В те годы обстановка в городе была совершенно спокойной. Русская речь воспринималась латышами нормально, никто не кривился и не делал вид, что не понимает по-русски. Мне объяснили, как добраться до нужной улицы. Это был самый центр Риги, недалеко от старого города. Квартира родителей Бэлы располагалась в солидном доме буржуазной архитектуры и оказалась большой и хорошо обставленной. Дверь открыла моя Бэла, покраснев и протянув мне руку. Вышла мама, со вкусом одетая, ухоженная, невысокого роста. Оценивающе присмотрелась и пригласила пройти. Видимо, я ей все же понравился, потому что приняли меня в этой семье очень тепло и просто. Узнав, что я не позаботился о гостинице, мама сказала: «Господи, о чем речь! Уложим тебя спать на диване в гостиной. А сейчас, дети, идемте обедать.». После обеда мы с Бэлой пошли гулять. Мы болтали, смеялись, она показывала мне старую Ригу: Домский собор, Пороховую башню и другие исторические здания. Наверное, я так увлекся экскурси-

ей, что Бэла надула губки – она ждала большего внимания с моей стороны. «Ладно, завтра поедem на дачу», сказала она, посмотрев на меня со значением.

Утром после завтрака мы в сопровождении мамы оправились на электричке на взморье. Симпатичный одноэтажный домик стоял на опушке соснового лесочка, росшего на песчаном берегу залива. Я тащил два чемодана, дамы несли сумки с продуктами. «Это поселок Мелужи. А там, за лесом, река Лиелупе», объяснила Бэла. Весь день мы гуляли по взморью. В этот день я вел себя более внимательно и даже нежно, один раз даже решившись на робкий поцелуй в щечку. Однако, даже такие знаки внимания казались моей девушке недостаточными. На ее лице опять появилось недовольное выражение. Поужинав, все разошлись по комнатам. Я спал на диване в гостиной, Бэла легла на террасе. Огромная луна глядела в окно прямо на меня. Было тихо-тихо...

Проснулся я рано. Решив, что Бэла и ее мама еще спят, осторожно оделся в спортивный костюм и решил выйти умыться во двор. На цыпочках проходя через террасу, увидел, что Бэла не спит и как-то странно смотрит на меня. Оде-яло на ней слегка откинулось, полуобнажив нежную девичью грудь. Глаза на ее лице казались огромными, они манили к себе. Я задохнулся. Еще миг, и... Не знаю, что произошло в этот момент, но я вдруг ощутил некое колебание воздуха и кто-то невидимый словно шепнул мне: «Не надо. Не делай этого.» Что это было? Споткнувшись, я неловко наклонился,

чмокнул обнаженную руку своей девушки и быстро, не глядя в эти зовущие глаза, выскочил во двор. Наше тогдашнее воспитание не позволяло ничего иного.

Убежал в лес, в сторону речки, сердце колотилось. Слегка придя в себя, понял – надо возвращаться и вести себя просто, как обычно, словно ничего и не было.

За завтраком почувствовал какую-то перемену по отношению ко мне. Бэла сидела бледная, опустив глаза. Ее мама сухо сообщила, что они получили приглашение посетить знакомых в другом городе. Это был намек на то, что мне пора уезжать. Я все понял. Узнав расписание электричек, быстро собрался и, неловко поблагодарив хозяек, ушел на станцию. Мне повезло. Приехав в Ригу, на вокзале сразу взял билет на Москву и вечером уже сидел на боковой скамейке плацкартного вагона.

Никогда в жизни я больше не встречал Бэлу. Только однажды, случайно, от своей сокурсницы, тоже рижанки, узнал, что Бэла учится в сельскохозяйственной академии и собирается замуж. По своей тогдашней наивности я действительно не понял, что мой приезд Бэла, а особенно ее мама, скорее всего, рассматривали, как сватовство. Увы, я не оправдал их надежд. Московский «жених» оказался глупым мальчишкой...

Много раз, вспоминая этот случай, ловил себя на мысли о возможном крутом повороте в жизни, поступи я по-другому. Скорее всего, она не состоялась бы такой интересной,

творческой и принесшей мне полное удовлетворение. И благодарить мне надо не только «нечто», шепнувшее «не надо». Дело было, конечно, не только в мистике. Пусть это прозвучит несколько пафосно, но нравственные критерии нашего взросления были иными.

То время ушло, как уходит все на свете. Тогда базой воспитания молодежи была семья, школа, комсомол. Были книги, кинофильмы. В том числе и в меру эротического содержания. Глупо полагать, что в вопросах отношений между мужчиной и женщиной мы были наивны. Но не было того поистине колоссального объема дополнительной информации, которую принесли ныне телевидение и интернет. Наша физиология была такой же, а вот воспитание отличалось большей «стерильностью», если можно так выразиться. Мы росли без огромного количества «постельных» сцен, которыми явно злоупотребляют режиссеры проходных сериалов на телевидении. В наше время матерные слова писали мальчишки на заборах, теперь – вполне уважаемые авторы в своих книжках. Мы росли без сообщений о гей-парадах и однополых браках. Без утренней, к завтраку, рекламы женских прокладок, «прямого эфира» Малахова и тестов ДНК на всю Россию.

Я пишу об этом вовсе не для того, чтобы сказать «тогда было лучше». Сравнить и давать оценки глупо, ибо остановить технический прогресс и его дочку – информационную революцию – невозможно. Можно только констатиро-

вать возрастающее отставание от него нравственного начала в людях, особенно на Западе. И то, что нынешняя «свобода» нравов, в частности, ослабляет институт семьи. А это уже опасно.

Но я отвлекся от своей истории. Бабушка очень обрадовалась, увидев меня здоровым и невредимым. Узнав о моем досрочном отъезде из Риги, воскликнула: «Слава Богу, ты не наделал никаких глупостей», хотя я в деталях ничего ей не рассказал. Почувствовала.

Золотая моя бабушка! С удовольствием слушала мои рассказы о Риге и взморье. До первого сентября оставались еще несколько дней.

Созвонившись, с Володаром, получил приглашение приехать к нему домой. На следующий день он познакомил меня со своими родителями. Жили они в коммунальной квартире первого этажа дома в Первом Коптельском переулке, что возле института Склифосовского. Володар уже сдал экзамены за первый курс мехмата и давал мне советы, как лучше организовать свою самостоятельную жизнь студента. Уже не школа!

Тогда разговор за столом получился кратким. Много позднее, незадолго до своего ухода, Володар написал книгу «Страницы жизни». Из нее я узнал, какой интересной была жизнь его отца. Что же до жизни самого моего товарища, то вся она прошла на моих глазах. По окончании МГУ он преподавал в Московском текстильном институте. Защи-

тил кандидатскую диссертацию, но вынужден был оставить преподавание из-за слабости горла. Нашел себя в сочинении научно-фантастических рассказов, но особенно в журналистике. Много и интересно работал в журналах «Квант» и «Наука и Жизнь». С его подачи в этом журнале появился мой первый литературный опыт – небольшая статья «Человек и город». Еще молодыми мы с нашими женами совершали небольшие путешествия по Подмоскovie на первых тогда частных автомобилях «Москвич 401». Позднее мы виделись уже не так часто. Последние годы жизни, уже выйдя на пенсию, Володар проводил время дома, работая над статьями и своей книжкой. Доходов кроме пенсии у него почти не было, жил он более чем скромно. Выпустить его воспоминания помогли друзья, и я в их числе. В скромной нише колумбария на кладбище бывшего московского крематория две урны и два портрета – Володара и его отца. По счастливой случайности это место оказалось буквально рядом с могилой моего папы. Регулярно посещая ее, кладу цветы своему отцу и Лишевским.

За несколько дней до начала занятий, выходя из дома, я столкнулся с девушкой Лидой. Внимание ее ко мне прочиталось на этот раз очень уж явно. «А ты не хочешь зайти, посмотреть как мы устроились?» Впечатления от поездки в Ригу были еще совсем свежи, и я вежливо отказался. Лида не сдавалась. «Смотри, какая погода! Давай сходим в Парк Горького?» Вспоминаю об этой прогулке с улыбкой, насколько-

ко нелепо мы выглядели, как пара. Сходив домой, моя барышня переделалась во все броское. Узнав, что у меня есть модный по тому времени белый шейный шарфик, уговорила его натянуть. Выше меня на полголовы, нежно держа под руку своего щуплого кавалера, гордо посматривала вокруг: «Какова я!». И хотя я страшно смущался, Лида посчитала свой план выполненным.

Напрасно. Впереди у меня был институт.

Краткое послесловие

Хорошо известно, что многое, если не все, в характер человека закладывается в детстве.

В моем случае это подтвердилось полностью. Не только внешние обстоятельства, но и события, сопровождавшие жизнь моей семьи в период моего детства и начального взросления, оказали, как мне представляется, самое непосредственное влияние не только на характер. Они во многом выработали главные принципы поведения во всей последующей жизни. В отношении к своим гражданским обязанностям, самодисциплине, вкусам и привычкам.

Это дает мне повод еще раз вспомнить с глубокой благодарностью своих родных. Бабушку Людмилу Константиновну, прожившую сложную, сломанную революцией жизнь, и сохранившую несмотря на это большое доброе сердце. Кланяюсь ей за все тепло, которое она мне отдавала долгие военные годы.

Своих родителей – маму, Елену Васильевну Гусеву и отца, Георгия Анатольевича Фалеева, воспитавших во мне в эти сложные и тяжелые порой годы самые лучшие человеческие качества. Прежде всего – любовь к своей Родине, честность, порядочность, понятие доброты и справедливости, и, конечно, любовь к труду, как основе всего в жизни.

Пусть эти небольшие очерки будут им скромным памят-

НИКОМ.

Часть вторая

Стихи разных лет

Глава первая, в которой автор говорит о Поэзии, вспоминает первые опыты стихосложения и рассказывает об обстоятельствах, их сопровождавших

Прежде чем приступить к рассказу о первых опытах стихосложения, я прошу разрешения читателей на короткое, но важное предисловие. Те, кто посчитают мои дальнейшие рассуждения лишней частью книги, могут их просто опустить. Однако, я хотел бы все же пояснить свое отношение к Поэзии.

Не пугайтесь. Лекции по литературоведению не будет. Не только потому, что я дилетант и могу судить о поэзии лишь непрофессионально и субъективно. В конце-концов вы получили сборник моих стихов, а не учебник по литературе. Просто мне хочется коротко высказать свое отношение к Поэзии с большой буквы – сияющей вершине творческого ге-

ния человечества.

О поэзии написаны сотни томов. Само поэтическое наследие огромно. Несмотря на очевидную субъективность оценок, вряд ли все же можно усомниться в существовании неких общих подходов к познанию одного из чудес человеческой мысли – Поэзии.

Поскольку я не ставил перед собой и вами задачи анализа многочисленных литературных источников, ограничусь лишь немногими ссылками на известных и уважаемых мною авторов, добавив к ним кое-какие собственные суждения.

Любопытна этимология слов «поэзия» и «проза». В древнегреческом «поэзия» было производным от глагола «делаю», «творю», тогда как «проза» восходила к понятию «простота». Иными словами, уже тогда люди чувствовали разницу между простой устной речью и речью усложненной – стихотворной. Более того, древние эллины отличали разные виды поэзии и называли их покровительницами нескольких муз. Эвтерпа (прекрасноголосая) считалась музой лирической поэзии, тогда как Каллиопа – эпической, а Эрато – любовной.

Познавательная википедия DAZ.SU дает такое определение поэзии: «Поэзия – особый способ организации речи: привнесение в речь дополнительной меры (измерения), не определенной потребностями обыденного языка: словесное художественное творчество, преимущественно стихотворное. Дополнительной мерой речи является стих (стихо-

творная строка), а также рифмы, метр и проч.»

Интересно, что у писателя и критика М. И. Веллера я также наткнулся на двоякое толкование поэзии. Первое можно назвать научным, с точки зрения действия описываемого автором «закона всемирного структурирования» (М. Веллер, «Перпендикуляр», изд. «АСТ», Москва, 2008 г., стр. 156–164). Он пишет: «Из слов, которые в языке стоят беспорядочно, поэт методом организации создает такие вербальные конструкции, где присутствует ритм, присутствует рифма и присутствует размер. И получаются ритмованные, мелодичные стихи, которые не существуют в простой речи. Это классический пример АНТИЭНТРОПИЙНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ХУДОЖНИКА НА ЯЗЫК» (выделено автором цитаты – В. Ф.) Поясню, что «антиэнтропийный» означает более упорядоченный, более структурированный текст. Это, так сказать, «поверка алгеброй гармонии», то, что Пушкин приписывал Сальери. Но тут же М. Веллер пишет о поэзии совсем другое.

«А то, что литература может быть совершенно бесполезна вне нас, в окружающей жизни, и ничего не изменять в окружающей жизни, имеет для нас небольшое значение или вовсе никакого. Потому что она живет в том самом Бытие-внутри-нас, которое и является культурой». И еще. «Художник создает миры внутри нас – а потом оказывается вдруг, что рушатся реальные миры, а вот эти вымышленные продолжают жить. Давным-давно нет Древней Греции, а еще додрев-

няя, вот та самая ахейская – это вам Гомер, вот вам «Илиада», и вот вам «Одиссея», до сих пор ее читают...».

Так (я сократил цитату) пишет М.Веллер о роли иместе литературы вообще и поэзии в частности в мировой культуре.

А вот изумительные по точности и эмоциональной силе слова моего любимейшего Константина Георгиевича Паустовского. «Я читал подряд и выучивал наизусть всех поэтов, книги которых брал в библиотеке. Меня покоряла музыка стихов. Только в стихах раскрывалось до предела певучее богатство русского языка. В стихах слова звучали как бы наново, как бы только что найденные и сказанные впервые. Я бывал потрясен их точностью, выразительной силой и блеском»...

«Я был окружен толпой поэтов. Я беседовал с ними. У меня кружилась голова от множества их мыслей и образов, литых и драгоценных»...

«Все окружающее я видел сквозь прозрачное вещество стихов. Сначала мне казалось, что это окружающее приобретало иной раз от прикосновения поэзии то содержание, которого в нем не было, приобретало преувеличенный блеск. Но это было не так. Ни тогда, ни сейчас я ни на минуту не жалею о своей юношеской одержимостью поэзией. Потому что знаю, что поэзия – это жизнь, доведенная до полного выражения, раскрытие мира во всей его глубине, трудно охватываемой нашим ленивым взглядом». (К.Г.Паустовский, Собр.

соч., М, изд. «Художественная литература», 1982 г., том 4 «Повесть о жизни», стр. 473.

Сказано превосходно. Обратите внимание на фразу, что «в стихах слова звучали как бы наново». От себя добавлю о чудесной особенности истинной поэзии говорить предельно сжато о вещах привычных, но с неожиданных сторон.

Есть в психологии так называемый «тест Роршаха». Испытуемому показывают картинку с хаотически разбросанными пятнами разных очертаний и размеров, и предлагают разглядеть в этом хаосе нечто осмысленное. Лицо, фигуру, или предмет. То же происходит и в поэзии. Во множестве хотя и знакомых, но причудливо сочетающихся картинок жизни, впечатлений, поэт способен уловить некие закономерности более высокого порядка и сказать о них обычными словами, но в необычном сочетании этих слов. Примеров можно привести несть числа, но ограничусь одним: «Под каждым беретом, ушанкой, сомбреро безмерности мира отдельная мера...» Это Евгений Евтушенко. Безмерности мира! А?

Закончу мысли о поэзии цитатой из знаменитого словаря В. И. Даля: «ПОЭЗИЯ – изящество в письменности; все художественное, духовно и нравственно прекрасное, выраженное словами, и притом более мерной речью. Поэзией, отвлеченно, зовут изящество, красоту, как свойство, качество, не выраженное на словах...» и т. д.

Поэтому не все, что рифмовано, поэзия. Реклама, например. В лучшем случае ремесленничество, в худшем – про-

фанация и пошлость.

Давайте любить Поэзию! В нашей жизни так ее не хватает!
Давайте любить, ценить и хранить наш родной русский язык:

На горизонте леса дальнего простую красоту
Чуть тронул луч заката вдруг прощальным поцелуем.
Как редко нынче можно встретить Доброту:
Мир стал жесток и злобно предсказуем...

Теме добра и любви посвящены многие другие мои стихи, Впрочем, вы убедитесь в этом сами, как и в том, насколько они соответствуют вашим представлениям о поэзии.

Несколько слов о языке моих стихотворений. Я стараюсь следовать примеру великих предков, избегая модных словечек и оборотов. Наблюдаемое ныне, особенно в социальных сетях, издевательство над «великим и могучим» не только ужасно огорчает, но и настораживает.

О каком патриотизме, о какой любви к Родине можно говорить, если мы не уважаем и не любим свой собственный, такой прекрасный, удивительно точный, тонкий в оттенках, такой потрясающе выразительный русский язык! Я резкий противник упрощения нашей речи, особенно ее тупого «англизирования». Конечно, в каких-то разумных пределах без этого обойтись нельзя, в специальной терминологии, например. Но совершенно неоправданным выглядит увлечение в последнее время чужими и неблагозвучными для русского уха терминами вроде «мерчендайзеров», «квестов», и про-

чих «лайфхаков». Или прилипчивая манера «красивости» в названиях самых обычных предприятий быта, в наименованиях магазинов. В свое время над подобным смеялись еще Ильф и Петров, помните – «извозчичья чайная «Версаль». Каждая лавчонка теперь не иначе, как «минимаркет»!

Во Франции действует великолепный закон о защите родного французского языка. За использование в названии торговых предприятий иностранных слов надо платить приличный налог, а то и вовсе огромный штраф! Если уж мы завистливо смотрим на Запад, отчего не последовать за Францией? Теперь, после принятия поправок к Конституции РФ, в том числе о статусе русского языка, остается уповать на здравый смысл наших депутатов и повышение уровня образования молодежи. А также на великую силу самого великого и могучего русского языка!

И еще. Я не смею называть себя поэтом. Но мои стихи написаны не по чьему-то заказу. Они совершенно искренние. Они – отражение моего видения мира и моей души.

А теперь о том, с чего все начиналось. Первые опыты написания неких рифмованных текстов относятся к тому удивительному периоду культурной жизни СССР, когда мы увлекались песнями Юрия Визбора, Булата Окуджавы, Высоцкого, слушали джаз и «Битлз» на «костях» – так у нас назывались подпольные грампластинки на рентгеновских

снимках. Впрочем, совпадение было только по времени, не более того. О подражании не было и речи.

Собралась однажды компания молодых интеллигентных пар и возникло желание как-то нестандартно встретить Новый год (кажется, 1959-й). Меня попросили что-нибудь сочинить для домашнего «капустника», и жертвой моей иронии стал кандидат наук физик Орест. Тогда очень популярной была песенка про девушку Тоню и ее незадачливого поклонника («В одном отдаленном районе, двенадцатый дом от угла...»). Поскольку я немного мог себе аккомпанировать на аккордеоне, я решил сохранить мелодию и написать свой текст. Смысл шутки вы уловите сами, поскольку обыгрывалось отсутствие у Ореста автомобиля (у остальных машины были). Получилось вот что.

В одной отдаленной эпохе, где сила царила и крест,
согласно седому преданью жил доблестный рыцарь
Орест.

Имел он жену молодую, был строен, высок и плечист,
но не был Орест, к сожаленью, любитель-автомобилист.
И как-то случилось, братцы, я сам до сих пор не пойму,
доверил Орест покататься с женою дружку своему.
Завел тот мотор кадиллака, доспехи в багаж побросал
и, хлопнувши дверцей небрежно, жену молодую умчал.
Хватился Орест, но уж поздно – растаял бензина дымок,
хотя и ругался он грозно, но слез удержать он не смог.
В любви надо действовать смело, машину иметь самому

И это серьезное дело нельзя доверять никому!

Прости меня, Орест! Шутка получилась не очень доброй (Орест был отнюдь не высок, а напротив небольшого роста и полноват), к тому же довольно скоро с женой они разошлись... Но тогда я сорвал первые аплодисменты, что и подвигло автора на сочинение других шуточных песенок. Тексты их не сохранились, но помню, что они были не такими обидными для адресатов.

А вот с тем, как слово может задеть очень сильно, я и мои сослуживцы по институту Гипрогор столкнулись позже. Спустя несколько лет после первого опыта сочинительства я готовил тексты к «капустнику» для одного из праздничных вечеров (сейчас такие вечера называют корпоративами, но мне почему-то ужасно не нравится это нерусское слово).

Решено было затронуть в выступлении тему давно не ремонтировавшегося паркетного пола в коридоре института. Завхозом тогда был у нас неплохой, в общем, товарищ по фамилии Игнатъев. И вот выходим мы на сцену актового зала и хором поем такие частушки:

Каблучки, эх, стучат и ломаются,
В коридорах народ выражается.
Вспоминает паркетчика и мать его
И хозяйственника, эх, Игнатьева!

В нашем исполнении прозвучало не «Игнатьева», а «эх,

и гнать его»... Директор наш Ян Алексеевич Аир-Бабамян был крут и на эту критику отреагировал... увольнением бедного завхоза! «Что ж ты, Володя, так меня подвел, – упрекал меня Игнатъев, – не ожидал!». С тех пор я понял, что со словом нужно обращаться очень осторожно.

Шло время, сочинялись какие-то еще шуточные и поздравительные стихи. Спустя несколько лет мой брат Павел, окончив институт, получил назначение на работу в одно из советских учреждений в Ираке. Из Багдада он прислал свою фотографию на одном из мостов через реку Тигр. В ответном письме я написал ему следующие строки:

По знойным пескам вавилонской земли
три старых шумера уныло брели.
Присел где устало один наугад,
основан позднее был город Багдад.
Столетия летели, пылили пески,
калифы в гаремы ходили с тоски,
и крик муэдзинов протяжный и звонкий
над городом плыл паутиною тонкой.
По улочкам узким, во мраке сокрытым,
Гарун-ар-Рашид ковылял инкогнито,
изящную вязь прихотливых узоров
чеканщики ловко гранили и споро.
Расплавленным золотом солнце сияло,
купцы предлагали товар свой устало,
и оживлялся тогда только город,
когда все ловили багдадского вора...

Но в веке двадцатом не та уж планета.
За пляской реклам не видны минареты,
и только турист утомленный спешит
седых усыпальниц потрогать гранит.

На площади круглой толпятся машины.
Над древней столицею запах бензина.
Лишь небо, по-прежнему сине и знойно,
в фонтаны дворцовые смотрит спокойно.
Как черные полосы шкуры звериной
над Тигром мосты напружинили спины.
Там в позе небрежной, спиной к мавзолеям
стал – руки в карманы – мой брат П.Фалеев.
Гляжу я на снимок. О, город Багдад!
Такому приезжому, верно, ты рад?
Прости ему молодость, местный народ,
С годами такой недостаток пройдет...
Ложатся на здания синие тени,
Пустеют старинных мечетей ступени.
Багдад засыпает... алейкум салам!
Что в кадр не попало, я выдумал сам.

Тогда мне очень нравилась строчка «и крик муэдзинов протяжный и звонкий над городом плыл паутиною тонкой». Прошли многие годы, мне довелось побывать в нескольких мусульманских странах, и я понял свое заблуждение.

Речитатив священников, который раздается с минаретов в половине пятого утра, хорошо усиленный громкоговорите-

лями, при всем уважении к исламу нельзя назвать «протяжным и звонким». Он гортанен и резок, а потому «плыть» над городом он не может... Но в те времена вообще все заграничное несло на себе отпечаток тайны и привлекательности. Кто бы мог подумать, что нынешний Багдад будет истерзан войной и терактами и «туристами» там будут американские солдаты! О, tempora, o mores!

Шли – нет, летели годы. Жизнь была заполнена интересной работой, командировками по Союзу и в зарубежные страны (Иран, Швейцария, США. Франция, Болгария, Монголия). происходили перемены в личной жизни. Сочинять приходилось урывками, все больше поздравления. К сожалению, архив тех лет не сохранился.

Приближался конец 80-х, все жили в ожидании перемен. К этому времени в тематике моих стихотворений стали появляться политические мотивы. Да и возраст нет-нет, да и напоминал о себе грустными размышлениями.

Первой из сочинений подобного рода в 1989 году появилась «Песенка о выборе». Песенка, потому что я мурлыкал ее на какую-то собственную мелодию.

Развилки в жизни, что ни час,
Встречаются в пути.
То ль ждать, судьба решит за нас
Иль самому пойти?
Кто сделал выбор – молодец,
Поступок совершил!

А там решай уж, счастья жнец,
Прав ты, аль согрешил...
Мудрец просчитывал ходы,
Смотрел в свой гороскоп.
Дорогу в райские сады
Торил, наморщив лоб.
Простак, надеясь на авось,
Беспечно ел и пил,
Привык работать вкривь и вкось,
На выборы ходил.
Все вместе, обществом, страной
Мы выбрали свой путь.
Он был натянутой струной,
Не сбиться, не свернуть.
Но на вопрос, куда привел
Струны фальшивый звук,
Ответ не даст нам ни осел,
Ни кандидат наук.
Казалось, с каждым каждый шел
В сияющую даль,
А вышло так, что пуст наш стол
И снова бедных жаль...
Судьба опять нам – поворот,
Смятенье и борьба.
Кривится в крике чей-то рот,
Решается судьба.
Знай, сделать выбор самому
Тебе твой долг велит.
Не верь, дружище, никому,

В тебе успех твой скрыт.
Принять решение – и вперед,
И не глядеть назад.
Ведь «смелость города берет»,
В народе говорят.

В это же время решил навсегда покинуть СССР хороший знакомый, мой сослуживец по ЦНИИП градостроительства и Институту реконструкции исторических городов Георгий Фигман. С женой и детьми, продав квартиру и вещи и, чтобы не подводить свое партийное руководство, предварительно уволившись с работы (а тогда порядки были такие!), он уезжал в Америку. Провожали мы его на Белорусском вокзале.

Было грустно – все понимали, что это – навсегда. Через некоторое время пришло первое письмо, из Италии, где был организован некий перевалочный пункт для эмигрантов из СССР, а затем уже из Нью-Йорка, из знаменитого Брайтон Бич. Семья Георгия только-только устраивалась на новом месте, однако первые впечатления у них уже появились.

Уезжали они из Москвы от пустых магазинных прилавков. Неудивительно, что первое, что бросалось нашим людям в глаза «там», было изобилие продуктов и всего прочего. Вот и Георгий в своем письме уронил такую фразу: «Противно просто, что здесь есть все!».

Отправляя ответ в Нью-Йорк, я зацепился за эти слова. Добавил картинку тогдашней нашей московской действительности и, не опасаясь цензуры, написал следующий текст,

который, кстати можно было петь на мотив песенки вагонных нищих «Ай, подайте, подайте, граждáне»:

Дорогие Георгий и Марта!
Вас мне жаль так, что слов не сыскать,
это ж только с большого азарта
из Москвы можно было слинять!
Ведь в Нью-Йорке забот у вас нету,
и противно, что в лавках все есть:
спички, мыло, шампунь, сигареты
и так далее, не перечесать.
А у нас стало все непривычно,
интересно, ети его мать:
два рубля вынь за пачку «Столичных»,
четвертной за коньяк – не достать!
Но зато плюрализзму навалом,
кто в кадеты, а кто на панель.
С нацменьшинствами всюду скандалы,
в частный сыск подается дембель.
Вдруг «Московская правда» евреям
адресует статью про «суккот».
Рядом с Мишей Борис с мавзолея
с Октябрем поздравляет народ.
Шоколад и штаны – по визиткам.
Секс-журналы – пока за рубли.
Нет, на время не делайте скидку:
мы себя уберечь не смогли.
От политики мы не в восторге,
а хозяйствовать навыка нет.

Довели нас до ручки парторги
и до боли родной партбилет.
Вышло так, что большая нам клизьма:
за бугром-то, кажись, не бардак.
Как уж кляли с позиций марксизма,
присмотрелися – вовсе не так!
Все газеты об этом талдычат,
только толку – что мертвому йод.
Депутаты в собраниях курлычат,
осчастливить пытаясь народ.
Москвичам предлагают квартиры
передать, если в норме метраж.
Вновь почтенье церковному клиру,
сняты льготы за длинный партстаж.
Молодежь понимает все «круто»,
«бизнесменов», как вшей, развелось.
Двадцать пять к одному курс валюты,
дружба дружбой, а денежки врозь.
Кто честнее, тот рвется к работе,
кто ленивей, тот глотку дерет,
но у всех лишь одна счас забота —
как достать, чтобы кинуть что в рот...
Все ж на фоне таких катаклизмов
оптимизм сохраняет народ —
нам бы скинуть ярмо «коммунизма»,
снова солнце над нами взойдет.
Если собственность частною будет,
если рынка законы введем —
будут сыты и радостны люди,

станет светлым российский наш дом.
Но беда – нерешительность наша.
Знать кому-то разруха – бальзам.
Может статься, заварится каша
и вообще полетит все к чертям!

Дорогие мои эмигранты!
Пусть вам будет «противно» и впредь:
вам Америка – дом, нам же – фантом,
наша доля – с Россией терпеть,
строить счастье детей на обломках
жизни страшной, как эксперимент.
Нет, не кинут в нас камень потомки,
что мы свой упустили момент.
Только надо работать до пота —
будет все у нас, как у людей.
Деловых нам побольше охота.
бюрократов – поменьше, б...й!

Перечитываю эти строки сейчас и хохочу! Как мы верили тогда в хорошее!

Я не буду долго останавливаться на политике, скажу только одно: в те годы Россия (это сугубо мое мнение) оказалась не готовой к столь резкому переходу от недостроенного социализма к рыночной экономике. Засилье чиновников-бюрократов и жуликов мешало развитию и экономики и нормального гражданского общества. Если в странах Европы капитализм формировался постепенно, и его сопро-

вождало врожденное уважение к закону, то Россия сразу же после так называемого развитого социализма с его государственной собственностью на средства производства и отвращением людей от труда «на себя» впала в самый настоящий «дикий» капитализм. Не желая расставаться с присвоенными в период «лихих девяностых» плодами тяжелейших усилий всего советского народа, бандиты и новоиспеченные миллиардеры-олигархи превратили частную собственность в некую «священную корову». Власть шла у них на поводу...

Видимо, под влиянием подобных мыслей я написал:

Мы верим в добро, в справедливость и власть
Мы эту верой накушались всласть.
Ты можешь сто раз обойти всю планету,
Чтоб точно понять – справедливости нету.
И сколько какой бы и ни было власти —
От власти народу одни лишь напасти.
Везде, к сожаленью, порядок зловещий,
Что власть и народ – это разные вещи.

Что же до наших эмигрантов, то связь с ними мы – увы! – потеряли.

А тем временем приближался ответственный момент жизни. Подходил пенсионный возраст. Постепенно в голове начинали шевелиться мысли о времени, неясном будущем, об уходящих годах.

Тогда было написано первое «пенсионное» стихотворе-

ние.

С беспечных юных лет мы все, конечно, знаем,
что этот день когда-нибудь придет.

Но, старше становясь, отодвигаем
мы в мыслях грустный юбилейный год.
Законы жизни объективны, но суровы —
есть в каждом возрасте и радости и боль,
поэтому должны мы быть готовы
спокойно взять себе пенсионеров роль,
чтобы продолжить труд и путь привычный,
с запасом мудрости, но силы сохранив,
храня фигуру, с выправкой отличной,
привычки побеждать не позабыв.

На фоне наших грустных катаклизмов
такой пенсионер (в кавычках!) просто клад,
ведь это он дорогу к коммунизму
прокладывал вперед, идя назад.

Мы и теперь не старики и не обуза,
подумаешь, нам стало шестьдесят...

Упорством, мужеством и оптимизма грузом
за это годы нас благодарят.

Одной из наших знакомых, очень переживавшей приближение «рокового» возраста написал вот такой текст:

Малоимущий, слабо защищенный,
усилен Вами хилый контингент.

Союз гордится Вами обновленный,¹
Вы встали в строй в ответственный момент.
Пополнивши ряды пенсионеров,
Вы на зарплату снизили нажим.
Поступок Ваш больших Вам стоил нервов,
но стал зато «собес» Вам не чужим.
Смекалкой русской мы не оскудели,
И Вы туда ж: а как же дальше жить?
Без дела плохо. Надо быть при деле,
спешить на «рынок» во всю прыть.
На политической платформе демократов
Вы яйценоскость взялись повышать,
махнув рукой на сил и средств затраты.
Спасибо, Инна Вам, курица мать!
Ваш вклад в спасенье дела перестройки
Оценят люди, куры и Госплан.
Так будьте ж, Инна, дерзостной и стойкой!
Позвольте мне поднять за Вас стакан!

Кое-что требуется пояснить. В лихие 90-е многие интеллигенты (Инна – кандидат наук), чтобы выжить, пытались организовывать кооперативы или пробиваться на рынок самостоятельно. Выйдя на пенсию, Инна пыталась у себя на даче разводить кур и продавать яйца и курятину. Но вскоре, как говорится, погорела и бросила...

Размышляя о возрасте, я написал следующие строки:

¹ СНГ. – прим. авт.

Я был бы фальшив и неискренен где-то,
когда б уверял, что зима лучше лета,
что ржавая баржа красивее шхуны,
что возраст почтенный приятней, чем юный.
Слукавил бы я, коль доказывать взялся,
что старости в жизни никто не боялся...
Но можно быть старым уже в девятнадцать,
а можно и в семьдесят юным остаться.
Не в паспорте – в сердце наш возраст указан:
душа зачерствеет – стареем мы сразу.
Нас делают дряхлыми зависть и злоба,
нас жадность скорее доводит до гроба.
Мы старость свою отодвинуть сумеем,
улыбкой сразивши угрюмости змея.
Активности жизненной сила – в движенье,
В труде, чтоб был в радость, в любовном волненьи
Секрет в доброте и открытости взгляда,
И молодость будет тогда вам наградой.
Я был бы фальшив и неискренен где-то,
Когда бы стихи не прочел вам про это.

Как вы сможете убедиться сами, читая стихи этого сборника, впервые прозвучавшая тогда тема веры в силу добра впоследствии будет часто встречаться в моих мыслях и строчках.

Удивительно, но перешагнув шестидесятилетний рубеж, я стал сочинять все больше и больше. Записывать свои мысли, или, как я их называю, «внутренние монологи» я начал ре-

гулярно. Менялась жизнь, менялись формы собственности, гигантский скачок совершила техника, мир вступил в эпоху Интернета – все это порождало мысли о ножницах прогресса – я имею в виду разрыв между техническими возможностями человечества и его нравственной заторможенностью, если не сказать – отсталостью.

Однако было бы ошибкой полагать, что автор ограничил круг своих тем мировой скорбью о несовершенстве человеческого муравейника.

Продолжалась жизнь, работа, рядом была удивительная, необыкновенная, любимая женщина – моя жена Светочка (ей посвящен отдельный блок стихотворений, включенный в главу 6 книги). Хотелось писать о природе, радости, хотелось шутить, наконец, надо было многих и многих поздравлять, вот и копились стихи. Их-то я и включил тогда в свой сборник. Так что большинство помещенных здесь стихотворений были написаны в 1991–2012 годы.

С тех пор у меня накопилось немало новых стихов, навеянных мыслями о течении жизни, посвященных друзьям и, конечно, ряду политических событий в жизни России.

Буду рад часть из них отдать на ваш суд.

Но самое важное – в эти годы, как никогда, я осознал главное для себя: надо быть нужным людям. Поэтому моим девизом навсегда стали следующие слова:

Не дай Бог быть

не нужным никому,
лишь самому себе
Величиной казаться.

Лишь только тот
по жизни может состояться,
кто пользу людям принесет
по сердцу и уму.

А теперь позвольте мне пригласить вас к стихам.

Глава вторая, в которой автор знакомит читателя со своими «внутренними монологами»

*«Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет».*

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

«Как у всех пишущих, лицо у него было скорбное».

И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»

Меня иногда спрашивают: «как это Вы сочиняете стихи?». Скорее всего, у каждого пишущего найдется свой ответ на этот каверзный вопрос. Мне же однажды в голову пришли такие строчки:

Стихи рождаются тогда,
когда душа молчать не может,
когда покой ее тревожит
еще неясная тоска,
что станет ощутимой позже...

Стихи приходят как бы сами,
вне жизни повседневной ритма.

Бег мысли сдерживает рифма
в минорной иль мажорной гамме.
Тот, чье присутствие незримо,
твоими говорит словами.

Стихи никем не прочтены.
Они еще молчат для слуха.
И только сердце бьется глухо:
важны они иль не нужны?

В этих строчках есть определенная метафоричность. «Сами» стихи придумать не могут.

Их рождает мысль, питаемая информацией, которая поступает из внешней среды. Стихи – структурированная (см. предисловие) мысль, получившая ритмику, размер и рифму. Но в основе всегда лежит анализ собранной информации, и его эмоциональная авторская оценка. Только так можно выразить свое личное отношение к окружающей действительности.

А вот то, что стихи приходят неожиданно, это правда. Вероятно, происходит нечто вроде процесса внезапной кристаллизации перенасыщенного раствора. «Жидкая» субстанция ощущений и размышлений вдруг отвердевает в строках стихотворения. Не случайно об этом пишет Пушкин: «И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал». Этой теме посвящено и одно из моих стихотворений.

Стихи... ты не владеешь ими сам,
Они оттуда, с неба,
Следы в душе кипящих драм,
Мечты о тех местах, где не был.
А. может, счастья бурный всплеск,
Любовный жар неутоленный,
На волнах солнца яркий блеск,
Что ловит взор твой восхищенный?
В обычной жизни нет стихов.
Все приземлено и не азартно.
Нет необычных мыслей, слов,
Соединенных нестандартно,
Нет рифмы, разума игры,
Простая суть в привычном духе...
Но сердце просится в миры,
Где чувства наши не столь сухи,
Где сквозь причудливую вязь
Блеск интеллекта очарует,
И ты забудешь мира грязь,
Путь к небу разум нарисует.

Немного о темах стихотворений этой главы.

Каждый человек хотя бы раз в жизни задумывается над вопросами: «А зачем я живу?», «Правильно ли устроен мир человеческого общества?», «Каково мое место в этом мире?».

Пародийный персонаж мещанина – обитателя «вороньей

слободки» из романа «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, лежа на диване с толстым томом «Мужчина и женщина» в руках, размышлял на тему: «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции». Это гротеск. А если говорить серьезно, то каждый формулирует ответы на эти вопросы индивидуально.

Читая помещенные в этой главе мои «внутренние монологи», вы сможете почувствовать, как на них отвечаю я. Удачно или нет, это уже судить вам. О чем-то написано серьезно, о чем-то с юмором, но моя мировоззренческая позиция здесь изложена достаточно ясно.

Некоторые стихотворения могут показаться читателю излишне дидактичными. Приношу извинения, но так уж вышло...

* * *

Ночного неба полог выткан серебром,
За темнотою свет возникнет следом.
Мир двуедин. В нем зло с добром
Ведут борьбу без шансов на победу.

Мир двуедин. В нем ИНЬ и ЯНЬ
И да, и нет, и ноль, и единица.
Полярностей борьба, куда ни глянь.
Но выбор скуп: случится – не случится...

А без борьбы – рутина и застой,
Распад материи, победа энтропии.
К концу Вселенной путь тогда простой.
И вызов бросить некому стихии.

В познании сила. Путь к добру —
В преодолении всех противоречий...
Песчинка малая, я лоб свой тру,
Свой личный мир взвалив себе на плечи.

* * *

Мы уходим из сегодня в завтра.
День за днем. Из детства – в никуда.
Книгу жизни Всемогущий Автор
Расписал на звезды и года.

Бег секунд неутомим и вечен.
Вектор времени безжалостен, как меч.
Наши мысли, радости и встречи
От движения вперед не уберечь.
Мы уходим, за собою оставляя
Кто – добро, кто – зло, кто – пустоту,
Постоянно Время умоляя
Дать почувствовать нам жизни красоту.

Ровно в полночь стрелок гильотина
Отсекает прожитые дни.
Время, мироздания пружина!
Знай, что все нам дороги они...

* * *

Без устали движутся стрелки по кругу,
Сменяют минуты и годы друг – друга.
Темнеют закаты, светлеют рассветы,
Виток за витком кружит третья планета.
Движение – жизнь, оно вечно.
Вселенная бесконечна.
Но нам отмеряются каждому сроки
Любить, ненавидеть, не быть одиноким,
Успеть за земной ускользящий срок
Дать ближнему счастья хотя бы глоток.
Суметь самому подобрать
Ключи от секретов добра.

* * *

Бег времени необратим и зрим —

Вперед, стремительный и вечный,
На смену юности беспечной
Приходит зрелость. как мы не хотим.

И вот уже морщины. Седина
Нет-нет, да и пробьется ненароком,
Недавние года окажутся далеко,
Притягивать вниманье будет неба глубина.

Как важно видеть высший смысл
В закономерной смене жизненных позиций!
Себя ценя, но без завышенных амбиций,
Не потеряв о вечности простую мысль.

Взрослеть не страшно.
Боязно годами тяготиться и черстветь душой.
Движенью постоянному предпочитать покой,
Чтоб сдаться старости в той схватке рукопашной.

Нет. Надобно идти за годом год,
Под солнцем, тучами, дождями и снегами,
Свои дороги выбирая сами,
Не замедляя на ухабах жизни ход.

* * *

Так что же такое год?
Земли вокруг Солнца один оборот?
Иль большее нечто для нас, для живущих,
Страдающих, верящих, любящих, ждущих?
Три с половиною сотни закатов, рассветов
Миллионы вопросов, чуть меньше ответов,
На памяти ленту записаны встречи.
Хвалебные, глупые, разные речи,
Простуды детей и родителей хвори,
Разлуки, объятия, юмор и горе.
Вмещает в себя нами прожитый год
Сто тысяч порывов, надежд и забот,
Улыбки друзей и предательства яд,
Осеннюю слякоть и ласковый взгляд,
Мы крутимся вместе с планетою год
И кто-то рождается, а кто-то уйдет...
Но мы оптимисты, мы дружим с надеждой,
Земля пусть вращается так же, как прежде,
Народ не пугая оси поворотом.
Пусть светит нам, греет нас доброе что-то!

Так что ж для Вселенной наш маленький год?
Всего лишь вокруг Солнца один оборот...

* * *

Дом плывет по тишине, весь в снегах пушистых,
Ветки черные в окне на дубах безлистных.
Год уходит за порог, унося печали.
Много пройдено дорог, там, где мы бывали.
Сколько слов и сколько дел год вместил без спешки,
Каждому открыть успел и орла, и решку.
Ожидали в декабре все конца земного...
Лес стоит весь в серебре, и живем мы снова

* * *

Кем и когда отмерен срок земного пребывания?
Кто, на каких весах нам смог отвесить радость и
страдания?
Нам тщетно хочется понять свое предназначенье,
Гадаем, чтоб судьбу узнать, и верим в Воскресенье...
Увы! Но этот путь тупик. Нельзя плыть по течению.
Глядишь – и ты уже старик, сойдешь в Аид и станешь
тенью.
Твоя судьба в твоих руках, пусть не совсем, отчасти,
Но эта часть, пока не прах, должна в твоей быть власти.
Ты – личность, хоть и одинок.
Ты мыслишь – значит существуешь,
За Небом выделенный срок
Ты любишь, ждешь, тоскуешь.

* * *

О, время, индикатор лжи!
Определяешь без ошибки
Ты тех, чья безупречна жизнь,
И тех, фальшивы чьи улыбки.
О, совесть! Ты молчишь порой
Или вступаешь с нами в сделку:
Глядишь – герой уж не герой,
Запутавшись в соблазнах мелких.
. О, наши души и сердца!
Себе, а не другим вы судьи.
Вам нет предела, нет конца,
Коль правда компасом вам будет.

* * *

Не правда ль, интересно знать, что в будущем случится?
Чего от жизни можно ждать, и как не ошибиться?
Бегут к гадалкам чудаки – доверчивые лица,
Несут отнюдь не медяки «пророкам», «ясновидцам»
Но разве ты не сам себе хозяин положенья?
И слепо верить ворожке – достойно ль уваженья?
Кто по течению плывет, гаданиям внимая,

Тот вряд ли далеко уйдет – судьба его иная.
Не лучше ль жить своим умом, шагая с жизнью в ногу?
Пускай грохочет рядом гром – есть цель и есть дорога.
Упорство, выдержка и труд ее пройти помогут.
Ну, а гадалки? Пусть их врут. Наивных, ох как много!

* * *

Запрячьте любование собой в карман,
И вместо «Я» произносите «МЫ» почаще.
Тогда, быть может, жизнь покажется вам слаще,
А правда не такую горькой будет, как обман.
Систему нервную не напрягайте без причин.
Попроще будьте, чтоб народ к вам потянулся.
Не поленитесь руку протянуть тому,
Кто вдруг по глупости споткнулся,
Но не прощайте наглых женщин и мужчин!

* * *

За все приходится платить,
Хотя платить, увы, не хочется...
За неумение любить —
Расплатой станет одиночество.

За то, чтоб быть самим собой
Мы платим многими свободами.
Любой каприз, грешок любой,
Стыдом оплачен иль доходами.
За ложь мы платим краской щек,
Потерей чести, уважения,
Предательство – такой порок,
Чему цена – позор, презрение.
Но в этом списке есть пробел:
Ведь это только в шутку сказано,
Что «ни одно из добрых дел
не остается безнаказанным»!
Добро – награда, а не чек,
Его оплачивать не надо.
Напротив, добрый человек
В сердцах других находит клады.

* * *

Мы счастья желаем друг – другу, но тщетно.
Все больше становится мир сумасшедшим.
И тает шагреня кусок незаметно,
Год будущий вновь превратится в ушедший.
Прийти бы к согласию – стихли бы страсти,
Ведь небо все в звездах и плещутся волны.
Что сделать, чтоб в мелком совсем не пропасть нам?

Что нужно, чтоб жизнь стала яркой и полной?
Любить, отдавать себя пламени чувства,
Работать, искать, находить, не сдаваться,
В гармонии жить, восхищаться искусством,
Добру, а не злу всей душой поклоняться!

* * *

Мир – конструкция множества клеток.
Как матрешки, до бесконечности.
Бьется сердце о прутья скелета,
Разум мечется в поисках вечности.
Ты пытаешься прутья раздвинуть,
Распознать, что же там, снаружи?
Растопить одиночества льдину,
Уловить теплоту среди стужи.
Мир иллюзий.
Красивая сказка.
Дай, Господь, мне Твоей благосклонности.
Доброта – это помощь, подсказка
Злоба – новый барьер отчужденности...
Жизнь – действительно шкурка шагрени
Шелестят листопадами годы.
В одиночку, терзаясь сомненьями,
Ищешь ты, где стремнины, где броды.

* * *

Не может счастье жить все время рядом с нами —
Оно приходит, как нечаянная радость бытия.
Ведь правду говорят, что создаем мы счастье сами,
От жизни сложностей не застрахованы ни ты, ни я.
А счастье?
В равновесье с окруженьем,
С самим собой и миром ты его найдешь
Наполни жизнь свою улыбкой и движеньем,
Тогда хоть чуточку смысл жизни ты поймешь.

* * *

В суматохе монотонной
Дни летят борзыми псами
Вслед за ними мчимся сами
Мы, покой презревши сонный.
Жалко только – в этой спешке
Часто мы не различаем,
Что находим, что теряем,
Короли мы или пешки.
Что оставим, жизнь промчавши,
Превратившись в горстку пепла?

Будет память о нас светлой,
Или фразой замолчавшей?

* * *

Порой нечаянная встреча
Приоткрывает чью-то жизнь.
Звучат приветственные речи,
Но подкрепить знакомство нечем
И расстaeшься ты чужим...
Быть может, в этом нет потери,
А может, есть. Но как узнать?
В судьбу начертанную веря,
Все ж сам найти ты должен двери,
Что нужно смело открывать.
Расстались – что-то потеряли.
Общение – праздник для души.
Пусть те, кого едва узнали,
В вас тоже что-то распознали:
Тем встречи эти хороши.

* * *

Мир чувств человеческих чуткий и хрупкий.

А вам приходилось идти на уступки?
Признать иногда, что вы были неправы,
И в споре не ждать победителя славы?
Закон компромисса сильнее упрямства.
Заносчивость часто доводит до хамства.
Сломать все – легко, а наладить – сложнее...
Давайте же будем друг к другу нежнее,
Не тратя на мелочи нервы и время,
Тем снявши с себя одиночества бремя.

* * *

Уходят в прошлое друзья,
Уходят праздники и песни,
И жизнь не так уж интересней
А повернуть ее нельзя...
Уж старых нет врагов – ушли.
И новых нет. Ты что, не нужен?
Неужто возрастом контужен
Оставил молодость вдали?
Вернись, способность видеть мир
Все в том же, прежнем, измеренье,
Не покидай меня, воображенья пир,
Что преломляет мир, хотя бы на мгновенье...
За напряженьем скучных дней
Тогда мелькнет вдруг волшебство надежды,

И мысли снова полетят за ней —
Я снова в небо посмотрю, как прежде.

* * *

Молчит телефон. Никому ты не нужен.
Что может быть этой ненужности хуже?

Загнали тебя в одиночества клетку —
Не возраст ли шлет тебе черную метку?
Не нужны ни руки твои, ни мозги?
Ответь себе, только, ты слышишь, не лги:
«Ты свой материал «отработал», не так ли?».
Ведь в нынешнем мире тепла нет ни капли:
Нажива, жестокость зажимом железным
Пытаются сделать добро бесполезным...»

«Отвечу, конечно, что все это бред —
Сидеть мне без дела, поверьте, не след.
Держись, старина! Ты еще в колее,
И стиснувши зубы, шагай по земле!»

* * *

Одиночество – это когда ты не нужен.
Одиночество – стылая стужа снаружи.
Одиночество – это молчанье в толпе.
Одиночество – полки пустые в купе.
Одиночество – это приветствие Вечности,
Шаг туда, по пути к бесконечности.
Одиночество – это молчит телефон.
Одиночество – это не явь и не сон.
Одиночество – это когда равнодушие:
Ты говоришь, а тебя и не слушают

* * *

Безделье – черная дыра.
В ней глохнут чувства и стремленья.
В ней жизни нет, и нет движенья,
И состояние – хандра...
Безделье – липкий сладкий мед.
Скребется мысль, ища зацепки.
Слабеет дух, когда-то крепкий,
Нарушен дел привычных ход.
Событий пульс в безделии замедлен.
Ты скучен, скован, бледен, вял,
Ты неподвижен, ты устал.
Мир сжат, невразумителен и беден.

Безделье, прочь! А ты встряхнись,
Найди ту архимедову опору,
Что даст возможность сдвинуть горы,
В строй жизнелюбцев вновь войти.

* * *

Мне кажется, главная в жизни забота —
Здоровье чтоб было, была бы работа,
И чтобы не выпасть из жизни потока.
Судьбы наказание – быть одиноким.
А если ты нужен кому-то чуть-чуть,
То легче становится в небо взглянуть,
А если крупицу добра ты кому-то даешь —
То, значит, цена тебе больше, чем грош.

* * *

Твои грехи тебя не покидают.
Они лишь затаились до поры,
И стоит вновь нарушить правила игры,
Душевной болью о себе напоминают.
Их не отмолишь. Совесть не отмоешь до бела —
Грехи веригами висят в воспоминаньях.

Что толку в запоздалых покаяньях,
Коль жизнь не повернешь, она прошла.
Умеем мы уроки извлекать?
Иль вновь на те же грабли наступаем?
И так ли хорошо себя мы знаем,
Что вправду сможем праведниками стать?
Добро, любовь и труд
В себе нам разобраться помогают,
Счастливой жизни триединство составляют,
Дорогой праведной ведут.

* * *

«Платон мне друг, но истина дороже», —
Сказал мудрец, и был он прав.
Вы верите, что истина поможет
Прожить достойно, совесть не предав?
Но «что есть истина?» Пилат или Христос?
Зависит все от точки зренья.
И часто мы ответ на сей вопрос
Находим, исходя из настроенья.

* * *

Узоры плитки на стене
Напоминают чьи-то лица,
Те, что порою могут сниться
В каком-то беспокойном сне.
Как тени прошлого встают
Фигуры в контурах неясных,
Тоскою о мечтах напрасных,
Что в сердце до сих пор живут.
Где те, с кем я по жизни шел?
Нас развела судьба навеки.
Оплачены давно уж чеки
Обид и радостей.
Страстей котел остыл,
Оставив лишь воспоминанья
О голосах, о жестах, лицах,
Улыбках, дрогнувших ресницах
Лишь где-то в глубине сознания.

* * *

Жизнь наша состоит из встреч и расставаний,
Прямых коротких троп и дальних расстояний.
Мелькают день за днем события и люди
Хотелось бы узнать, что дальше с нами будет?
Мы планы громоздим, но все под Богом ходим,
Забот стирая грим, теряем и находим.

Мы заперты в тюрьме телесной оболочки.
Бывает, человек – в одной короткой строчке...
Но каждому из нас даны Земля и Небо —
Ты должен доказать, что пустотою не был.

* * *

Вытекает струйкой тонкою песок,
Внешне незаметно, но неотвратимо.
Повернется жизни колесо,
Что-то зацепив, где-то проскрипевши мимо.
В заморозки листья облетят,
Чтоб весной зеленью родиться.
Наших дней осенний листопад
Юностью назад не возвратится...

* * *

Коль хочет кто к себе вниманья,
Участья и любви сыскать,
Вкусить хоть каплю состраданья —
С себя тот должен начинать.
А так... У всех свои проблемы,
Свое понятие доброты,

Свое раскрыть этой темы,
И вдруг окажется, что ты
Неадекватно помощь ценишь?
Но нет, есть заповедь Христа,
Ее подделкой не заменишь,
Ведь Доброта есть Доброта!
С другими в жизни поступая,
Как мы желали бы себе,
Мы не на небе ищем рая —
Мы рай свой строим на земле.
Откликнись на беду чужую:
Кто знает, может завтра ты?
Обжегшись, мы на воду дуем,
Но поздно. Тщетные мечты.

* * *

Держитесь подальше от личностей лживых,
От равнодушных держитесь подальше.
Живите открыто и справедливо —
Начните с себя истребление фальши.
Живите открыто и радуйтесь свету,
Не заслоняйтесь весельем нечестным.
Что скажут о вас, когда вас больше нету?
Сейчас промолчат, ведь сейчас «неуместно...»
Своим прокурором побудьте немного,

Вы больше привыкли своим адвокатом?
Кривая тропа иль прямая дорога?
Зачем же вокруг нам искать виноватых?

* * *

Есть люди, у которых вместо сердца
Кошелек.
Кому неведомо
Простое чувство сострадания.
Там, где должна быть совесть —
Обгоревший уголек.
Лишь на себе самом
Сосредоточено вниманье.
Простит их Бог?
Скорее, не простит.
Тогда душе их суждено
В безвременьи скитаться.
И не по ним, по милосердным людям
Колокол звенит.
Но жизнь есть жизнь. Со всеми в ней
Приходится считаться.

* * *

Как еще далеко до тепла и весны,
Небо хмурое серою влагою дышит.
Снятся мне черно-белые сны,
Когда дождик шуршит монотонно о крышу.
В этих снах тишина. Не звучат там слова.
Лишь сюжеты сменяют друг – друга случайно.
Отчего беспокойно тебе, голова?
Видно, скрыты в тебе черно-белые тайны.
Там спрессована жизнь, как слоеный пирог
С кисло-сладкой начинкой из дел и событий,
Из людей незнакомых и дальних дорог,
Из ошибок, потерь и внезапных открытий.
Сны плетут и сплетают свои кружева...
Я иду, я скольжу, я лечу над землею.
Значит, жажда движенья в сознании жива
И души угольки не покрылись золою.

* * *

Порой, совершая проступки,
Мы черту идем на уступки.
Какую-то сделавши глупость,

Упорство являем и тупость.
Свалившись нечаянно в яму,
Из этого делаем драму,
Хотя, оглянувшись чуть-чуть,
Увидишь, что яма – по грудь...
Поэтому, сделав ошибку,
Проститесь с фальшивой улыбкой,
Признайтесь, что были неправы,
Дурной не хотите вы славы,
Что просите вас извинить,
А правильной будет – простить.
Вас совесть не будет тревожить,
Поверьте, что честность дороже,
Чем хитрость, притворство и ложь,
В коленках невольная дрожь.
Тогда успокойтесь. Точно.
А сон станет крепким и прочным.

* * *

Попытка тщетная
От самого себя куда-то убежать.
От совести своей
Никак укрыться невозможно.
Конечно, если совестью тебе досталось обладать —
Когда отсутствует она,

жить без проблем моральных можно...

* * *

Все в мире относительно, чудно и удивительно,
Не просто быть уверенным, кто прав, кто виноват.
Порою ситуация меняется стремительно —
Вперед не продвигаешься, а пятишься назад.
Казался кто порядочным, вдруг криво улыбается,
А на кого надеялся, тот струсил и предал.
Была земля устойчивой, а тут, смотри, качается,
Как на воде в волнение качается причал.
Себя не размагничивай, беду не увеличивай,
Терпи и верь в хорошее, пусть чернота пройдет.
И в качестве отличное всех неудобств количество
Согласно диалектике возможно перейдет.

* * *

Старуха в сказке Пушкина жадна,
И оказалась у разбитого корыта.
В стремлении своем все вычерпать до дна
Мы вскоре тоже будем матушкой-природой биты.
Ничто на пользу человеку не идет —

Ни атом, ни компьютер, ни овечка Долли.
Коль так, плохой конец планету ждет,
Не избежать нам Атлантиды доли.
Коль мы за разум не возьмемся наконец,
Не перестанем силою хвалиться...
Увы! Еще средь нас не объявился тот мудрец,
Который мир к добру научит обратиться.
Научит жадность умерять,
За доблесть труд считать, а не за кару,
Ну, а куда остается ждать,
И как-то строить жизнь свою по отношению
К «капиталу» и «товару».

* * *

Как странно сочетаются в природе
С вечерней тишиною – напряженность,
Покой – и грозной бури отдаленность,
Застылость форм – и вечное стремление к свободе...
Так человек. Он нежен и беспечен.
Он грязен, груб, жесток, невыразителен – и ярок.
Он сатана и Бог, проклятье и подарок.
Он добр, но он же бессердечен.

Медали не бывает лишь с одной стороною.
Приходиться жизнь принимать,

Простите, вот такую.

* * *

И наступила тишина.
Она пришла неслышно,
Как будто вместе с темнотой
Из ночи тихо вышла.
Собой окутала весь дом,
Все звуки погасила.
Что было явью – стало сном,
До утра все застыло.
А утром свет и звуков взрыв,
Жизнь вновь пришла в движение,
И мы спешим, про тишину забыв,
Летим навстречу приключениям.
Торопимся любить, мечтать,
Терять, ломать преграды,
Чтоб к вечеру опять устать
И тишину иметь в награду.

* * *

Мир познавая, понимаешь – он жесток.

Но это не резон быть самому жестоким.
Должны учиться мы выращивать любой добра росток,
Чтоб не остаться в этой жизни одиноким.

* * *

Подстать погоде часто наше настроенье:
Бывает на душе то слякотно, то сухо,
То буря с громом, а порой темно и глухо —
Сменяет штиль бурлящее волненье...

Друзья! Гоните прочь эмоций перепады.
Улыбкой выровнять старайтесь мира воспринять.
В ответ он в дружеские примет вас объятия,
Любовь и счастье станут вам наградой.

Улыбки волшебство всех делает моложе,
Смягчает боль потерь, меняет гнев на милость,
Уходят из сердец тревоги, гнев и стылость,
И чуточку светлее станет на земле, быть может...

* * *

Увы! Не сделает счастливым человека Интернет,

И виртуальный мир чувств подлинных,
Конечно, не заменит.

Лишь жизнь, как есть, на все нам даст ответ,
Компьютер сердца стук, поверьте, не изменит...

Давайте жить открыто, радуясь теплу,
Друзьям надежным, звездам и подаркам.
Не дай Бог сесть на равнодушия иглу.
А Интернет? Вы верите, что сделает он жизнь
Такой уж новою и яркой?

В любви плохой помощник Интернет —
Лишь рук пожатые даст ответ.

* * *

Мы живем сегодня и сейчас,
А вчера ушло, в воспоминаньях лишь вернется.
Что-то завтра ожидает нас?
И какую стороною обернется?
Мы судьбу свою хотели б просчитать,
Строим планы, верим в предсказанья.
Жить нельзя, чтоб просто не мечтать,
Не страшась в мечту непопаданья.
Лишь воображенье наша мысль,
Руки превратят ее в реальность.

Только надобно глядеть вперед и в высь,
На мажорную себя настроивши тональность.

* * *

Попытки угадать свою судьбу – занятие пустое.
Нам не дано знать наперед грядущих дней исход.
Когда как лучше жить спокойно, помня правило простое:
Встречать улыбкой каждый день в надежде,
Что лишь хорошее с собой он принесет.
Тогда туманной дали призрак нас не будет беспокоить.
И жизни нить все будет виться, как вилась.
Не будет в голову проситься всякое такое,
О чем вообще не надо думать, с радостью простясь.
Давайте верить, что хорошего на свете больше, чем
плохого.
Что солнце есть за тучами всегда!
Хотя реальность заставляет ожидать другого...
И в этом – наша вечная беда.

* * *

Нет строже судей нам, чем сами мы
(простит меня Всевышний):

что вышло в жизни, что не вышло,
насколько удалось нам выбраться
из обстоятельств тьмы.

Но, упаси нас Бог, лукавить, лицемерить,
Какие-то достоинства свои считать за недостаток.
Понять себя от головы до пяток
необходимо, чтоб в оценку свою верить.
Не думай о потерянных годах,
Смотри вперед, пульс жизни ощущая,
добро твори, уныния не зная,
забыв про неприятности и страх.

* * *

Давайте взвешивать каждое слово.
Это правило вовсе не ново,
Но помнить мы должны постоянно,
Что оно обязательно, а не желанно.
Доброе слово и кошке приятно,
Злое – тотчас же берите обратно,
Глупое слово делает больно,
Даже коль вырвалось как-то невольно.
И извиниться будет здесь впору.
Не спровоцировав мелкую ссору.
Брань до добра никогда не доводит:
Друга теряешь, милый уходит.

Думайте, люди, над словом. Над каждым.
Чтоб не было плохо и стыдно однажды.

* * *

Порой мы прочно попадаем в плен
придуманных приятных положений.
Ты мнишь себя героем мизансцен,
дав волю своему воображению.
Однако в самом деле, все не так.
Действительность и проще, и скучнее.
Легко смешным стать и попасть впросак:
жизнь требует ее оценивать точнее.
Самоирония полезна нам всегда,
и это не трюизм, а истина святая.
Наверное, должны пройти года,
Чтобы дошла до нас та мысль простая.

* * *

Не надо обращать внимания на даты —
жизнь есть процесс движения вперед.
Мы сами перед временем бываем виноваты,
пытаясь славословием его замедлить ход.

Не нужно подводить какие-то итоги —
условна цифра, хоть бы юбилей.
Пусть разбегаются во все концы дороги,
Судьбы Река, послушай, не мелей!
Еще успеешь в ручеек ты превратиться,
ну, а пока бурли на перекатах лет.
Рассвет, встречай нас счастья Синей птицей,
Пусть каждый день несет нам солнца свет.
Не надо возраст называть по документам.
В улыбке он, в работе, в блеске глаз.
Любому в жизни радуйся моменту —
Вчера, сегодня, завтра и сейчас!

* * *

Изрек поэт – питомец славы:
«Прекрасное должно быть величаво».
«Служенье муз не терпит суеты»:
Такой он видел тайну красоты.
Ему, должно быть, суета порядком надоела,
Ведь суета, как пустота, всегда погубят дело.
Терять лицо и мельтешить – не образ поведенья.
Нет смысла без толку спешить.
У вас иное мненье?

* * *

День в сумерки ушел,
Задрнув на прощанье занавески облаков.
В разрывах их закатной рыжевой
Вдруг полыхнуло небо.
Но никуда не делись, отлетевши далеко,
Заботы и тревоги каждого из нас,
Кем бы и кто ты не был.
Они остались с нами ночевать.
Кого-то мучить, комкая подушки.
Чтоб утром снова мыслей бечева,
Наматывалась туго на сердца,
Как на катушки.

* * *

Перед ослиной мордой вешают морковку.
К морковке тянется осел, таща тележку и торговку.
Не правда ль, мы похожи на картинку эту?
Нас манят светлым будущим,
Мы ж тяжкое «сегодня» тянем как карету.
Лапша навешана на уши.
Спаси, Всевышний, Русь

И наши души.

* * *

Сквозь щели штор ползет рассвет,
Холодный серый, скучный.
Как плохо, когда солнца нет,
Когда темно, беззвучно...
Ведь жизнь – движение и звук,
Любовь, работа, радость,
Когда друзья твои вокруг —
Вот в это верить надо.
Ведь счастлив тот, кто распахнул
Себя земле и небу,
Кто запахи дождя вдохнул,
Костра, ржаного хлеба,
Кто жизни цель в труде нашел,
В делах, полезных людям...
Писать об этом хорошо,
А как на самом деле будет?

* * *

Какое счастье с возрастом хранить

Способность удивляться и любить,
Дарить себе общенье с незнакомым
Порою близко, а когда и далеко от дома!
Какое счастье – видеться с прекрасным:
Архитектурой, что векам не властна,
Или полотнами великих мастеров,
Чей кисти ты поклон отдать готов...
Какое счастье оставаться любопытным,
Неравнодушным к красоте, от чувств не скрытным,
Испытывать от музыки волнение
И доброй шуткой улучшать всем настроенье!
Увы! Кто счастья этого лишен,
Та жизнь скучна,
И скучен он.

* * *

И тишина, и темнота мне не друзья, поверьте.
Они лишь изредка нужны в житейской круговерти,
Как передышка в темпе дней, когда устал до смерти.
Но сон недолог. Снова бег. «Осилит путь идущий».
Мы знаем – короток наш век, отпущенный живущим.

* * *

Там, наверху, раздвинул кто-то занавески облаков,
И хлынул солнца свет на муравейник человечесий.
На «умных» хлынул, и на «дураков»,
Но одинаково у всех как будто распрямились плечи.
Не различает солнце, кто из нас умней —
Ведь все мы рады солнечному свету.
Так, может, наверху там все-таки видней,
Что нету «дураков», и «умных» тоже нету?
Все люди разные.
Но жизнь у всех одна.
И каждому хотелось бы прожить ее счастливо
Чтоб чашу Бытия испить до дна,
Пропорции добра и зла принявши справедливо.
Пред Солнцем и Вселенной мы равны.
Лишь на земле других мы судим строго.
Зачем тогда, скажите же, даны
Нам разум, справедливость, вера в Бога?

* * *

Надежда с нами всю нашу жизнь,
Как вера во все хорошее.

Еще любовь – за нее и держись,
Пусть голова чуть снежком припорошена.
Надежда – это вера в добро.
Говорят, она умирает последней.
Не верьте – она ведь Адама ребро,
А смерть ее – выдумки, бредни.
Пусть пятна на Солнце и мечется мир,
Мы не изменим надежде.
Жизни кипящей не кончится пир.
Нас звезды в дорогу зовут,
Как прежде.

* * *

Мы все плывем под парусом мечты
По морю жизненных иллюзий.
Так посвятим свое служенье музам
Любви, Добра и Красоты!

Глава третья, в которой автор говорит о женщинах и любви искренно, серьезно, и немного шутливо

*«Я Вас любил так искренно, так нежно,
Как дай Вам Бог любимой быть другим».*
А. С. Пушкин

*«О любви не говори,
О ней все сказано...»*
Из песни 40-х

В эту главу вошли стихи разного, если так можно сказать, масштаба. От гимна Женщине – носительницы жизни на нашей планете, до милой лирики и дружеских посвящений и поздравлений.

Признаюсь сразу и решительно: всю жизнь общению с дамами я уделял больше времени, нежели чем разговорам с приятелями-мужчинами. Скорее всего сказывался дефицит нежности и внимания ко мне, маленькому, в жесткие военные и послевоенные годы.

Общение с соученицами и сотрудницами всегда носило дружеский характер. Постоянно приходилось сочинять поздравления к празднику 8 Марта и ко дням рождения мо-

их собеседниц. Появлялись стихи, в которых наряду с какими-то личными деталями я пытался затрагивать более общие темы влюбленности, сильных чувств и прочих проблем любовных отношений. Эти стихи со снятыми именами адресатов я и поместил здесь.

Что же касается любовной лирики, то, как известно, она пронзает сердца и выплескивается на бумагу лишь в периоды истинной влюбленности. Так случилось, что моим первым бракам предшествовала не она, а просто сильные увлечения. А это разные вещи. Поэтому эти браки и не получили регистрацию на небесах. По-настоящему я узнал большую любовь только в зрелые годы.

Огромный импульс моей лирике дала любовь к моей жене Светлане. В этом сборнике я публикую много стихов, написанных для нее и ей посвященных. Они выделены в отдельную главу.

В начало же этой главы помещены стихи о Женщине, как о собирательном образе. К миллионам ласковых, нежных и серьезных слов на эту тему, содержащихся в океане мировой поэзии, я попытался добавить несколько своих, иногда слегка ироничных.

Мужчины! Давнюю традицию храня,
Давайте дружно выразим с волнением
Пред ЖЕНЩИНОЮ наше восхищенье —
Ведь без нее нам не прожить и дня!
И пусть теснят нас женщины во всем.

Как знать, должно быть, это – Провиденье.
И пусть не будет ни малейшего сомненья —
Без женщин рухнет мир, в котором мы живем.

Он силой женскою быть лучше обречен.
От катаклизмов женское начало нас избавит,
На верный путь нас, мужиков, наставит,
Любовью женскою наш будет мир спасен!

* * *

О, женщины!
Вам хочется вниманья и любви
Не только в марте. Постоянно.
И каждая из вас мечтает быть желанной,
Собою возбуждать волнение в крови,
Мужчин лишать покоя и свободы,
Как-будто незаметно ими управлять,
Заботливою быть, им дополняя мать,
Рожая им детей, им улучшать породу.
В кругу семьи быть центром очага,
Кормить, воспитывать детей и мужа
(Как ни крути, но он, скорее, нужен)
А если что – встать грудью на врага!

О, Евы дочери! Мы эти качества в вас ценим.

Их феминизм пытается напрасно отменить.
Природу женскую нам вечно суждено любить,
Как суждено пред вами опускаться на колени,
Вручая вам и руки и сердца,
Даря духи, цветы, автомобили,
Чтоб вы нас берегли, ценили и любили,
Чтоб наша жизнь не знала бы конца!

* * *

Позвольте не поверить, что Адам
Был первым из людей, а Ева лишь вторая.
Готов побиться об заклад, и что угодно дам,
Сначала все ж она явилась за ограду рая.

Иначе не было б порядка там и чистоты,
Не пахли бы приятно там цветы и груши,
И не видать тогда б Адаму райской красоты —
Известно, что мужик способен лишь хорошее
разрушить...

Из-за кого воюем мы? Конечно из-за вас!
Кому достанутся любовь, вниманье и забота?
Воистину: да здравствует сиянье ваших глаз!
А в сказку о ребре не верится мне что-то...

Как не менялся б мир,
В нем Женщина была и есть незаменима.
Иссякнет ведь без женщин жизни пир,
Пусть даже астероид вновь промчится мимо.

Во многом в этой жизни преуспев,
Рожать детей мужик все ж неспособен.
Восславим же за это наших дев,
Им это чудо подарив, Создатель оказался бесподобен!

О, Женщины! Вы и взаправду феномен.
Пою вам гимн и преклоняюсь восхищенно.
(Оставим в стороне проблемы ревности и сцен)
Я вас люблю давно и непреклонно!

Вам небом тонкое умение дано
Поднять мужчине, если надо, настроенье.
И ваших чар игристое вино
В ответ рождает чувств волшебное волнение.

Вы – свежесть утренней росы,
Луч солнца, брызнувший на спящую природу,
Любви мучительный и сладостный посыл...
И все вообще, что совершенствует мужчин породу!

Пускай весна немного задержалась —
Она свое возьмет, снега сойдут.
Всегда тепла нам не хватает малость,
Поэтому ваш праздник все мужчины ждут.

Улыбки, блеск в глазах, подарки,
Цветы, подорожавшие в цене,
Прекрасный пол – нарядный, томный, яркий...
К нему мы в этот день внимательны вдвойне.

А надо б каждый день пред женщиной склоняться.
Она – носитель жизни, света и добра.
Произносить слова любви нисколько не стесняться
И говорить ей: «Ты красива и мудра!»

Благодарить за секс – волнующий, пьянящий,
За воспитание детей, за моду, феминизм,
За жизнь семейную, котел страстей кипящих,
Мужской в которой не прогнулся оптимизм.

Всевышнего благодарить за то, что женщину он создал,
Не дав мужчинам умереть с тоски,
Позволив им смотреть на звезды,
Объятий страстных не разжав тиски.

* * *

Таинственное чувство увлечения,
Переходящее в любовь!
Ты возникаешь, как мгновенье,
Чтобы вернуться вновь и вновь.

Ты то рассеян, то угрюм,
Не спишь, ворочаясь от дум,
То радостно смеешься пустякам,
Не замечая, как смешон бываешь сам.

Влюбленности таинственный магнит,
Любви невидимое поле силовое,
Оно нас окрыляет и манит,
Порой лишая разума и воли.

Но как чудесно это состоянье
Агнца, влекомого любовью на закланье!
Как счастлив ты, слепой от страсти,
Всепоглощающей напасти!

Таинственное чувство увлечения!
Угаснуть можешь ты свободно и легко,
Ни сердца, ни ума не возбудив волненья,

От мук любовных мысли отодвинув далеко.

Но все равно в душе останется твой след:

От слова, брошенного вслед,

От пойманного взгляда, от улыбки...

Как знать, не совершил ли ты ошибки?

* * *

Возникновение любви ничем не объяснимо.

У вас нормальное давление крови,

Пускай пятьсот красавиц проплывают мимо.

Но вдруг иголкой что-то вас кольнет,

Хотя не сразу вы почувствуете ЭТО.

Влюбленность медленной отравой в организм войдет,

И холодок по коже, несмотря на лето.

Загадку взгляда ни одна наука не сумела разгадать.

Любви невидимое поле силовое

Умом холодным не понять —

Оно пронзительно лишает нас покоя.

А дальше что?

Все знаете вы сами. Порой приводит это к счастью,

А бывает, к драме...

* * *

«Браки заключают небеса!
В нашей жизни – это просто лотерея.
Вспышка чувств, расчет, советов голоса,
От которых убежать торопишься скорее...»

Но, позвольте, люди, а любовь?
Та, что окрыляет, ослепляет?
От которой закипает кровь
И мороженое на морозе тает?

Будь безумной! Любится – люби!
Наше счастье здесь, а не на небе.
Манят гроздья красные рябин,
Только сытость-то не в них.
А в черном хлебе...

* * *

Если б я встретил твои глаза
Тысячу лет назад,
Я тотчас бы в них утонул, сказав:
«Не надо других мне наград».

Я пил бы твой взгляд,
Как пьют вино,
Смакуя каждый глоток,
И добывал золотое руно
Из тысячи слов и строк.
Я вместе с тобой бы молчал и мечтал,
Слушая пение птиц,
И каждый бы вечер я засыпал
Под шорох твоих ресниц.
В твои глаза, как в судьбу бы глядел,
И целовал их любя,
И все свои сотни и тысячи дел
Творил бы я для тебя.

Но стороною прошла гроза,
Не для нас бронзовел листопад...
Просто я встретил другие глаза
Тысячу лет назад.
Я эти, другие, любил и люблю
Всю эту тысячу лет
И никому их не уступлю.
Нет.

NN

В Вас ум и вкус сошлись так гармонично,

В глазах улыбки чуть заметный след,
Смеетесь от души Вы тонко, мелодично,
Приязнь рождая в собеседнике в ответ.
В Вас есть лукавство. Есть кокетство.
Но деловая хватка тоже есть.
А Ваша непосредственность – из детства.
Всех плюсов в Вас не перечесать.
Вас отличают обаянье,
Уменье слушать, чуть дыша,
Нетрудно сделать Вам признание
Сколь добрая у Вас душа.

Как редко в пору феминизма
Встречаем женщин мы таких —
Радужных, мягких, полных оптимизма,
Достойных, по-хорошему простых.

NN

Возраст твой? Послушай, это несерьезно.
Твои годы так, ни два, ни полтора.
Жизни радоваться никогда не поздно,
Веря в то, что завтра будет лучше, чем вчера.
Веря в Красоту, Добро и Справедливость —
Кто не верит, существует как-то зря...
Как же жить тогда, скажи на милость,

Где ж твой красный день календаря?

Долго, через силу, стиснув зубы,
Мы идем, груз быта волоча,
Веря, что однажды грянут трубы
И рюкзак забот ты сможешь снять с плеча.
Пусть же чаще будет этот праздник,
И улыбок добрых станет шире круг.
Дней хороших, теплых, светлых, разных
Мы тебе желаем. И друзей вокруг.

NN

Храни гармонию души.
Здоровой будь. Следи за модой.
Не верь рекламам, предсказаниям погоды,
Мужчинам тоже верить не спеши.
О, Евы дочь! Ты – совершенство.
Призвание твое – любви блаженство
(А также дом, хозяйство, муж и дети,
Автомобиль и... прочее на свете!).

NN

Ваш возраст – не причина огорчаться.
Жизнь продолжается, она еще кипит.
И много лет еще – кто может сомневаться —
Вы будете хранить к ней вкус и аппетит.
Здоровье – вот что главное, об этом помнить надо.
Его не купишь, потеряешь – не вернешь.
Движенье – жизнь, работа, как награда,
Завидует пускай Вам молодежь!

Проснулись, что-то ноет, – значит Вы в порядке,
Но лучше пусть не ноет ничего.
Не надо с возрастом играть нам в прятки,
Но и страдать не нужно от него.
Завистники шипят пусть за спиною,
Осанку гордую и взгляд Ваш проглотив.
Такой, как Вы, надолго оставаться молодой
Судьба определила, годам супротив.

NN

Мне больно видеть Вас порою бледной и усталой.
Мне хочется взбодрить Вас дружеским стихом.
Чтоб на душе хотя б немного полегчало
И отступил от горла в нем застрявший ком.
Мне хочется увидеть вновь красивую улыбку,
Глаза, горящие мистическим огнем.

А Ваше сердце? Было бы ошибкой
Когда б накал страстей Вы потушили в нем.
Я Вам желаю выдержки и силы.
Мир снова должен улыбнуться Вам —
Вам – замечательной, красивой, милой...
А неприятности – делите пополам.

XX

В Вас деловитость встретила с обаяньем,
Лучистые глаза глядят с приветливым вниманьем,
Улыбка не дежурна, будучи идущей от души,
Манеры безупречны, речи чудо хороши.

Однако, нет сомненья, твердость тоже Вам родня,
Что не расстроило нисколечко меня,
Поскольку твердость Ваша не противница заботе:
Она прекрасно помогает Вам в работе.
Позвольте пожелать вам оставаться милой,
Наполненной большой душевной силой,
Неяркой русской природной красотой,
В общении приятной, теплой и простой.

NN

Ты строишь жизнь свою,
Мешая вымысел с реальностью.
Тебе не просто. Ты в бою
С ошибками, судьбою и банальностью.
Ты-то закована в броне,
То детски остаешься без защиты.
Душа твоя, мне кажется, в огне.
Но сверху маска. Чувства скрыты...
В холодном мгlistом декабре
луч солнца лед пускай растопит.
Мир станет лучше и добрей —
а сколько сломано в нем копий?

NN

Известно, что женщины любят ушами.
Приятно, когда восхищаются вами.
Порою бывают слова эти льстивы —
Не так адресаты умны и красивы.
Но в случае с Вами восторг в самый раз,
Сияет, как солнышко, свет Ваших глаз,
За внешнею хрупкостью кроется сила,

Сражение с трудностями Вас закалило.
Вы скромны, умны, деловиты, прилежны,
Вы ласковы, чутки и женственно нежны!

XX

Пора романтики прошла.
Что волновало сердце, ныне головы проблема.
Но не смогла любовь уйти из жизни, не ушла,
Она живет в душе запретной ныне темой.
Глуша работой приступы тоски,
Ты ждешь судьбы желанного подарка.
Любовь настойчиво стучит в виски:
«Где ж он, заботливый, надежный, яркий?»
Верь в счастье! Искренне, всерьез,
Оно придет нечаянно и скоро.
Врасплох застигнет, но не будет слез —
Ведь переменам радоваться впору.
Вновь голос сердца зазвучит,
Оставив голове рабочие заботы.
Иди по жизни так, как он тебе велит —
Достоин покорять все новые высоты.

XX

Господь теплом Вас щедро одарил.
Оно в словах, улыбке, скромном взгляде.
Весь облик Ваш необычайно мил,
Подобен он нечаянной награде
Тому, кто встретил в жизни Вас —
Поверьте, я не лицемерю!
Как жаль, что мы не рядом в этот час...
Но мы увидимся еще. Я в это верю.

На день рождения NN

Я знаю, ты не любишь этот день.
Но, согласишься, тут доля есть кокетства.
Ты так еще недалеко ушла от детства,
Что не приблизилась к тебе
Забот печальных тень.

Твои года – пора очарованья,
Беспечности, любви и колдовства.
Добро храня в основе естества,
Хранима небом ты должна быть от страданья,

От злобы жалких и завистливых врагов,
От слабости друзей в минуты непростые,
Когда уста у всех как будто золотые,
А к чуткости и помощи никто и не готов...

Хранима от недугов и разлук,
От ранней седины, испорченной фигуры,
От приземления восторженной натуры,
От размыкания кольца родных и сильных рук.

Я знаю: этот день не нравится тебе.
Но время равнодушно к нашим чувствам,
а потому храни в себе искусство
быть юною назло годам
и собственной судьбе.

XX

Со странным чувством этот день ты ждешь.
Он словно праздник твой,
Но в то же время огорченье.
Порой действительно не сразу и поймешь,
Награда это,
Или к старости движенье.

Как чудно веселимся в молодости мы,

С друзьями тосты за столом беспечно поднимая.
Лишь позже,
В наши повзрослевшие умы,
Приходит временами мысль иная.

Уходит навсегда за годом год,
И дума грустная нас с приближеньем этой даты
Посещает.
Проходит жизнь, то тихо, то бурля,
И юность нашу в прошлом
Понемногу оставляет...

NN

Красота бывает броской и кричащей,
А бывает тихой, скрытой за улыбкой глаз,
Не навязчивой, но выразительно молчащей,
Что не сразу привлекает нас.
Но не черти в тихом омуте таятся,
А надежность и краса души...
Почему ж все к яркому стремятся?
Отчего же к показному мы спешим?
Чувствам не пристали мишура и показуха,
Благородству чужды фальшь и суета.
Где б найти нам мудрости и силы духа,
Чтобы власть над нами обрела бы простота

XX

В тебе есть изюминка и чертовщинка.
Порой ты прозрачна, как капля-росинка,
Порою задернуты шторы души,
Однако глаза, как всегда, хороши.
Такие, как ты, завлекают мужчин,
Хоть внешне ты сдержанна не без причин,
Таится в тебе женских чар колдовство
От Евы наследуешь ты естество.
Желаю тебе, милый друг, в день рожденья
Достойной по-прежнему быть восхищенья,
Поменьше грустить и почаще быть нежной,
Улыбчивой, доброй, в работе прилежной,
Раскованной, чуткой, богатой, здоровой,
Счастливой и радостной снова и снова!

* * *

Я стих свой обращаю к женщинам не ярким,
Чья красота таится в скрытом блеске глаз,
Я В улыбке тихой, в ласке и в объятьях жарких,
К тем женщинам, что в трудностях не бросят нас.

Теперь крикливость в моде и развязность —
Эмансипация, увы, дала свои плоды.
Зачем вам, женщины, такая вот «отвязность»?
Зачем? Ведь вы накличете себе беды...

Священному для женщин материнству
Противны пиво, мат и сигаретный дым.
За что ж вы обрекаете себя на свинство?
Девичество должно остаться милым и простым.

Надеюсь, здравый смысл восторжествует.
Природа женская свое вернет нам естество,
Мы запах табака не ощутим, вас, милые, целуя,
И нежных чувств к вам восстановим колдовство.

К 8 марта любого года

Желтеют мимозы, алеют тюльпаны.
Их дарят любимым юнцы, ветераны,
Кудрявые, лыдые, толстые, разные —
Мужчины сегодня во всем безотказные!
Их нежность весной не знает предела —
Должно быть, за год накопиться сумела.
Сегодня восьмое, конечно же, марта
А хватит на завтра мужского азарта?

Ведь надо ж, мечтаю, чтоб наши мужчины
Всегда для любви находили причины.
Забота, внимание, нежность и ласка
Для жен и подруг чтобы не были сказкой.
Чтоб милые женщины, наша опора,
Весну и любовь позабыли не скоро!
А лучше – совсем бы ее не теряли,
Тогда бы и мы с вами горя не знали.

* * *

Пришла весна, а с нею праздник.
Всех растревожил он, проказник,
Волнует, заставляя сердце биться:
«Ах, хорошо б опять влюбиться!»
Примите ж наши поздравленья,
Забудьте грусть, долой сомненья!
Любовь пусть вспыхнет с новой силой,
А жизнь покажется веселою и милой.

* * *

Весна! Цветы, подарки и улыбки,
Забыты ссоры, трудности, ошибки,

сегодня – праздник! Нету места грусти,
Тугая хватка повседневности отпустит,
Тебе вручат цветок или букет,
Произнесут слова, преподнесут коробочку конфет...

О, женщина!
Не только в марте ты – принцесса.
Любовь к тебе должна иметь характер
Непрерывного процесса.
Так сверху нам дано, так повелось от века!
Недаром острословы говорят,
Что «женщина – друг человека!»
==Лирика

* * *

Нет, не поверю никогда,
Что в Вас не кроется загадка.
Не потому ль общаться с Вами сладко,
Хотя, быть может, не всегда.
Да, в Вас таится волшебство,
В глазах танцуют бесенята.
Но Вы ничуть не виноваты —
Ведь это ж Ваше естество...
Признаюсь, в Вас я чуточку влюблен.
Давно, смешно и безнадежно.

Лишь в мыслях к Вам я обращаюсь нежно —
Такой возможности реально я лишен.
Мне остается лишь взгрустнуть,
Что время – пропасть между нами.
Так пусть хоть этими словами
Я проложу к вам некий путь.

* * *

Мне много не надо, хватит чуть-чуть,
Встретить тебя, в глаза заглянуть,
Тепло уловить ответного взгляда...
Поверь, мне большего вовсе не надо.

* * *

Послушайте! Уверен я, что ласка слов
Усилит Ваших глаз сиянье.
Пусть я не принц из Ваших снов,
Вам по душе мое признание.
Какой же женщине не льстит,
Когда ей сердце открывают...
А мне, надеюсь, Бог простит
Ту нежность, что я к Вам питаю.

* * *

Я к Вам себя приговорил.
Зачем? Не знаю. Знаю, что напрасно.
Что я безумен, это ясно.
О Вас не думать нету сил.
Я Вас не знаю. Может быть,
Вы в жизни не такая, как мне мнится.
Журавль в небе – не в руках синица,
И чувств моих Вы не возьметесь оценить.
Ваш образ – плод игры воображенья.
В реальности все проще и грустней.
Мечты свои храня от суматохи дней,
Я не впускаю в сердце яд сомненья.

* * *

В глазах, что так сияли, вижу отстраненность.
И лишь в моих по-прежнему смешливая влюбленность.
Не взять мне в толк, какое чудо в Вас таится?
У шалуна Амура вместо стрел, похоже,
Ваши длинные ресницы!
Сам над собой не то, чтобы смеюсь,

Себе скорее удивляюсь.

Но вовсе не хочу вас забывать, и не стараюсь.

Игра? Пускай игра, но чувствую себя зато моложе.

Простите мою дурь. Как хорошо,

Что в этом на меня Вы не похожи.

* * *

Набрать семь цифр, и я услышу голос твой.

Семь остановок на метро, и я тебя увижу.

Не нужно никакое колдовство,

Чтоб быть к тебе по расстоянию ближе...

Но даже стоя рядом – я чужой.

В полшага пропасть непреодолима.

Ни радостью тебя приблизить, ни бедой.

Ты улыбаешься. И смотришь мимо.

* * *

Я слишком часто думаю о Вас.

Вы скажете: «Смешно!» и будете, конечно, правы.

Хоть нежных слов свой золотой запас

Я мог бы Вам отдать не только для забавы.

Я мог бы...но увы и ах!

Судьба решила надо мною посмеяться:
Вы – фантом. Вы – в моих стихах.
В реальной жизни нам не суждено встречаться.
Мне остается, образ Ваш храня,
В озерах Ваших глаз тонуть неудержимо,
Пытаясь все-таки понять.
Каким же колдовством Вы обладаете незримым.

* * *

На эти слова В. А.Каландаевым написана песня.

В твоих глазах читаю я печаль.
Из них любовь уходит понемногу.
Мне ясно: прошлого тебе не жаль.
У каждого из нас своя дорога.
Нам не бродить, мечтая над рекой,
И по росе вдвоем нам не пройти,
Но ты останешься любимой мне такой,
Что в целом свете не найти.
Забыты нежные слова.
Желанья жар в костер не превратился.
Теперь он теплится едва-едва,
В другие дали взгляд твой обратился.
Нам не бродить, мечтая, над рекой,
И по росе вдвоем нам не пройти,
Но ты останешься любимой мне такой,

Что в целом свете не найти.
Расстанемся с тобой мы навсегда.
Закаты нам зажгут иные звезды.
Я в сердце пронесу тебя через года,
Гадая, встретились мы рано или поздно.
Нам не бродить уж больше над рекой,
Нам вместе рядом больше не пройти.
Дай Бог тебе не потерять покой
И в новой жизни счастье обрести.

* * *

Под пеплом долгих серых дней
Любовь былая остывает.
Порой лишь разум возвращает
Воспоминания о ней.

Зарницы чувств едва блеснут
На потемневшем небосклоне —
Увы! вновь сердце не застонет,
И тихо призраки уйдут.

* * *

Ты сделала свой выбор. Бог тебе судья.
А может, ты сама себе судьей будешь,
Когда настанет день понять, кого ты любишь,
Кто золото, а кто простой медяк.
Конечно, время все расставит по местам.
Не заржавеют истинные чувства.
Не надо будет ни особого ума,
Ни дипломатии искусства,
Чтоб всем сестрам воздалось по серьгам.

* * *

Не грусти, вздыхая, в день рожденья,
Что уходят годы, как в песок,
Что покой так редок – все волненья
И снежком уже припудрило висок.

Не грусти. Что толку огорчаться,
Наша жизнь – потерям многим счет.
Лучше, даже если трудно, улыбаться,
Верить, ждать, тогда и повезет...

Верить в доброту, что без обмана,
Верить в теплоту сердец и рук,
Жизнь любить во всем и постоянно,
Ту, что в свой нас закружила круг.

Ту, в которой разойдутся тучи,
Ту, что в разных проявлениях хороша.
Пусть уйдет все то, что нынче мучит,
Неспокойна отчего душа.

Будет солнце, небо голубое, море,
Будет белых чаек за кормой полет...
Не грусти. Живи достойно, с трудностями споря
Помнишь, Соломон еще сказал, что «все пройдет».

Глава четвертая, в которой автор вновь объясняется в любви – на этот раз к природе

Что может быть душевнее, привлекательнее, красивее, чем наша родная русская природа! Никакие красоты южных стран – разве что только горы с их суровым великолепием – не идут в сравнение с милыми полями, перелесками, июльским разнотравьем лугов, августовскими грибными лесами...

Мои наблюдения за разными временами года я записывал в течение многих лет. В отличие от других стихов я почти никогда и никому их не читал. Вы будете первыми.

Итак – времена года.

Декабрь

Зима в засаде долго задержалась,
Взорвала небо вдруг зарядом снежным,
Все замела вокруг. Все белым оказалось,
Что осень желтым красила прилежно.

Неделя за неделей в небесах копились
Земле положенные снежные запасы —

И вот уже снежинки закружились
Метелью выюжной над калиной красной.

Январь

Дубов подагрой скрюченные сучья
Январь припудрил белыми снегами.
Зиме их вздумалось помучить
Морозами, январскими гостями.
Негромко снег скрипит под сапогами,
Прихватывает уши холодок колючий,
Мерцают звезды дальними мирами,
Лес в темноте стоит пугающе дремучий.
А утром солнце и мороз. Как у поэта —
«ковром великолепным» снег лежит.
И тихо-тихо. Только скрипнет ветка где-то.
Закутавшись в сугробы, лес молчит.

Февраль

На белых клавишах зима
Играла вальсы в феврале,
И было все белым-бело
От танцев этих на земле.

Метельным взмахом белых крыл
Зима кружила без конца,
Засыпан снегом город был
И было небо из свинца.

Но знали все, что за свинцом —
Лазури ширь и солнца круг,
Весны румяное лицо
И ласковой капли звук.

Февральская оттепель

Синоптики в шоке, как все население:
на смену морозам пришло потепленье!

Февральская оттепель – чудо природы,
но мерзостней нету, похоже, погоды.

Облеплены грязью авто и сапожки,
по слякоти топают стройные ножки.

Ворчат старики, ковыляют старухи,
но сводки погоды к стенаниям глухи.

Расквасилось небо, испуган народ:

вот грянет мороз, а тогда – гололед?

Товарищи, граждане, спрячьте волнение,
глобального климата ведь потепление!

* * *

Серый день сменился темнотой,
Солнца нет, как за Полярным кругом,
Дождь со снегом мокрой чередой,
Так и ходят друг за другом.
И в помине нет сугробов и зимы,
Только что и обещают нам, так слякоть.
Просто хочется тихонечко завуть,
В уголок забиться и заплакать.
Тетуська Погода, что ж ты подвела?
Ни коньков, ни лыж, ни санок, ни морозов.
Где зима? К кому же ты ушла?
Закипают от обиды тихо слезы.

Март, ледяной дождь

Согнулись в поклоне немые березы —
Их дождь ледяной превратил в изваянья.

Застыли на ветках кристаллики-слезы,
Приносят березы зиме покаянье.
Под арками белыми, снегом укрытыми,
Тропинки протоптаны узкие-узкие,
Ветками черными небо прошитое
Угрюмо нахмурилось тучами тусклыми.

Май

Лес зеленеет на глазах,
Природа заждалась весны.
Уж скоро майская гроза
Тревожить станет наши сны.
Разбудит чувства, кровь взбодрит,
В колокола ударит лета,
Листовою свежую зашелестит,
И потихоньку замолчит к рассвету.
Дождем умытая трава
Поманит босиком помчаться,
И закружится голова:
Пора нам с радостью встречаться.

Май

Теплый май покрасил все зеленой краской,
Из оттаявшей земли проклюнулись ростки,
А зима с сугробами ушла обратно в сказку,
Прихватив с собой и санки, и коньки.

Дождик собирался, но раздумал,
Не успев прохожих напугать.
День, с утра такой угрюмый,
Синим небом стал вдруг щеголять.

Июнь

Я солнечный лучик за пазуху спрятал,
Я капли дождя на ладошке растер.
Теперь я счастливый и самый богатый —
Я слышу, как клен на опушке растет.
Мне ветки играют симфонию леса
А дружное пение птиц, как хорал,
Частицею стал я волшебного лета
И каждой травинкою луга я стал.
Лечу в синеве вместе с облаком белым,
Качаюсь кувшинкой на тихом пруду,
В листве прячусь я земляники поспелой...
А после июня в июль я уйду.

Сентябрь

День еще летний, но желтые листья
Вальс уже кружат на теплом асфальте,
Горят на рябинах пунцовые кисти,
Будто в зеленом – камушки смальты.
В кронах берез осень светлые пряди
Легкою кистью нарисовала.
Выглянет солнце – словно погладит,
Нынче его до обидного мало...

Октябрь

Мир был пестрым, зеленым и желтым.
Слякоть сделала тусклыми краски.
Все теперь черно-бело и колко.
Лета сброшены платья и маски.
Вмерзли в землю опавшие листья,
Ждут метели, чтоб скрыла их снегом.
Лишь рябины озябшие кисти,
Словно брошены кем-то с разбегу.

Октябрь

Мокро, грязно, скучно, серо —
Дождь идет, не зная меры.
Наступают холода.
Настроенье – никуда!
Где-то солнце, пляжи, море,
Волны пляшут на просторе,
А у нас тоска и сырость.
Что за жизнь, скажи на милость!

Октябрь

Все позже начинаются рассветы.
Неряха-осень вновь обкрадывает лето.
Дождями откупаясь, серым низким небом,
Где солнца круг, казалось, был и не был.
Готова пешеходов взять измором
Холодная пронзительная морось.
Водители нахохлились в заляпанных авто,
Не то с погодой что-то, нет, не то...
Все холодней становятся рассветы.
Зима украдкой забыть нас заставляет лето.
Порою моросят угрюмые дожди —

Не жди погожих дней, тепла не жди.
Теперь надолго поселилась слякоть,
Слепое небо будет часто плакать.
Простилась с нами на год осень золотая.
Кричат печально птицы, улетаая...

Ноябрь

Глубокой осени тоскливый серый день
Сменил вчерашний – золотой и синий,
Повисли капли дождевые на продрогнувшей осине,
На все ложится близких заморозков тень.

В раскисшей колее вот-вот появится ледок,
Посвистывает ветер в черной паутине веток.
Опавшая листва похоронила под собою лето,
Напоминание о нем —
Последний сохранившийся листок.

Элегия

Заржавели листья от дождя,
Ветер их сорвал, легли на землю.
Чудится, немного погоды,

Под простышкой снега тихо дремлют.

Но не дрема это и не сон —
Этим листьям больше не проснуться.
Темной прелью у подножья крон
Суждено им, бывшим, обернуться.

Так и нас, шумевших на ветру,
Времени коррозия подточит.
Хорошо, коль послужили мы добру,
Ну, а если послужили мы не очень?

Прах и тлен – таков земной удел
Листьев и людей. Закон природы.
Счастье только, если ты успел
Доброй памятью свои отметить годы,

Созидал, любил, работал, жил
Не во лжи, по совести, открыто...
Снова листья зелены, свежи.
В возрожденьи тайна жизни скрыта.

P.S

Нет зимы... Тепло и сыро.
Будет так все время с миром?

Глава пятая, несколько более легкомысленная, нежели предыдущие

*«От улыбки сразу всем теплей,
и слону, и маленькой улитке»
Детская песенка*

С шуток, собственно, все и началось (см. главу 1). Здесь я поместил несколько более поздних эпиграмм и миниатюр, нескромно полагая, что последние могут быть отнесены к разряду юмористических. Но, обо всем по порядку.

Эпиграммы мои лишь частично вручались их адресатам.

Так получилось со стихами мэтру нашего шоу-бизнеса И. Д. Кобзону. Однажды нам со Светой довелось быть приглашенными на юбилейный вечер Марии Васильевны Бруновой, вдовы известнейшего советского конференсье (а, впоследствии и основателя Театра эстрады) Бориса Брунова.

Организовал и вел вечер Иосиф Давыдович. Перед тем, как нас позвали за столики, меня и Светлану познакомили с женой Кобзона, Нелли. По ходу вечера И. Д. поднимал всех гостей для поздравления юбилярши. Прочитав заранее написанные стихи Марии Васильевне, я обратился к Кобзону с просьбой прочитать еще одни стихи, на этот раз адресованные ему лично (этот экспромт родился у меня тут же, на банкете). Сухо улыбнувшись, он согласился (думаю, дело бы-

ло в том, что к нему слишком часто обращаются с разными просьбами, и он мог подумать, что и мое обращение может его чем-либо обременить). Никаких просьб с моей стороны, естественно, не последовало. В следующий раз с Иосифом Давыдовичем мы случайно столкнулись у цветочного магазина на Востряковском кладбище. Мы раскланялись. Увы, это случилось за год до его кончины. Теперь и мы кладем цветы к его великолепному памятнику... Теми самыми стихами я открываю главу.

Со Львом Валерьяновичем Лещенко я встретился давно и совершенно случайно. У нашей фирмы тогда был стенд для торговли плиткой в экспоцентре на Фрунзенской набережной. Знаменитый певец, видимо, затевал ремонт и ходил по павильонам в поисках подходящей плитки. Увидев, Льва Валерьяныча, я подошел и, поздоровавшись, предложил свой товар. Фирменным «лещеновским» голосом он произнес: «Спасибо, голубчик, я уже купил!». И все. А эпиграмма к этой встрече отношения не имеет. Она лишь дань уважения моему любимому певцу.

С Валентином Иосифовичем Гафтом познакомиться не удалось, хотя однажды я оказался рядом с этим замечательным актером. Он снимался в одном из эпизодов какого-то клипа. Съёмки шли в помещении выставочного комплекса «Артплей». В. И. отдыхал в перерыве между съёмкой. Меня подмывало, попросив извинения, прочесть ему эпиграмму, написанную к тому времени уже давно, но духу «гаффк-

нуть» (см. ниже) не хватило.

Так же, увы, не удалось познакомиться с писателем М.И. Веллером, чьими книгами я зачитывался в начале 2000-х. Была его встреча с посетителями одной из книжных выставок, но я, не зная почему, оробел и постеснялся подойти. Хотя к тому времени была уже написана помещаемая ниже эпиграмма.

Встреча с очаровательной Натальей Игоревной Селезневой произошла абсолютно случайно. Мы улетали на отдых в Грецию, на остров Родос. Уже в самолете пассажиры начали перешептываться: «Смотрите, артисты!». У конвейера выдачи багажа оказались И. В.Кваша с женой, Наталья Игоревна Селезнева и наша знакомая Лиля Радова, вдова очень известного в советские годы конферансье Эмиля Радова. Раскланились и разошлись. Каково было наше удивление, когда всю эту группу знаменитых артистов мы увидели в холле «нашего» отеля! Они оказались удивительно приятными, приветливыми собеседниками, хотя в дальнейшем мы общались совсем немного, стесняясь быть навязчивыми.

Тем не менее, получив приглашение приходить на их спектакли, обещали сделать это непременно. По возвращении закрутились в делах и выбрали в театр Сатиры на спектакль «Идеальное убийство» (с Н. И.Селезневой в главной роли) спустя, наверное, около года. Играла Н. И. роскошно. После спектакля мы хотели пройти за кулисы, как вдруг нас

опережает... Хазанов! Так и не удалось выразить восхищение игрой Н. И. лично, лишь по телефону. Заодно была сочинена помещаемая здесь дружеская эпиграмма.

Еще одна маленькая зарисовка посвящена нашему доброму другу Ашоту Левоняну.

Ашот – альпинист, турист, журналист, директор турфирмы в Ереване, человек, влюбленный в свою страну и знающий ее великолепно... Мы познакомились в 2008 году, встречаемся в Ереване и Москве, переписываемся. В ответ на одно из писем Ашота о его очередном восхождении на Арарат с группой москвичей и на вершину Арагац с итальянцами я написал эту шутку.

Интересна история еще одной эпиграммы – ставшему впоследствии нашим добрым знакомым доктору Нази. Во время отдыха в Эмиратах Светочка почувствовала себя неважно и нам порекомендовали обратиться за медицинской помощью в «Dana medical center», расположенный неподалеку от отеля в Ум-аль-Кувейне. Было сказано, что доктор Нази учился в Москве, после окончания института был аспирантом, получил кандидатскую степень. Здесь он открыл собственный медицинский центр, где работает вместе с женой, тоже учившейся в Москве. Естественно, оба хорошо говорят по-русски.

Обстоятельство, немаловажное для общения в чужой, тем более арабской стране. Тот факт, что Нази уролог, значения не имело – обучение в России дает докторам достаточно зна-

ний в смежных областях медицины.

Познакомились. Нази оказался оч-чень интересным мужчиной лет за 45 (что сыграло тоже определенную роль в улучшении состояния моей Светочки), а его жена Зохар –

очаровательной миниатюрной шатенкой с ямочками на щеках(!). В разговоре Нази обмолвился, что один из его русских (живущий в Эмиратах) пациентов преподнес ему стихи собственного сочинения. Такой конкуренции я стерпеть не мог. На приеме в его гостеприимном доме, за столом, доктору, его жене и гостям я прочел ту самую эпиграмму, которую вы прочтете ниже.

Остальные эпиграммы были написаны, так сказать, заочно. Очень надеюсь, никто на меня не обидится.

Иосифу Давыдовичу Кобзону

Велик талант Иосифа Кобзона —
Его, а не Отелло предпочла бы Дездемона.
Однако вряд ли бы она добилась своей цели:
Ведь сердцем мастера давно владеет Нелли!

Льву Валериановичу Лещенко

Лев Валерьяныч Лещенко – атлант советской песни.
Не дай Бог ослабеет он – эстрады небосвод заметно треснет.

Лев Валерьяныч! Продержитесь лет еще так сорок,
Пока не понаделают из молодых Вам в помощь
Небольших подпорок!

Самокритично

Мне эпиграммы Гафта не дают покоя.
Но где уж мне сравниться с ним строкою!
Кто Гафт, кто я – простая шавка —
Гафт ЛАЕТ, мне же остается только ГАФКАТЬ...

Прочитав книги М.Веллера «Долина идолов» и «Великий последний шанс»

Читал я Веллера. Без отчества он просто Михаил.
Огромный эрудит, зубодробительною критикой он мил.
От жизни тумачков в нем много умной злости:
«Совписов» разметал, Великим перемыл он кости.
Прозаик, эссеист, филолог-матерщинник.
Аристократ, как «Челси», прост, как ярославский

«Шинник».

Анализ дан им беспощадный и зловещий:

Впились в Россию бюрократы-клещи.

Европа поддыхает, нам она некстати,

Спасенье в диктатуре, но – особой стати!

Им создана Великая Последняя Утопия.

Прочел. Согласен. Вместе с ним сию в глубокой ж... я.

Любимой актрисе Наталье Игоревне Селезневой по случаю премьеры «Идеального убийства»

Не счесть ролей в театре и кино,

Что Вы сыграли так блистательно и ярко.

Для зрителей, для собственной семьи давно

Вы стали замечательным подарком.

Ваш путь в искусстве искренен и прост:

В нем нет изысков модных и витийства.

В нем только неуклонный рост —

От «Кабачка» до «Идеального убийства»!

Из Шурика подружки стали Вы солидной дамой,

Прекрасною актрисой, женой и превосходной мамой,

Улыбку сохранив, разящую мужчин...

Вам каждый это подтвердит

Советский и российский гражданин!

Ашоту Левоняну

Хоть я завидую, но рад,
Что вновь Ашот взошел на Арарат.
Презрев в долине страшный зной,
Он москвичей повлек с собой.
Но там их прихватил мороз,
Под двадцать! и довел до слез,
И москвичи, как ни старались,
Лишь две минуты продержались...
Зато подъем на Арарат
Одна из лучших им наград.
Ну а Ашот? Ему пришлось немало постараться,
Чтоб итальянцев затащить к вершине Арагаца!

**Доктору Нази, О. А. Э. Ум-аль-
Кувейн, «DANA medical center»**

Доктор Нази – замечательный врач,
Он уролог поистине классный.
Если нету детей у тебя – ну хоть плачь!
Обращайся к Нази, о, несчастный.

Он предметом своим овладел на «ура»
И чужие «предметы» приводит в порядок.
Заведется в семействе у вас детвора,
Снова жизни вы будете рады!
С импотенцией справится доктор Нази,
Вы с простатой проститесь, хотя и не просто,
Чтоб с «достоинством» было у вас «на мази»,
Поднимайте за чудного доктора тосты!

Своим коллегам и знакомым

О.П.

Любой аукцион тебе подвластен.
Талантлив ты, наш друг, безмерно.
Но и другое тоже верно:
Язык твой – враг твой, он – опасен.

Стоматологу Алику

Альберт – в своей профессии артист,
Талант от Бога – золотые руки!
Когда вам удаляет зуб такой дантист,
Вы не испытываете муки.

Сильней его улыбка, чем наркоз,
(Особенно для женщин, без сомненья),
И не одна из них не удержала слез —
Не от болей зубных.
От окончания леченья...

Стоматологу Л. Г.

Тревогой за себя охваченный,
Брожу я с мыслью постоянной,
Что вы судьбой мне предназначены
Боль причинять и наносить мне раны
И зубы удаляя год от года методично,
Вы властью медицинской наслаждаетесь своею:
«Пришли сдаваться?» – прозвучало иронично,
А я, замороженный добрым взглядом, цепенею.
Мой стоматолог милый!
Челюсть в ваши руки отдавая,
Я, как всегда, в Вас верю несомненно.
На опыт Ваш и руки уповая, я знаю
Все окончится отменно.

Зубным врачам

За то, чтоб вылечить мой рот,
Взялись два опытных дантиста.

За то, чтоб оплатить их счет,
Не взялся б даже Монте-Кристо...

NN

Моя знакомая по гороскопу – львица.
Суровый взгляд, приказный тон,
И если б не был я слегка ей увлечен,
Мне впору было б с ней проститься!

NN

Блестя холодной красотой,
Умом берет, не добротой.
Несет себя торжественно, как флаг
Народ вокруг не реагирует никак.

К.

Имея о себе весьма большое мнение,
Ты где-то прав, здесь нет сомненья.
Но только «где-то», ибо недостатки
С тобою тоже не играют в прятки.

Страховой случай

Себя от разных бед страхуя,
Живем мы, деньгами рискуя:
А вдруг не будет страхового случая —
Зачем тогда себя мы платежами мучаем?
С другой же стороны: случись пожар,
Потоп, подземных сил удар?
Погибнет недвижимое имущество,
И все, в чем мы имели преимущество!
Что перевесит – жадность или осторожность?
Ах, если бы имели мы возможность
События предвидеть... Но,
Нам с вами это не дано!

Реклама страховой компании

Вопрос отнюдь не риторический —
Машину страховать, или рискнуть, практически?
Альтернативы нет. Конечно, страховать.
Машиной новой, красивой, дорогой
Не стоит рисковать.
Отбросьте жадность, джентльмены,
Судьба изменчива и склонна к переменам.

Накроет черной полосой,
Одна беда другую вдруг потянет за собой,
Какой-нибудь кретин вам въедет, извините, в зад,
Вам легче, что он сам бесспорно виноват?
Потеря времени, здоровья, сил вам ни к чему,
Когда ремонтом надо заниматься самому!
Вот тут страховка очень кстати:
Компания ремонт полнехонько оплатит.
Спокойно спать вы будете, голубчик —
Не пропадет задаром ни один ваш «рубчик»!
Страховка у нас – это очень надежно,
И ездить спокойно теперь будет можно.

О манере вождения

Садясь в автомобиль, и выезжая на дорогу,
Мы каждый раз играем в русскую рулетку,
Как будто к хищникам шагаем в клетку,
Судьбу свою вверяя Богу.
Среди водителей так много дураков,
Неопытных девиц и наглых хулиганов,
А то и вовсе отморозков пьяных,
Что ко всему ты должен быть готов.
Каков ты есть – таков ты за рулем.
Вожденья стиль – твоя культура.
Не надо чувствовать себя в машине корольком,

И проявлять дурные стороны натуры.
Впишись в поток, не обгоняй, не суетись.
Спокойствие – всегда помощник твой надежный.
И без проблем домой спокойно возвратись.
Уверен, только так сегодня ездить можно.

Невеселые шутки

Эмансипация, ей-Богу,
Упорно достигает своей цели:
Как много стало женщин на дорогах,
Кто за рулем, кто на панели.

* * *

Примета времени – все ниже декольте.
В ночных сорочках «звездочки» на сцене.
Что нам канкан и варьете?
Гражданский брак все нынче ценят.

* * *

При чем теперь любовь?
Какое вам Восьмое марта?

«Продвинутою» стала молодежь:
У них и секс уже за партой.

* * *

Пройдясь пешком по пыли лунной,
Мы не смогли найти ответ:
«Чем лучше современник диких гуннов?
И лучше ли попы Шекспировый сонет?»

* * *

«Весь мир – театр!» – сказал Шекспир.
По меркам нынешним определения такого мало,
Поскольку современный телемир —
Одни сплошные сериалы.

Сомнительный совет

Если на вас напала тоска
Или вдруг упадок сил,
Беспокойство ль стучит в голове у виска,
Божий свет вдруг стал не мил —
Посмотрите в зеркало на себя

Пострашнее скорчив рожу.
Даже этого, в зеркале, очень любя
Полубуйтесь, на что вы похожи!
До ушей раздвиньте в улыбке рот,
Смешинку добавьте в глаза,
Поверьте, хандра тотчас пройдет,
На щеке засохнет слеза.
Мир откроется ясным солнечным днем,
На душе снова станет легко,
Понятно вам станет, для чего мы живем,
И унынье уйдет далеко.

Подражание «вредным советам»

Если в толчее дорожной вы задели чей-то бампер
Или даже чью-то дверцу вы помяли невзначай —
То ГАИ не вызывайте: вы нахалу объясните,
Что он сам себя подставил.
Значит, он – кретин и «чайник», и ущерб он вам обязан
Неприменно возместить.

* * *

Если влезли вы в автобус, а салон битком набитый —
На одной ноге не стойте. Локтем двиньте в бок соседу,

Сумку бросьте на колени мужику, что сел с газетой.
Свой талон не пробивайте, а ругайте громко вирус,
Олигархов и Чубайса.
Может, станет легче вам.

* * *

Если девочка за стенкой целый день терзает скрипку —
не пытайтесь дробью дрели эти звуки заглушить.
Вы купите торт побольше и соседку угостите:
Может быть, она объестся, будет маяться желудком:
В доме будет тишина.

Пессимисту

Когда характер у тебя не «ах»,
приходится держать себя в руках.
Не говорить: «Стакан наполовину пуст».
«Наполовину полон!» – слышаться должно из уст.

Рецензенту

Любая оценка всегда субъективна:
Кому-то «отлично», кому-то «противно!»

О вкусах не спорят. Все мнения спорны.
Кому-то «любовь», а другим «ну и порно!»

Оценивать творчество нужно особо,
Ведь автор – ранимая очень особа.

Болезненно критику автор встречает,
«Бревно» он в глазу своем не замечает.

Должна быть рецензия кислой и сладкой,
Чтоб мнение критика стало загадкой

Однако, бывает, что критик свирепый
Разносит труд автора бедного в щепы.

И кто субъективен здесь, критик иль автор?
И кто на щите вдруг окажется завтра?

Когда ж рецензент в похвалах неумерен,
Никто в его искренности впрямь не уверен

К чему ж мы пришли? Все бывает на свете
И каждый за мнение будет в ответе.

Глава шестая, в которой автор убедительно доказывает, что браки заключаются на небесах, и объясняет появление морковки в фамильном гербе

*«Любви все возрасты покорны,
ее порывы благотворны...»*

А. С. Пушкин

Помещенные здесь стихи посвящены одному человеку – моей жене Светлане. Я писал их регулярно (и продолжаю писать) на протяжении почти всех сорока лет нашего счастливого брака. Кому-то некоторые строчки могут показаться излишне пафосными, или даже неискренними. Клянусь всем святым для меня, что это не так. Моей рукой водило истинное чувство.

Восемь лет (с 1974 по 1982 год) мы работали вместе в одном проектно-институте. Встречались по работе, исключительно деловые отношения, ничего личного. Светочка была яркой женщиной, худющей, с красивой шапкой черных волос и выразительными глазами – кстати, членом партии и хорошей общественницей. Все знали, что у нее муж работает в МВД и сын учится в МГУ. Со временем наши отноше-

ния стали более теплыми, при этом оставаясь исключительно дружескими.

Предположить, что скоро мы станем жить вместе и продолжаться это будет по сей день, ни мне, ни Свете в голову прийти не могло! Вот уж истинно – браки заключаются на небесах!

Грозовская С. С. Фалеев В. Г.

1982 год оказался для нас непростым. В феврале я отметил свое пятидесятилетие, а летом, когда у меня был отпуск (я проводил его на даче), скоропостижно скончалась моя ма-

ма. Надо сказать, что к этому времени моя семейная жизнь начала довольно заметно разлаживаться. Мой брак (второй) оказался неудачным. Светлана тоже ходила по институту как-кая-то замкнувшаяся, но ни с кем своими проблемами не делилась. Шторм на нашем любовном фронте забушевал в конце сентября.

Был такой неплохой порядок в советские времена – посылать интеллигенцию в помощь колхозникам убирать урожай. На долю нашего института досталось морковное поле на берегу Оки недалеко от подмосковного города Озеры. Разместились наши бригады в помещениях пионерского лагеря. Третья смена там уже закончилась. Погода к этому времени установилась прохладная, хотя за работой мы этого не замечали. А вот в летних домиках лагеря с их тонюсенькими стенами замерзали. Обедали мы прямо в поле, куда привозили что-то слегка съедобное, и к вечеру изрядно уставали: норма по выдергиванию морковки была ого-го! Надо было не только вытаскивать ее из земли, но и складывать в мешки и грузить в тракторную тележку. Порой застигал нас в поле и дождичек.

Вышло так, что моя мужская бригада и женская, где старшей была Света, размещались в одном домике, где между нашими комнатами находился общий холл. Прогнознув за день в поле, мы начинали ужин по-русски: с полстакана «Столичной», для бодрости. Поевши и повеселев, не торопились ложиться спать, а напротив, выходили погулять по

территории лагеря, если не было дождя. И песни пели, комсомольские и лирические!

Утром до работы, особенно если было солнышко, спешили на берег Оки умываться. Оказалось, что и Света, и я к тому времени увлеклись бегом трусцой. Так вместе и бежали к реке и обратно. Кто-то из бдительных членов партбюро заметил взгляды, которыми мы обменивались, и процедил: «Ох, не добегались бы вы, ребята!» Намекал, значит. И ведь как в воду глядел!

Что-то во мне вдруг перевернулось. Как у Булата Окуджавы: «И страсть Морозова схватила своей мозолистой рукой!» Точно, какой-то чин в небесной канцелярии положил наши личные дела в одну папку. Видно, и Светочка тогда что-то во мне тоже почувствовала. Иначе это «что-то» не привело бы к далеко идущим последствиям. Но отношения наши были абсолютно невинные, я, зная о ее замужестве, ни о чем серьезном даже и не думал.

Развязка произошла накануне отъезда в Москву. Норма по уборке морковки была выполнена. После прощального ужина мы отправились на прогулку. «Светик! – сказал я – вот и все! Больше нам уже и не побегать, и не встретиться вдвоем! У тебя муж...» «Нет, – ответила она, – мы развелись...». Она потупилась. «Вот оно что! – подумал я, – то-то она все последнее время ходила по институту почерневшая!». «Извини», – сказал я. В этот момент я даже и не понял, что это – судьба. Но осторожно потянулся и – в первый

раз! – нежно поцеловал свое счастье.

К началу декабря все было решено. Мой уход из семьи дорого мне обошелся, но уже ничего не мешало нам начать совместную жизнь со Светланой (по паспорту Софией – «мудрой») Грозовской. С тех пор мы практически не расстаемся. Нас связывают общая работа, путешествия по России и миру, дети, внуки и правнуки. В этом году мы надеемся отпраздновать тридцать восемь лет нашей совместной жизни, вместившей трудности, горести и радости. И у меня уже вошло в привычку все эти годы регулярно, ко дню ее рождения 10 августа и к 8 марта объясняться в своих чувствах к жене в письменном виде. Конечно, загружать вас, мой читатель, всей этой литературой было бы слишком. Я выбрал некоторые. Часть из них, кроме лирики, содержат какие-то приметы времени написания, что, мне кажется будет интересно. Итак.

* * *

Ты – солнышко мое, дыхание земное
И в праздники, и в будни ты со мною.
Не нужно дат мне круглых дожидаться,
Чтоб только так в любви тебе признаться,
Но так уж повелось, Восьмое марта —
Международный день любовного азарта.
Спешу и я сказать тебе, ликуя:

«Люблю, горжусь, ценю, целую!»

8.03.1984 г.

* * *

Стремимся жизни смысл постичь мы неизменно.
Для каждого он свой, с годами переменный.
Но нечто есть, что вечно и едино:
Быть нужным, быть необходимым!
Любить добро и ненавидеть зло —
Тебе, Светлана, с этим повезло.
Ты выросла, неся волшебный дар,
Всем отдавать души и сердца жар,
Смотреть на мир открытыми глазами,
Собою быть – и быть все время с нами.
Спасибо, Светочка, тебе за то, что ты такая —
И вечно добрая, и вечно молодая.

10.08.1987 г.

* * *

Стройна, спортивна, элегантна,
добра, приветлива, нежна
плюс к многочисленным талантам —

великолепная жена!
Вокруг себя ты сеешь радость,
симпатий жнешь ты урожай,
достоинее нет тебе награды —
еще сто лет так продолжай!
Ты – вихрь, ты – молния, ты – гром,
Ты – солнце обаяния и пыла!
С тобой живя, я думаю о том,
Чтоб иногда чуть тише было...

10.08.1990 г.

* * *

Живу с тобой и для тебя.
Горжусь, сержусь, но все любя.
Гляжу в глаза – в них солнца свет.
Порой гроза – но гнева нет.
В них ласка, боль и теплота,
В них неизменно красота,
Добро – вот сила рук твоих;
Когда постыло – лечусь у них...
С тобою праздник день ото дня,
Бываешь разной ты для меня,
Но нет на свете тебя родней
В мелькании грустных и ясных дней.

10.08.1991 г.

*** * ***

Никто, никогда, ни за что не поверит,
Что пенсия Свете стучит уже в двери!
Ей – «сорок». Ну, «сорок один».
Братишкой младшим ей выглядит сын.
Упруг ее шаг в суматохе столичной —
Находится Светочка в форме отличной!
Тут нету загадки и нету секрета:
Задор и энергия – молодость Светы!
Открытое сердце и добрые руки
Лишают Светлану понятия о скуке,
Вкус тонкий, приятность, спортивность —
Светлане всегда придают позитивность!

10.08.1992 г.

**Поздравление с днем рождения,
написанное в размере «онегинской» 14-
и строчной строфы (подражание классику)**

Когда с пятеркою в соседстве

другая цифра «пять» стоит,
не в дневнике, как в дальнем детстве,
а с папки адресной глядит,
Светлане грустно отчего-то,
и даже чуть всплакнуть охота,
что жизнь заметно позади
и светлых дней уже не жди.
Достигнут возраст пенсионный,
взрослеют внуки, неуклюж
ее когда-то нежный муж,
отнюдь не так уже влюбленный...
и, вообще, проблема веса
предметом стала интереса.

К тому же хвори одолели:
то тут болит, то крутит там,
нет резвости былой в постели,
сжимает сердце по утрам,
замучило совсем колено —
так ноет, что хоть лезь на стену,
и левая болит нога
(заплачешь, хоть и не богат!)
Не улучшают настроенья
тревожный неглубокий сон,
слетающий порою стон
да крови низкое давление,
к тому ж подрасшатались нервы
от взгляду всем известной стервы...

Ну, а уж цены и зарплата —
попробуй справить юбилей!
Не тот фасон, что был когда-то,
когда икра была, филей,
севрюга, крабы, сыр швейцарский
и стол ломился, словно царский,
под грузом водок, коньяков,
конфет и фруктов и тортов.
А что теперь? Принять ведь стыдно
с такой закускою родных,
чтоб не обидеть как-то их,
хоть трудности и очевидны!
Короче, муторно и тошно
от этой жизни суматошной.

Да полно, Светик, ты ли это?
Тебе ль в уныние впадать?
Любовью близких ты согрета,
на жизнь не надобно роптать!
С твоими выдержкой и волей,
с твоим чудесным биополем
желанна ты для всех окрест
тобою посещенных мест.
А возраст? Да тебе не дашь
и сорока, клянусь Венерой!
Твой гибок стан, как у пантеры,
мужчины все приходят в раж,
когда ты, Светик, улыбнешься,
иль заразительно смеешься.

Ты элегантна, ты спортивна,
скромна, приветлива, нежна;
черт многих женских негативных
ты, Света, к счастью лишена.
Ты не тщеславна, не вертлява,
не тратишь деньги на забавы,
бюджет семейный бережешь,
хоть не считаешь каждый грош.
Ты чистоплотна, аккуратна,
скромна в одежде и еде,
к чужой отзывчива беде...
Должны тебя мы на руках
носить и воспевать в стихах!

Твои спортивные пристрастья,
конечно, знает весь наш клан.
В движеньи обрела ты счастье,
презрев спокойствия капкан.
Твой темперамент, без сомненья,
в нас вызывает потрясенье:
ты успеваешь здесь и там
по разным возникать делам —
картошка, пенсия, рейтузы,
кино, пельмени, педикюр,
химчистка, взять дешевых кур,
в комиссионном где-то блуза...
Тобою все восхищены,
хотя порой – оглушены!

Мой Светик! Пройден путь немалый
за эти трудные года.

Но чтобы в жизни не бывало,
ты не сдавалась никогда!

Храни же дух неукротимый,
а сложности пройдут пусть мимо.

Твои душа и обаянье
заслужат пусть и впредь признание,
любовь и теплоту всех нас.

Ты так нужна нам, наша Света,
твоей мы теплотой согреты —

и в этот день и в этот час
мы говорим тебе, любя:

Господь, да пусть хранит тебя!

10.08.1992 г.

(10 лет вместе)

Ты сердисься, что не пишу стихов,
что невнимателен, как прежде,
и кажется тебе, что нет надежды
услышать звуки нежных слов...

Мой Светик, солнце, жизнь моя,
прости, но это – заблужденье.

Моя любовь к тебе все то же наважденье,

дышу тобой, судьбу благодаря.
За эти годы, прожитые вместе,
за душу, отданную мне,
за счастье наяву, а не во сне
благодарю тебя без лести.
Прошу, прости, когда бываю груб.
Хорошему в себе я лишь тебе обязан
и прошлым лишь в себе бываю связан,
когда слова невежливо с моих слетают губ.
Ты мне подарок неба, видит Бог,
с тобою мне легко, спокойно и надежно
и как бы ни случилось в жизни сложно,
с тобою я мечтаю до конца пройти свой жизни срок.

10.12.1992 г.

*** * ***

Моя жена сменила вдруг фамилию,
и стала не Грозовская, а Сервер,
разрушив тем семейную идиллию
и потрепав изрядно мои нервы...

утро 9.02.94 г.

Поздравление от коллектива финансовому директору фирмы «Сервер» Грозовской С. С

В этом качестве мы Вас не знали,
а узнав, полюбили сильнеей.
Без сомненья, найдется едва ли
несогласный с оценкой моей.
Сочетая энергию с шармом,
обаятельны Вы, но строги.
Ни минуты не тратите даром,
ценят Вас деловые круги.
Вас рабочие любят на складе,
и «Столичного» банка народ.
Далеко оставляя всех сзади,
молодежь Вы вгоняете в пот.
Возраст спорту для Вас не помеха.
Темперамент – на десять персон.
Добиваясь для фирмы успеха,
про еду Вы забыли и сон.
Дорогая Светлана Семенна!
Оставляйте такую всегда:
доброй, мудрой, ко лжи непреклонной,
и забудьте про Ваши года!

10.08.1994 г.

Светочке через пять лет после 1992 г

Задача, скажем, не простая,
вновь поздравленья сочинить,
пятнадцать лет Светлану зная,
ее стихами удивить.
Но что же делать, коль с годами,
(что, впрочем, видите вы сами)
не увядает Светик наш —
ей и пятидесяти не дашь!
И те пять лет, что пролетели,
Нам не прибавили морщин.
Хотя достаточно причин
могли достигнуть этой цели.
Вот только с весом есть проблемы,
но мы избегнем скользкой темы...

Судьба за эти годы круто
жизнь Светы повернула вдруг:
не там легли ее маршруты,
где раньше был очерчен круг.
Связав судьбу с любимым сыном,
госслужбу навсегда покинув,
второе обрела дыханье,
у всех окрест снискав признание.
Таланты, что в душе дремали,

в Светлане проявились враз —
о них еще пойдет рассказ,
но что отметим мы вначале,
что Света молода душой
и так же хороша собой.

С. С. – финансовый директор
и генеральный «Фирмы ГРОСС».
Забот ее обширен спектр,
ей по зубам любой вопрос.
Но начиналось все скромнее
(ведь лишь с годами мы умнее):
по всей Москве, в метро, ногами.
по магазинам (кто с долгами);
сначала робко Света в банк
ходила, как на стажировку,
но, быстро обрета сноровку,
теперь собой являет «танк».
И большей частью банк «Столичный»
Светлану знает на отлично.

Она любима всеми нами
за энергичный жизни стиль,
за скромность, нелюбовь к рекламе,
способность в день промчать сто миль.
Везде при этом улыбаться,
хотя порою и ругаться
на нерадивых, равнодушных,
людей, с кем рядом просто скушно.

Но в основном, даря всем счастье
общенья, ясного, как свет,
Светлана – солнышка привет
способна разогнать ненастье
в душе у каждого из нас
и блеск усилить наших глаз.

Сегодня, поздравляя Свету,
не можем мы забыть о том,
что ей в хозяйстве равных нету,
так аккуратен ее дом.
В одежде Светочка опрятна
и смотрится весьма приятно,
имеет склонность к серебру —
но это, право, лишь к добру.
В свободный час заняться спортом
ей удастся иногда,
не позволяя никогда
взять в рот хотя б кусочек торта.
От этих и других причин
она волнует всех мужчин.

Светлана, Светик, радость наша!
Любовью ты окружена.
Так будь здоровой, будь все краше,
Как финдиректор, как жена.
Храни энергию и хватку,
будь победительницей в схватках,
с годами, глупостью, злой волей,

с телесной и душевной болью.

Глаза твои пускай сияют,

не потухая никогда.

От Бога дар тебе сей дан,

и Он тебя благословляет

красиво и счастливо жить

и нам всегда себя дарить!

10.08.1997 г.

* * *

В твой день рожденья, Света, я хочу сказать,

что ты любима всеми нами,

обласканная добрыми богами,

лишенная пороков и причуд.

В тебе счастливо сочетаются черты

начальства строгого и сердобольной мамы.

Наметив цель, ты к ней идешь упрямо,

не нарушая принципов моральной чистоты.

Твоей энергии завидуют юнцы.

Громада дел твоих, как на плечах атланта.

Все это – следствие и воли, и таланта.

(Какие по Москве ты делаешь концы!)

Ты помнишь все, заботишься о всех,

хотя порой сердита – но по делу,

ты «Сервера» корабль ведешь красиво и умело,

тебе во всем сопутствует успех.
В семье ты – самый главный человек,
простой, веселый, добрый, работающий,
красив полет души твоей звенящей,
красив земной простой спортивный бег.
Храни тебя Господь на долгие года!
Будь счастлива в семье и на работе,
здоровье береги – оно пусть не заботит —
любимой оставайся навсегда.

10.08.2000 г.

* * *

С любовью, Светик мой, к тебе
пишу я поздравленье.
Ты – солнца луч в моей судьбе,
ты – счастья откровенье!
Мне без тебя всегда темно,
с тобой – светло и ярко,
как будто солнца свет в окно
в ненастный день подарком.
Болеешь – я и сам не свой,
и на душе тоскливо,
Молю я небо: хворей рой
отступит пусть пугливо.
Будь долго, долго молодой,

здоровой и красивой,
тебя люблю я, и с тобой
я всех мужей счастливей!

10.08.2001 г.

* * *

Страшной землетрясения Светин гнев.
Астрологи напутали, быть может:
хотя моя жена по гороскопу ЛЕВ,
мне кажется, она скорей на танк похожа.

2001 г.

* * *

За двадцать лет стираются слова,
но не тускнеют ни любовь, ни чувства.
Ты – красота. Постигла ты искусство
творить добро. Всему ты голова.
Так будь такой и впредь!
Желаю долго не стареть
и оставаться вихрем, ураганом, громом —
таким родным, любимым и знакомым.

8.03.2002 г.

* * *

День за днем календарь обрывая,
ты летишь, за делами спеша.
Своих лет не всегда замечая,
молодой остается душа.
Лишь чуть-чуть посOLIDной фигура
да предательски ноет спина —
позабыта, увы! физкультура:
на уме лишь работа одна.
Но по-прежнему четки и ясны
мысли в умной твоей голове,
а глаза – они так же прекрасны
(надо верить всеобщей молве!)
«Старый конь борозды не испортит»,
но, позволь, Светик, кто это стар?
Посылаешь ты недуги к черту,
выходя ежедневно на старт.
Я хотел бы, чтоб жизнь вихревая
твоей спутницей долго была,
и усталости чтобы не зная,
ты горя, не сгорая жила.
Мне же выпало счастье быть рядом
и, ревнуя к работе, любить.

Для меня нету лучшей награды,
чтоб с тобою сто лет еще жить!

10.08.2002 г.

* * *

Ты хорошеешь год от года,
земное время над тобой не властно.
Всегда свежа ты, искрометна и прекрасна,
какая б ни стояла на дворе погода.
Твоей энергии завидуют юнцы.
Умеешь скрыть ты недуги и боли.
Превозмогая отложенья соли,
спешишь ты каждый день во все концы.
Твой темперамент – огнедышащий вулкан,
но никогда и никого он не опáлит:
тепло души он всем нам дарит!
С тобою жизнь – как увлекательный роман.
Твоя натура на добро щедра,
ты многогранна, многоцветна, многолика:
хотя порой крапива ты, но чаще – земляника,
к тому ж всегда практична и мудра!
Мой Светик! Солнышко! Для всех ты – идеал.
В любом прикиде ты неотразима.
Не будь со мной тебя, считай,
что жизнь прошла бы мимо...

Позволь же за тебя поднять бокал!

10.08.2003 г.

* * *

Средь будних дней, спокойных, как торнадо,
в круговороте августа – десятое число...
(Торговля плиткой – не простое ремесло,
здесь каждый день и мука, и награда).
Но этот день стихом обязан я отметить:
он миру подарил Грозовскую С. С. —
она для всех, как дар небес,
и потому в сей день я поздравленья адресую Свете!
В ней гармонично сочетаются прекрасные черты
жены и матери, сестры и бизнес-леди,
в поездках по свету ей равных нет, как Конюхову Феде,
и равных нет по качествам душевной красоты!
Твоим вниманьем материнским окружен
не только сын. Ты всем сотрудникам – заботливая мама.
Ты правду говоришь в глаза. Ты тянешь воз проблем
упрямо,
ты – лучшая из лучших в мире жен.
София мудрая! Финансовый директор дорогой!
Тебе желаю я на сотню лет здоровья!
Моей и всех оно питается любовью,
труду и благородству будучи слугой.

10.08.2004 г.

* * *

Прекрасен дар быть молодой, на даты невзирая,
как хорошо, уже в годах, черпать любви без края!
Души здоровье сохраняя, от зависти не корчась,
не потушить в себе огня, ни сглаза знать, ни порчи!
Как здорово бежать вперед, пока еще бежится,
не думая, что ждет последняя граница...
Шагая с молодостью в ряд, как хорошо смеяться
и, бодрости храня заряд, работы не бояться!
Вот так еще бы много лет с тобой трудиться рядом —
ведь для меня на свете нет достойнее награды!

08.03.2006 г.

* * *

Года бегут, но как-то мимо.
Твои достоинства неоспоримы:
ты неподвластна переменам
и чувства наши неизменны.
В тебе мы ценим доброту,
тепло души и красоту,

Неповторимо сочетание
напора – с морем обаянья!
Твоя суровость напускная
для тех лишь, кто ее не знает.
Такое сердце – поискать:
чудесная жена и мать,
заботой всех ты окружаешь,
мужчин мгновенно покоряешь,
мудра, дотошна, энергична...
С. С. – мы ставим Вам «отлично».
Подарком в день рожденья вновь
от мужа, как всегда, – любовь!

10.08.2006 г.

* * *

Сотри с лица следы усталости,
смени суровость на улыбку!
Еще сто лет нам жить до старости,
смеясь и плача, делая ошибки,
стараясь соблюдать игры чужие правила,
стесняясь быть добрее, чем положено,
совет прося у совести о поведении правильном,
стыдясь смешными стать, достигши невозможного...
Взгляни на солнце в небе золотистое —
не так уж плохо в жизни все устроено.

Пускай она всегда нам кажется цветистою
и светлым путь, вдвоем с тобою пройденный!

08.03.2007 г.

* * *

Сей год, двоим нам юбилейный,
встречаем, Светик, мы в пути.
Не нужен хор нам слов елейных,
мы знаем, как тот путь пройти:
открыто, с совестью спокойной,
держа во всем себя достойно,
по курсу следуя добра,
чтоб жизнь в ответ была щедра.
Мы шли так вместе много лет,
деля и радости, и горечь,
всегда в ладу, порою ссорясь,
любовь не потерявши, нет:
она осталась навсегда
и не исчезнет никогда.

Встречаешь ты вполне достойно
свой славный «круглый» юбилей:
довольна жизнью беспокойной,
она стократ тебе милей,
бездельных дней давящей скуки,

когда ни голову занять, ни руки,
полезных дел не отыскать,
как только от тоски вздыхать...
Не то характер Светы милой —
ее удел – порыв и страсть!
Пусть боль в спине (опять напасть)
предательски заходит с тыла,
наш Светик снова на коне,
чему довольны мы вдвойне.

Свой возраст ты хранишь в архиве,
идя по жизни налегке.
Нет матери тебя счастливей:
твой сын не где-то вдалеке,
а рядом, сняв с тебя заботу
искать занятие и работу.
Ты стала для него опорой —
с тобою он шагает в гору.
Ты, Света, тянешь воз хлопот,
тебе упорство помогает,
твой ум старанье подкрепляет,
хотя проблем невпроворот.
Твоя блестящая харизма —
продукт судьбы и организма!

Таких людей, как наша Света,
и на мильон не отыскать.
Любовью общею согрета,
ты всем нам, как родная мать.

Порой тебе не до улыбок
от безразличья и ошибок,
но ты способна на прощенье,
хоть не скрываешь огорченья.
Прими же наше пожеланье
свой тонус много лет хранить,
немало добрых дел свершить,
в нас вызывая обожанье.
Года не властны над тобою —
всегда ты хороша собою!

10.08.2007 г.

* * *

Моя жена! Под знаком зодиака «Львица»
судьбой начертано в сей раз тебе родиться.
Ты – львица истинно: стройна и горделива,
тебе присущи благородство, ум пылливый,
широкая душа, настойчивость, упорство,
неведомы тебе зазнайство, скупость, черствость,
тобой горжусь я и люблю безмерно,
стараюсь править мой характер скверный,
шагать с тобою в ногу по тропинке чувства
и постигать терпения высокое искусство.
Прими сегодня мой подарок скромный
в знак благодарности огромной:

хотелось бы мне очень, чтобы
тебе понравился серебряный предмет
девятисотой пробы!

08.03.2008 г.

* * *

За много лет, казалось, все озвучены слова.
Посвящено тебе сто семь стихотворений.
Но вновь любовь моя, которая жива,
потребовала крепких выражений.
Какие годы! Мы еще в строю,
и ты шумишь по-прежнему отменно,
а я тебя по-прежнему люблю
и на тебя молюсь коленопреклоненно!
София! Мудрая! Не умеряй свой пыл,
красивой оставайся и здоровой.
Ты мне, а я тебе надежным сохраняем тыл,
какой бы ни была действительность суровой.
Мы оба дни рождения не любим отмечать.
К чему нам эти нас пугающие даты.
Давай не будем годы замечать,
а будем ими, всем назло, богаты!

10.08.2008 г.

* * *

Тебя поздравить с днем рождения легко:
твои достоинства всем хорошо известны.
Добра и милосердья планку ты подняла высоко,
любовь и уважение к себе завоевавши повсеместно.
Сошлись в тебе удачно ум и красота,
прилежность, трудолюбие и честность.
Отменный вкус твой, а в общенье простота
немало отзывов завоевали лестных.
Осталось, Светик милый, пожелать
все эти качества хранить как можно дольше,
болезни и хандру подольше посылать,
а радостей от жизни получать побольше!

10.08.2009 г.

* * *

Тебе сегодня стало больше на год:
как я привык, стихами этот факт отметить надо.
Твой возраст – выдумка безумных паспортистов,
а темперамент – зависти предмет заслуженных артистов.
Твоя энергия – как сжатая пружина,
энергия добра – любви и уважения к тебе причина.

Нашла ты жизни смысл в работе и в движении,
служа примером молодому поколению.
Сошлись в тебе романтика и прагматизм,
упорство, воля, мягкость, оптимизм,
харизматичность, скромность, толерантность,
вкус безупречный, простота и элегантность.
Твоя, без компромиссов, цельная натура
не принимает философии гламура.
Тебе противна ложь, пусть в яркой упаковке,
обман ты не простишь, хоть он упрятан ловко.
София! Мудрая! Такой тебя я знаю.
Здесь нужно перейти к тому, что я тебе желаю:
Хочу, чтоб долго сохраняла ты всю ту же к жизни
жадность,
всегда, во всем собой была – такую же отважной,
Храни любовь, вперед иди, а я с тобою рядом,
пусть будут трудности в пути.
Нам вместе – нет преграды!

10.08.2010 г.

Новогоднее

Любимая! Еще один прожитый вместе год ушел,
находок и потерь, улыбок, дум и огорчений,
но нам по-прежнему с тобою хорошо —
нам дарит жизнь так много новых впечатлений.

Старуха старость исподволь пытается украсть
у мира нас и друг у друга,
от вечности пытается нам письма слать,
стараясь заключить в объятия заколдованного круга.
Борись! Сопrotивляйся тишине, покою – пусть придет
нескоро.

Как все года мы так нужны – ты мне, а я тебе —
Особенно теперь, в такую непростую жизни пору!
Мы удивляться новому не устаем,
мы движемся вперед, не поддаваясь скуке,
и пусть пришедший Новый год
нисколько не приблизит нас к разлуке.

31.12.2010 г.

* * *

Писать стихи ко дню рожденья
мне не случалось уж давно
(здесь нет ни капли принужденья —
так между нами решено).
Но этот день – момент особый,
тут сочиненье высшей пробы
на стол должно лечь адресату,
ее рожденья славя дату.
Высоким слогом поздравленье
я должен Свете написать,

ее достоинства признать
и расписаться в восхищеньи.
той, с кем живу я много лет,
с кем я объездил белый свет.

Второй такой, как наша Света,
сумеешь вряд ли отыскать:
улыбкой доброю согрета,
ты, Светик, нам – вторая мать.
И, хоть порой ты судишь строго,
затем прощаешь – всем и много,
не уважая лишь лентяев
и равнодушных краснобаев.
В работе служишь нам примером,
делам всем нашим – голова.
Не тратя попусту слова,
ты отдаешь себя без меры.
Скажу без тени я сомненья:
ты счастье обрела в движеньи!
Шагать вперед еще немало,
Бог даст, вперед нам предстоит.
Устала ты иль не устала,
тебе твой долг идти велит.
Все ж побережь себя немного
не помешало б нам в дороге —
ведь вулканические страсти
причиной могут стать напастей.
Желаю быть тебе спокойней,
не тратя сил по пустякам,

из ничего не строя драм.
Увидишь, станет жизнь достойней.
Всех благ желаю я в надежде,
что любишь ты меня, как прежде.

10.08.2011 г.

*** * ***

Да кто же не знает Грозовскую Свету?
Всегда безупречно, со вкусом одета,
Глаза излучают потоки добра,
Сегодня красивей она, чем вчера.
Энергией, мощью движенья полны,
Решения быстры. А руки сильны.
Бороться ей с возрастом некогда просто,
Вот, незаметно, домчится и до ста,
Пример подавая любви и заботы,
И увлеченья своею работой!
А я в восхищенье идти буду рядом,
На Свету глядя обожающим взглядом.

10.08.2012

*** * ***

Тебе даны, мой Светик, Провиденьем
Не только сила воли, но и чудное уменье
Держать удары переменчивой судьбы,
На небо не ропща, не вознося мольбы.

Умеешь ты работой обуздать невзгоды
Делами добрыми, что существо твоей природы,
Болезнь преодолев, красивой оставаться.
Да так, что вновь в любви тебе хочу признаться!

Фальшивы даты в документах.
В твой адрес – только комплименты.
Так молоды глаза твои и бархатная кожа:
Клянусь, на возраст свой ты вовсе не похожа!

10.08.2013

* * *

Быть может, ты права,
Не самый лучший муж тебе достался.
Но я все эти тридцать два старался,
Доказывать, что прежняя моя любовь жива.
Ты у меня одна на белом свете.
Мне без тебя так одиноко на планете.
Прими мою любовь такой, как эти розы,
И пусть отсутствуют на нашем небосклоне грозы.

10.08.2014

*** * ***

Светлана моя! Ты ведь общая мама!
Открыла ты всем доброты панораму.
Пример показала к труду уваженья,
И сложностей всяких преодоленья.
За годом уходит в историю год,
Беда, что здоровье тихонько крадет.
Но ты не сдаешься, ты духом сильна,
Ты верю в разум и правду полна.
Той цифре, что в паспорт твой вписана ложно
Поверить, Светуль, нам никак невозможно.

10.08.2015

*** * ***

Ты человек из будущего, Света!
Таких теперь так мало в этом мире.
Теплом души твоей жизнь окружающих согрета
За темпераментом твоим, пожалуй, не поспеть
Моей незамысловатой лире.

Но я стараюсь и стихами и делами
Тебе соответствовать во всем.
Пусть не уходит наша нежность, остается с нами
Нам путь еще немалый предстоит вдвоем.

Ты у меня одна, единственная, Соня,
Судьбе угодно было сделать этот выбор.
Мне ни к чему теперь за славою и золотом погоня.
Пусть рядышком навечно остаются Лев и Рыба.

08.03.2016

Вместе 34 года

Смеясь и хмурясь, улыбаясь, ссорясь,
Идем мы по планете много лет.
Судьба нам, к счастью, приносила меньше горя,
Чем радости труда заслуженных побед.
Малыш! Я, как тогда, тебя люблю. Горжусь тобою.
Вся жизнь моя – с тобою находиться рядом.
Мы навсегда друг-другу предназначены судьбою,
(Хотя порою в прах бываю превращен я твоим
взглядом...)
Что дальше ТАМ, в межзвездной пустоте,
Мне не дано узнать.
Однако ж верю, наши души снова будут вместе.
Как было б хорошо идти вперед, и добрыми делами

Путь наш отмечать,
Рука к руке, трудясь, любя, вот ЗДЕСЬ еще
Лет двести.

10.12.2016

* * *

Пусть мне завидуют мужчины,
У них на это есть причина:
Такой жены, как моя Света,
Ни у кого на свете нету,
Фантастиш, чудо, вондерфул —
(Чтоб я в болоте утонул!).

В свои года стройна и гибка
(А цифра в паспорте – ошибка),
Добра, приветлива, умна,
Всегда улыбчива, нежна,
Работа спорится у Светы,
На все вопросы есть ответы.

Прабабушкой хотя и стала,
Но спорт любить не перестала,
К себе относится внимательно,
Зарядка утром – обязательно!
Ну, а уж Светин внешний вид

Нам всем о многом говорит:

Прическа – волос к волосу,
Вгоняет многих дам в тоску,
На пальцах перстни, как игрушки,
Все больше с камнями лягушки.
Но Бог уж с ними, украшениями,
Важнее с мужем отношения.

Мой Светик – чудная жена,
Пример для всех других она.
Мы вместе тридцать пять уж лет,
Ее заботой я согрет.
Она – единственный мой друг,
Все краски мира, все вокруг.

Моя судьба, моя любовь!
Я повторяю вновь и вновь,
Светлана! Радости и счастья!
Пускай минуют нас ненастья,
Пусть солнце светит нам в пути!
Дорогой долгой нам идти.

08.03.2017.

* * *

Ты адаптивна, креативна,
Как молодая лань активна,
Всегда, во всем ты позитивна,
В своих оценках объективна,
В одежде чуть консервативна.
Фигурой – точно не массивна,
А в целом скажем:
Все о том, что лучшим вышла ты
Адамовым ребром!

Заглянешь в паспорт – легкий шок,
Ошибка ЗАГСа, без сомненья,
Не тот записан год рожденья.
С похмелья перепутан срок.
Летишь по жизни, словно птица!
Ну, как тобою не гордиться?

10.08.2018

* * *

Ты помнишь обращение «малыш»?
Тогда мы так друг – друга называли.
Я знаю, хоть ты иногда молчишь,
Но ласка этих слов из сердца твоего
Ушла едва ли...

Пусть дата «36» и не кругла,
Но, согласись, она солидна.
И наша жизнь,
Что дружно прожита была,
Прошла в согласии и счастье, очевидно.

Твоя забота и тепло мне помогают жить.
Вдвоем идти вперед нам предназначено судьбою,
Любить друг-друга, бережно хранить
Определило небо нам с тобою...

10.12.2018

На прогулке в Битцевском лесопарке. Золотая осень
2018 г.

**Поздравление от коллектива фирмы
«Сервер» («онегинская» строфа)**

«Не верю!», молвил Станиславский,
В раскрытый паспорт заглянув.
«Все бред, вранье, пустая сказка!»,
Он рявкнул, глазом не моргнув.
«Мне явно лишним был стаканчик!
Старушка? Божий одуванчик??
По цифрам так должно и быть.
Откуда ж в ней такая прыть?»
Лишь посмеется Света вслед
Тем, кто узнавши возраст, ахнут
Нагонит на лентяев страху.
А трудоголикам привет
Пошлет, в рядах их стоя —
Самой уж ей давно не знать покоя.

Ведь «общей мамой» не случайно
Светлану все у нас зовут —
За ласку, доброту, вниманье,
За честный и красивый труд.
Ее пример – другим наука,
Но честно скажем, все же мука
Груз лет тащить и воззабот,
Не прерывая свой полет.
Что помогает ей? Движенье!
Любовь и преданность родных,
Вниманье близких и чужих,
Всех, кто знаком с ней, уваженье,
Душевной сила красоты
И свойство честной прямоты.

Какой, однако, нужно волей
И чувством долга обладать,
Чтобы назло нередкой боли
Дел столько делать успевать.
Аванс всем выдать и зарплату
Их строго соблюдая даты,
Купить для офиса конфет,
И мудрый женский дать совет,
На складе сделать остановку,
На стенд заехать в Экспострой,
К пяти примчаться на Петровку.
Домой же только к десяти,
Чтобы чуть-чуть в себя прийти.

Ну, что ж? Осталось нам здоровья
Светлане нашей пожелать,
Быть окруженною любовью,
Себя все так же отдавать
Работе, сыну, внукам, мужу,
По-прежнему быть всем нам нужной,
В лесу лишь (!) с палками ходить,
Смеяться чаще, чем грустить.
Пусть возраст Ваш опять обманет
Тех, кто устал быть молодым.
А Вам пусть впору будет с ним,
Тогда и старость не достанет.
А потому – забудем даты.
Кто не согласен – сами виноваты.

10.08.2019

* * *

Ужели времени стремительный полет
Приблизил вновь нас к славной дате?
Неужто метеором пролетевший год
Лишь седины прибавил нам,
Но не рубля к зарплате?

Увы! строги законы естества —
Наш бракосочетанья день мы отмечаем снова
Но я скажу без тени хвастовства,
Что ты прекрасно смотришься в своих обновлениях.

Как будто стоворилась ты с годами навсегда —
Приметы возраста тебя обходят стороною.
А цифра в паспорте? Подумаешь, беда,
Ведь главное, что молодость души всегда с тобою.

Какие километры ты проходишь каждый день,
С какими только не справляешься делами!
Порою тяжело, но прочь ты гонишь лень,
На мир глядя усталыми, но добрыми глазами.

В основе счастья труд лежит.

А для труда что надобно? Здоровье.
Желаю, солнышко, с ним тебе дружить,
Я ж помогу тебе своей любовью!

10.12.2019

Глава седьмая, заключительная, в которой автор высказывает сочувствие всем родившимся 29 февраля, в том числе себе

По церковному календарю младенцев, появившихся на свет 29 февраля, полагалось крестить Касьянами. Подобной участи я избежал, вероятно потому, что в 1932 году церковные календари популярностью не пользовались. Но, оставшись Владимиром, получил в «подарок» день рождения, который случается только раз в четыре года. К тому же, как мне рассказала моя мама, я вообще поторопился явить себя этому свету месяца на полтора, получив в добавку к знаку Рыбы еще и Овена. Вероятно, эти два обстоятельства как-то отразились на моей личности. А вот как, это вопрос. Возможно, кое-что прояснит содержание предыдущих глав этого сборника, а также некоторые стихи заключительной главы.

* * *

Довольно сложно, скажем прямо,
Тот день рожденья отмечать,
Когда его число упрямо

Отсутствует в календаре опять.
Коротким февралем гонимый,
Три года день проходит мимо
И только раз в четыре года
Собой является народу.
Отсюда сделаем мы вывод:
Кто в этот день на свет явился
И тем от прочих отличился,
Тот должен тем уж быть счастливым,
Что вчетверо он всех моложе,
Кто днем рожденья непохожий.

Но есть, представьте, в этом минус:
Как день рожденья отмечать?
Холодный пот течет по спинам
У тех, кто жаждет поздравлять.
Друзья терзаются в сомненьях —
Не опоздать бы в поздравленьях,
Произнося в сердцах: «Ну, ...я,
Конец убрали февраля!»
«А марта первого поздравить,
Тебя же могут упрекнуть,
Что этот знак вниманья – муть,
Что задним ты числом лукавишь!»
Вот так и мечутся все зря,
Кляня каприз календаря...

Вот уж не повод для волнений!
Ведь важно то, что вы добры!

Число и время поздравлений
Простят вам правила игры!
Ведь ваши искренность и честность,
Скорее принесут известность
И славу добрую вокруг,
Чем низостей порочный круг.
Простим же шутки астрономов,
Коварство злых календарей,
Поднимем тост за тех скорей,
Кому февраль без дня знакомый!
Для слов, идущих от души,
Все даты, право, хороши.

* * *

Впрочем... Я не люблю
Свой день рожденья отмечать,
Хоть он случается
Лишь раз в четыре года.
К чему о возрасте напоминать?
Веселье получается сомнительного рода...
Я не люблю свой день рожденья,
И не я один. Я знаю многих,
Кто со мною солидарен.
Но в обществе обычай господин,
Не следуешь ему, знать, ты неблагодарен

Тебя поздравить многие хотят.
Ты заслужил, чего тут упираться?
Вовсю слова дежурные звучат —
Плохого нет тут, надо ль уклоняться?
В такие дни все льстят тебе в упор.
Не разобрать, кто честен, кто лукавит.
Нет, ты неправ, вступая с ними в спор:
Всех собери и выслушай. Пускай поздравят.

Они ж не виноваты, что ты на год старше стал.
Напротив, рады, что ты держишь форму.
Им невдомек, что дат подсчет не праздником уж стал,
А поводом снижать приема алкоголя норму!
И все ж, позвольте не устраивать мне пир.
Есть телефон, кто хочет, тот поздравит.
Давайте заключим по сей проблеме мир:
И вам, и мне намного легче станет!

* * *

Я самый богатый на свете,
Богаче меня только дети!
Мои все дожди и рассветы,
И все закоулки планеты,
Могу я бродить по пустыням,
Горам и морям темно-синим,

Мне джунгли и сельва знакомы,
В сибирской тайге я как дома.
Мое постоянное место —
На склонах горы Эвереста.
Подводной не страшно мне гадины
Не дне атлантической впадины.
Гуляю по книжным страницам,
Парю над землей, словно птица...

Я вас не ввожу в заблуждение —
Все это – воображение,
И каждый из вас точно так же
Отправиться может однажды
В полет своей вольной фантазии
По странам Европы и Азии!

Тем из моих читателей, кому за... будут близки следующие строки.

* * *

Печальны возраста черты:
Ты вроде тот, но ты – не ты.
Тот человек за зеркалом седой,
Что был когда-то молодой —
Ребенок, юноша, мужчина, дед —
Несет груз долгих, долгих лет.

Печальны возраста приметы:
Не так заботит, как одет ты,
И к докторам визиты чаще,
И поцелуи не так слаще...
Не те уж силы, стать не та,
К тому ж несносна суета.

Печален возраста удел:
Вдруг оказаться не у дел,
Искать предлог натужно
По-прежнему быть нужным...
Держать себя в руках в надежде,
Что пользу можешь приносить,
Как прежде.

Печален возраста итог:
Уже не можешь ты, что мог.
Но сдаться времени – позор!
С судьбою не вступая в спор,
Ты оставайся на плаву:
«Я мыслю-значит я живу!»

Эпилог

Не спится мне. В звенящей тишине
Приходят мысли разные неспешной чередою.
Обрывки прошлого, что не дают покоя.
Хоть и ушедшие, как прошлогодний снег.
Воспоминания толпятся вразнобой
О лицах, городах, дорогах, встречах.
Должно быть, только в памяти моей они навечно —
Им суждено покинуть мир со мной.
А что оставлю я? Не мне судить. Потомкам.
Хотелось бы, чтоб память доброю была.
Прошел я долгий путь, ну что ж, без славы громкой,
Зато я честен был, верша свои дела.

Размерен ход часов. Сон где-то рядом бродит,
Собою заслоняя мысли о былом.
Чуть-чуть светлеет. Ночь уходит.
О чем я это? Верно, ни о чем...

* * *

Перебираю прошлое, как камушки на четках,
По длинной нити памяти моей...

Успеть,
Пока старик Харон за мной не подал лодку,
Все с лишним тридцать тысяч жизни вспомнить дней.
Я ни в один из них не брошу камень:
Гневить Всевышнего —
Мне было б обижаться на судьбу.
В ней было все.
Дороги дальние, работа, лед и пламень,
Что в жизни каждому из нас положено,
Как вечности рабу.
Я благодарен близким мне,
Делившимся со мной любовью,
Пускай простят меня все те, кого я обижал.
Быть может, добрых слов я больше заслужу,
Чем заслужу злословья,
Старался верить я в добро, как в идеал.
Вселенной смысл – движение и время.
Счастливы те, кто радость созидания постиг,
Кто труд за доблесть почитает, не за бремя,
Того, я верю, даже будь он грешен,
Бог простит.

* * *

Я – не волшебник, и не Дед Мороз,
и за спиной подарки не таскаю.

Зато немало сочинил и преподнес
стихов и поздравлений вам, кого я уважаю.
Всем от души желаю я добра,
гармонии с природным окруженьем,
здоровья чтобы было через край,
любви – до головокруженья.
Поступков мудрых больше, чем дурных,
ошибок в выборе – поменьше.
Вам, дорогим мне, я дарю свой стих,
насколько позволяет мне уменье.

Уйду.
Останутся слова.
Останется душа, что не подвластна тленью.
И пусть любовь останется жива
хотя бы в этих неуклюжих сочиненьях.

* * *

На одном из поворотов
Сбросит шар земной меня.
Может быть, заплачет кто-то,
И родня и не родня...

Мир умчится по орбите,
К звездам отлетит душа.

Если плох был – промолчите,
Дымом сигарет дыша.

Ну, а если что-то стоил,
Строил, сочинял, любил —
Встаньте, помяните стоя,
Все ж он добрым малым слыл.

Может кто-то что-то скажет,
Вспомнит пару славных дел...
Божий глас судить нас станет:
Кем ты был и что успел.

Москва июнь 2020 года